

Ханскарл Лёйнер

**КАТАТИМНОЕ
ПЕРЕЖИВАНИЕ
ОБРАЗОВ**

Основная ступень

Введение в психотерапию с использованием техники
сновидений наяву

Семинар

Перевод с немецкого
Я.Л.Обухов

ИЗДАТЕЛЬСТВО
“ЭЙДОС”

МОСКВА
1996

Лёйнер, Ханскарл:

Кататимное переживание образов: Основная ступень; Введение в психотерапию с использованием техники сновидений наяву; Семинар: Пер. с нем. - М.: Эйдос, 1996. - 253 с., схемы.

© 1970 1989 Georg Thieme Verlag, Штутгарт•Нью-Йорк

4-ое новое, переработанное и расширенное издание

© 1995 Издательство “Эйдос”, Москва

ЛР № 050013 от 18 июля 1991 г.

© Перевод с немецкого Я.Л.Обухова

Редактор Т.Ф.Сажина

Обложка

Все авторские права соблюдены.

Книга издана при содействии фонда Inter Nationes (Германия).

Издательство “Эйдос” благодарит автора книги профессора Ханскарла Лёйнера, отказавшегося от авторского гонорара за первое издание его книги на русском языке, фонд Inter Nationes (Германия) и издательство Georg Thieme Verlag, сделавших возможным издание этой книги.

Кататимное переживание образов (КПО) - это метод глубинно-психологически ориентированной психотерапии, известный также как метод “сновидений наяву”. Метод *Кататимного переживания образов* оказался клинически-эффективным при краткосрочном лечении неврозов и психосоматических заболеваний, а также при психотерапии нарушений, связанных с невротическим развитием личности.

Психотерапевтический спектр данного метода базируется на раскрытии бессознательных конфликтов, распространяется на области творческого развития и удовлетворения архаических потребностей. Способствуя переживаниям пациента, метод оказывает глубокое психотерапевтическое воздействие. Применение его поэтому неиндифферентно.

Учитывая требования для дополнительного предмета “психотерапия”, в новом издании учебный материал расширен благодаря изложению важного *ассоциативного метода*.

Книга профессора Х.Лёйнера представляет собой фундаментальный учебник, детально знакомящий читателя с широко распространенным за рубежом, но до сих пор почти неизвестным в России методом психотерапии - *“Кататимным переживанием образов”*, иначе называемым *“методом сновидений наяву”* или *“символдрамой”*. Необходимо отметить, что в России многие врачи, психологи и психотерапевты издавна применяли и применяют на практике некоторые отдельные элементы данного психотерапевтического метода, который хорошо соответствует ожиданиям, традициям, установкам и ментальности в целом, характерным для пациентов в России, ориентированных скорее на эмоционально-образное, чем на чисто рациональное переживание и решение психологических конфликтов. Для российских психотерапевтов и психологов-практиков данная книга важна как системное и подробное изложение метода образной фантазии в психотерапии, основанное на глубокой теоретической базе и наглядно иллюстрированное множеством конкретных примеров из психотерапевтической практики. Книга имеет большое значение для становления и развития системы психотерапевтической помощи в России и подготовки новых высококвалифицированных специалистов, существенно обогащая теорию и практику психотерапии в России.

Президент Профессиональной Психотерапевтической Лиги

А.С.Слущкий

Кататимное переживание образов - оригинальное высокоэффективное направление в психотерапии, разработанное известным немецким психотерапевтом Ханскарлом Лёйнером. Концептуальную основу метода составляют глубинно-психологически ориентированные теории классического психоанализа и его современного развития (анализ бессознательных и предсознательных конфликтов, аффективно-инстинктивных импульсов, процессов и механизмов защиты, анализ онтогенетических форм конфликтов раннего детства, анализ переноса и контрпереноса). Много общего метод имеет и с аналитической психологией К.Г.Юнга.

Книга может быть полезна для врачей, психологов, психотерапевтов, повышающих свою квалификацию и желающих освоить этот относительно несложный, но высокоэффективный метод психотерапии.

Президент Санкт-Петербургского Психоаналитического Общества
В.В.Зеленский

Предисловие к русскому изданию

Я убежден, что *Кататимное переживание образов* созвучно ментальности пациентов и психотерапевтов в России. Исходным моментом метода служат воображаемые прогулки по ландшафту и переживания природы, которые воздействуют на воспоминания и чувства пациента. У большинства людей при этом затрагиваются их детские переживания, что, с одной стороны, либо пробуждает радостные и счастливые воспоминания, либо в сознании всплывают конфликтные или травматические переживания. С другой стороны, воображению пациента может непосредственно открыться также и мир актуальных переживаний.

Метод не требует какого-то особого интеллектуального уровня или определенного социального статуса пациента. *Кататимное переживание образов* - это не только психотерапевтическая техника. *Кататимное переживание образов* способствует также раскрытию способности к переживанию и, при правильном использовании, может содействовать ориентации человека и развитию его самосознания в реальной жизни.

Так как предлагаемый метод ориентирован прежде всего на переживание, то для лечения в принципе не требуется никаких интеллектуальных или когнитивных конструктов. Но его целенаправленное применение все же значительно облегчается, если психотерапевт может обосновать переживаемые образы при помощи психодинамических аспектов. В качестве краеугольного камня при получении психотерапевтического образования по методу *Кататимного переживания образов* начинающему

психотерапевту рекомендуется в достаточной мере на собственном опыте самому пройти курс психотерапии в индивидуальной или групповой форме под руководством опытного психотерапевта.

Не следует все же думать, будто *Кататимное переживание образов* - это какой-то “идеальный метод”. В процессе психотерапии важно прежде всего понимание психотерапевта, его эмпатическое прочувствование проблем пациента, а также тщательность и добросовестность в обращении с вызванными образами и сопровождающими их чувствами. В особенности это относится к пониманию проблем наиболее чувствительных и тяжелых пациентов, с их тенденцией к возможно необычным реакциям и образам.

Мне хотелось бы особо поблагодарить “Школу эйдетики” и господина Якова Обухова за их большие усилия в деле опубликования моей книги на русском языке.

Гёттинген, 15 марта 1994 г.

Ханскарл Лёйнер

Предисловие к четвертому изданию

Предлагаемый небольшой учебник по *Кататимному переживанию образов*, изданный впервые в 1970 г., - результат моей многолетней работы по проведению семинаров в системе повышения квалификации для врачей и дипломированных психологов. Таким образом, почти в течение двух десятилетий он был основой изучения метода “*сновидений наяву*”, и на нем строилось все обучение.

В четвертом издании я основательно переработал текст и содержание. Это сделано главным образом потому, что Федеральное объединение касс медицинского страхования признало *Кататимное переживание образов* психотерапевтическим методом, подлежащим оплате через систему медицинского страхования. В соответствии с рекомендациями Объединения врачей от 1984 года, это второй метод в рамках глубинно-психологической психотерапии. Мои сотрудники и я постоянно работали над его систематизацией в этих новых условиях. *Кататимное переживание образов* базируется на концентрации глубинной психологии и психоанализа. Этой концепции соответствуют и такие обширные сферы практической деятельности, как сбор анамнеза, установление показаний и выработка целей терапии, а также работа с бессознательными конфликтами и нарушениями личности. Отличие же состоит в введении новой парадигмы - представления в воображении *сновидений наяву*. Эта парадигма следует иным

психотерапевтическим правилам и требует иного стиля интеракционного воздействия, приспособленного к *сновидениям наяву*.

Я сделал текст более строгим и конкретным в надежде добиться его лучшего понимания. В качестве дополнения для завершения обучения в системе повышения квалификации в книгу включен важный *ассоциативный метод*. В расширенной форме он входит в технику *средней ступени* КПО.

Прописной истиной сегодня стало то, что психотерапию невозможно изучить только путем чтения специальной литературы. Тех, кто заинтересован более детально познакомиться с методом и хотел бы пройти повышение квалификации для получения звания “психотерапевта”, я отсылаю к Приложению II. Данные о контроле и эффективности метода можно найти в моих работах 1983 и 1987 гг. (см. **Список литературы**), примеры психотерапевтических случаев приведены в моей совместной публикации с O.Lang [46].

Я особенно благодарен госпоже Edith Caspari за чтение корректуры и госпоже Gudrun Tadić за работу над манускриптом.

Гёттинген, лето 1988 г.

Ханскарл Лёйнер

Из предисловия ко второму изданию

Первое издание книги о *Кататимном переживании образов* (*основная ступень* КПО) давно раскуплено. После основательной проработки книга снова выходит в стиле первого издания, ориентированного на проведение семинаров. Несмотря на это, данный учебник, как и прежде, ограничивается *основной ступенью Кататимного переживания образов*.

Сегодня приходится отказаться от высказанного в Предисловии к первому изданию намерения превратить этот курс семинаров в основу образования психотерапевтов, специализирующихся на *Кататимном переживании образов*. Сегодня мы значительно лучше видим трудности и проблемы, возникающие из-за недостаточного изучения общей психотерапии и глубинной психологии в данной системе повышения квалификации. Кроме того, недостаточно глубоко проводилось обучение психотерапевтическому стилю ведения психотерапии в духе эмпатии к пациенту на регрессивном уровне *сновидений наяву*. Применение техники *сновидений наяву* в клинике неврозов и психосоматических заболеваний отнюдь не проходит бесследно (индифферентно). Психотерапевт должен достичь для этого высокой степени уверенности и приобрести значительный опыт.

Необходимые навыки приобретаются в ходе поэтапных “семинаров самопознания” в системе повышения квалификации для получения звания “психотерапевт - специалист по методу Кататимного переживания образов”. Тем самым становится возможным избежать всех тех ошибок, которым постоянно

подвержены попытки проведения психотерапии, основанные на самостоятельном обучении. Сюда же относится и безусловная необходимость принятия лежащей в основе данного метода психодинамической концепции глубинной психологии. Эту концепцию также необходимо ассимилировать для восприятия поведения пациента и психотерапевта, а также для вынесения необходимых заключений (см. **Приложение I**).

Гёттинген, январь 1981 г.

Ханскарл Лёйнер

Введение в Кататимное переживание образов и предпосылки для его применения

Предлагаемый семинар посвящен *основной ступени* обучения по методу *Кататимного переживания образов* и адресован прежде всего тем, кто хотел бы познакомиться с этим методом. При этом имеются в виду в первую очередь психотерапевты медицинских специальностей, врачи и имеющие психотерапевтическую практику психологи. Кроме того, данная книга обращена к читателям, которые в силу своей профессии или по другим причинам интересуются психотерапией. Однако семинар не ставит своей целью предложить систему повышения квалификации для использования *Кататимного переживания образов* в работе с пациентами или клиентами. Психотерапию невозможно изучить путем чтения книг. Точно так же, по причинам, которые стоит еще обсудить, невозможно освоить практику применения *Кататимного переживания образов*, только читая специальную литературу. Согласно существующим в настоящее время правилам, образование в области психотерапии должно включать, наряду с передачей знаний и руководством квалифицированными преподавателями, ещё и самопознание на собственном опыте по соответствующему методу, а также контроль (супервизию) проводимой стажерами в рамках тренинга психотерапии пробных случаев. Для системы повышения квалификации при получении звания “психотерапевта по методу *Кататимного переживания образов*” соблюдение этих

правил крайне важно. Это связано с тем, что данный метод оказывает очень глубокое воздействие. По сравнению с другими, ориентированными на чисто вербальное воздействие методами психотерапии, он требует гораздо больше ответственности как от пациентов, так и от сопровождающих их психотерапевтов. Не должно вводить в заблуждение и то, что описываемая далее техника психотерапии кажется столь легко применимой. *Кататимное переживание образов* - это ни в коем случае не индифферентный (нейтральный) метод, когда речь идет о лечении невротически и психосоматически больных пациентов.

История создания метода восходит к 1948 году. Тогда я обратил внимание на публикацию результатов одного эксперимента, который, без определенной системы и без соответствующих выводов, провел С.Нарриш в 1932 г. [18]. Суть его заключалась в использовании представления образов в психотерапевтических целях. Вскоре С.Нарриш, которому явно была чужда глубинная психология, направил свои упражнения с использованием образов на нужды религиозной медитации. Мне захотелось тогда провести эксперимент по изучению глубинно-психологической символики, а стало быть, и символики сновидений. Я стремился показать скептикам среди моих коллег эту столь важную область психических отражательных процессов на таком уровне, который признается в научных кругах. Спустя 6 лет, в 1954 г., мои многолетние системные эксперименты со *сновидениями наяву* нашли отражение в моей первой программной публикации [37].

Созданный метод я назвал “*Экспериментальным Кататимным переживанием образов*” (ЭКПО).*

В ходе серии экспериментов стало ясно, что, если по данному методу регулярно проводить сеансы с невротическими пациентами, они могут иметь неожиданно высокий психотерапевтический эффект. Раньше на это не обращали внимание и еще не проводили систематические исследования на соответствующем уровне. Основные положения, метод и результаты психотерапии с использованием *Кататимного переживания образов* были широко освещены в 1955 г. в публикациях под названием “Клинический метод психотерапии”. Хотя техника эксперимента скорее мешала осуществлению общего плана терапии, постепенно все же становилось ясно, что свободное развитие возникающих при этом спонтанных эмоций и аффектов и зависящего от них творческого представления образов оказывается гораздо более плодотворным для психотерапевтического процесса. Поэтому с 1964 года я говорю просто о “*Кататимном переживании образов*” (КПО), а позднее также о “*символдраме*”. Последний символ распространился преимущественно в Швеции. В англоязычной литературе метод стал известен под названием “*Guided Affective Imagery*” (GAI) [41]. Эти названия выражают суть метода. Зависимость представляемых образов от эмоционального мира отчетливо отражена в первом и в последнем терминах, а работа с

* “Ката”, *греч.* = “соответствующий”, “зависящий”; “тимос”, *греч.* = “душа”, здесь имеется в виду “эмоциональность”. Понятие “кататимный” ввел в немецкоязычную психиатрическую литературу Н.В.Маьер в 1912 г. [49] для обозначения зависимости от эмоций и аффектов.

символами по типу драматического развития событий-переживаний - во втором упомянутом выше термине.

Что же представляет собой *Кататимное переживание образов*? С технической точки зрения, метод основан на том, что у лежащего в расслабленном состоянии на кушетке или удобно сидящего в кресле пациента психотерапевт может вызвать похожее на *сновидения наяву* представление образов - *имагинации*. Если предварительно задать некоторый неопределенный мотив представления, то это, как будет показано далее, получается значительно легче. За первыми образами обычно очень скоро следуют последующие, которые по разным причинам представлены преимущественно образами ландшафта и образами встречи животных и человека. При этом представляющий образы человек часто может прийти к почти реальному переживанию, расширенному до трехмерного пространства, словно речь идет о действительно реальных структурах. Пациента или клиента просят сразу же сообщать сидящему рядом с ним психотерапевту о содержании появляющихся образов. Психотерапевт может оказать на них влияние и структурировать *сновидения наяву* в соответствии со специально разработанными правилами. Полное эмпатии (сочувствия) сопровождение психотерапевта имеет особо важное значение в этом диалогическом методе. Тем самым *Кататимное переживание образов* отличается от аутистических техник использования образов в психотерапии, например таких, как образная медитация, активное воображение по К.Г.Юнгу [24] и высшая ступень аутогенного тренинга по И.Х.Шульцу [65].

Концепция КПО базируется на традиции европейской глубинной психологии. В содержании *сновидений наяву* можно увидеть символическое представление бессознательных или предсознательных конфликтов. Компромиссные образования между аффективно-инстинктивными импульсами и защитными процессами отражают как *актуальные* эмоциональные проблемы, так и *генетические* глубинные формы конфликтов, восходящие вплоть до самого раннего детства.

Из дидактических соображений вся система разделена на 3 ступени: *основная ступень* (изложенная в данной книге), *средняя ступень* и *высшая ступень* (см. [45]). При помощи техники основной ступени и приводимых в этой книге дополнений из курса средней ступени можно проводить полноценное лечение в ограниченной области. То обстоятельство, что символдрама с самого начала производит впечатление ясного и наглядного, легко осваиваемого метода, соответствует его репутации как хорошо осуществляемого на практике. Психотерапевтический упор делается наряду с вмешательством в кризисных ситуациях также на короткую терапию, не превышающую 30 сеансов.*

Представление о структуре метода в целом дает **таблица I** на с. 11. Она охватывает разнообразные технические подходы, режиссерские принципы и психотерапевтические стратегии интерпретации. Техника *основной ступени* КПО, которую следует рассматривать как базовую, ориентирована более прагматически, чем последующие ступени, и имеет, по сравнению с другими

* Для сравнения: курс психоаналитической терапии состоит из 100-300 и более сеансов. (Прим. перев.)

ступенями, более протекционный (покровительский) характер ведения пациента.

Система КПО основывается на двух основных положениях:

1. Человек способен развивать в своем воображении фантастические представления, которые известны не только как ночные сновидения, но и как дневные фантазии. При помощи своей имажинативной способности человек может каждый раз заново создавать свой образ, исходя из самого себя, и познавать себя в ходе тонкого диалектического процесса.
2. В результате эмпирических наблюдений содержащих фантазии образов выработан ряд специфических правил и закономерностей. Они подчинены первичному процессу при помощи неинтерпретирующего воздействия.

Положение *Кататимного переживания образов* в спектре известных на сегодняшний день психотерапевтических методов позволяет выделить следующие общие моменты и отличия. В соответствии со своей концепцией, метод КПО близок *глубинной психологии* и признает бессознательную психодинамику (символику сновидений, инстинктивные импульсы *Оно*, защитные образования *Я*, инстанции *Сверх-Я*, регрессивные процессы). Но применяемая техника имеет также и специфический характер.

С *феноменологической* точки зрения, можно проследить параллели символдраме в игровой терапии ребенка, в психодраме по Я.Л.Морено [51] и в элементах гештальт-терапии. В техническом плане КПО близки элементы ведения

психотерапевтической беседы по К.Роджерсу [60] и некоторые
стратегии поведенческой терапии,

Таблица 1:

Инструменты воздействия по методу *Кататимного переживания образов* (КПО)

Стандартные мотивы	Структура	Психотерапевтические техники	Режиссерские принципы
-----------------------	-----------	---------------------------------	--------------------------

Основная ступень	1. Луг	широк	I.	Обучающий процесс	а) примирение б) кормление
	2. Ручей	ая			
	3. Гора	средняя	II.	(общий стиль ведения)	
	4. Дом	я		Креативное раскрытие	
	5. Опушка леса	широк ая средняя я широк ая		Рисование содержания фантазий	

Средняя ступень	6.	Значимое лицо	узкая	III.	Ассоциативный	в) проводник г) конфронтация символов
	7.	Сексуальность (куст розы) (поездка на попутной	узкая	IV.	метод	
	8.	машине, телеге)	узкая	V.	Ночное сновидение Фокусирование	
	9.	Агрессивность (лев) Идеал Я	узкая	VI.	острых конфликтов Инспекция внутренних частей I. тела Удовлетворение VI архаических II. потребностей IX. Прорабатывание Анализ переноса	

Высшая ступень	10 а. 10 б. 11 . 12 .	Пещера Окно на болоте Вулкан Фолиант	широк ая узкая	Х.	Комбинация с традиционным психоанализом	д) измотать и доконать е) магические жидкости
музыкаль ное КПО (мКПО)		(возможно фокусирование 1-8 мотивов)		III.	Ассоциативный метод	

КПО в группах (ГКПО)		(возможно фокусирование 1-8 мотивов)		1 тип : 2 тип :	Индивидуальные фантазии Групповые фантазии	техника “обратной связи”
----------------------	--	--------------------------------------	--	--------------------------------	---	--------------------------

например, по Й.Вольпе [84]. Это, однако, не означает, что КПО представляет собой комбинацию из этих смежных методов. Перечисленные элементы, а отчасти и типичные формы реакции психики вообще, уже давно были выделены непосредственно на основе клинически-эмпирического опыта изучения *сновидений наяву*. Это произошло задолго до того, как многие перечисленные выше направления психотерапии (например, поведенческая психотерапия или разговорная психотерапия по К.Роджерсу) вообще получили известность.

Между тем, в качестве вводного предварительного упражнения хорошо себя зарекомендовала разработанная мною техника [44] *респираторной* (дыхательной) *обратной связи*, применимая даже в довольно сложных случаях.

В основу обработки материала *сновидений наяву* может быть положена практически любая глубинно-психологическая концепция, в том числе даже экзистенциально-аналитический метод. Во многом я обязан также и учению К.Г.Юнга, хотя *Кататимное переживание образов* сегодня в целом полностью ориентируется на психоанализ З.Фрейда и его последующее развитие (например, в трудах Х.Когута, О.Ф.Кернберга и др.).

Все вышесказанное позволяет утверждать, что для изучения и освоения *Кататимного переживания образов* необходимо иметь базовые знания по общей глубинной психологии и дополнительно - в области медицинской психологии. Врачам при этом следует ориентироваться на тот уровень знаний и клинического опыта, который требуется для сдачи экзамена по специальности “психотерапия”, а психологи должны аналогично ориентироваться на экзамен на квалификацию клинического психолога. В техническом плане кандидату, изучающему метод *Кататимного переживания образов*, необходимо освоить методы психического расслабления, а также аутотренинг. Он должен владеть расслабляющим

внушением. Это, однако, не означает, что этот метод можно сравнить с гипнозом или другими методами внушения извне.

Хотя проведение КПО может показаться сначала очень простым, а его опробование обучающимися на собственном опыте - легким и тем самым соблазнительным, здесь необходимо прямо предупредить: КПО - это сильный психотерапевтический инструмент. Поэтому показания для его применения может давать только опытный и хорошо психотерапевтически подготовленный специалист. Только он может оценить отягощенность своего пациента и знает, какие шаги надо предпринять. Он определяет “дозировку” освобождаемых негативных аффектов, таких как страх, чувство брошенности и активизированных в связи с этим регрессивных фрустраций, идущих из раннего детства. Эти обстоятельства, перечисленные здесь только поверхностно, являются причиной того, что организации, осуществляющие подготовку психотерапевтов по методу КПО в немецкоязычных странах*, допускают к обучению только компетентных специалистов, имеющих базовое образование: врачей с дополнительной психотерапевтической специализацией, клинических психологов, детских и юношеских психотерапевтов, а также получивших полное образование психоаналитиков. Всегда требуется подтверждение дополнительного образования в области составления глубинно-психологических заключений, методов проведения беседы и эмпатического проникновения в сущность пациента. В моих публикациях [42, 45] излагаются некоторые аспекты индивидуального разбора содержания *сновидений наяву*, на которых здесь я, к сожалению, не могу остановиться. Пожалуй, едва ли найдется какой-нибудь другой метод, где бы так непосредственно подходили к пониманию символа как отражения бессознательного конфликта, как это делается в КПО.

* См. Приложение II

Иногда спрашивают, рекомендуется ли для практического использования символдрамы самому пройти учебный психоанализ или же это нежелательно. В принципе необходимости в этом нет. Правда, нельзя не отметить, что учебный психоанализ, проводимый с обучающимися психотерапевтами, которым предстоит иметь дело с личностными проблемами, оказывается исключительно плодотворным. Как известно, в психотерапию закономерно включается личность психотерапевта и манера его реагирования. Для нашего метода также справедлив известный факт, что психотерапевт может помочь своему пациенту только в той мере, в какой он развил собственную личность. Поэтому указанные институты повышения квалификации факультативно предлагают также и учебную психотерапию, которую проводят уполномоченные для этого психотерапевты-преподаватели. Таким же плодотворным дополнением является участие в групповой психотерапии с использованием *Кататимного переживания образов*. Собственный опыт участия в групповой психотерапии и прохождение своего индивидуального анализа может внести решающий вклад в развитие и гармонизацию личности - и прежде всего в плане совершенствования восприятия себя и других, а также развития способности эмпатии по отношению к важной для КПО психотерапевтической регрессии пациента.

Необходимо охарактеризовать также и цель *основной ступени* символдрамы. В отличие от прагматически ориентированных методов (таких как гипноз, методы релаксации и, прежде всего, поведенческая терапия) применение даже относительно простой техники *основной ступени* КПО не рассчитано на обработку симптоматики в собственном смысле слова. Сути КПО гораздо более свойственно включение в психотерапевтическую работу всего комплекса бессознательной патогенной психодинамики, в том числе и в смысле созревания личности. Конечно же, на *основной ступени* КПО возможность осуществления этой цели имеет свои

пределы. Но уже в ходе короткой психотерапии (не более 20 сеансов) часто становятся очевидными компенсационные процессы - в рамках защитных механизмов стесненного невротическими нарушениями Я. Проявления симптомов отступают, пациент перестраивается в своем поведении, чувствует себя лучше и в этих случаях не видит больше необходимости продолжать лечение. Удивительно, но такие короткие психотерапевтические курсы часто положительно сказываются при многолетнем катамнезе(ср. также с. 16).

Таким образом, наш метод занимает промежуточное положение в широком диапазоне между формами психотерапии, ориентированными только на преодоление симптомов, и психоанализом, который особенно претендует на “изменяющее характер воздействие”. Несмотря на столь ограниченную цель *основной ступени* КПО, при помощи ее техники можно добиться сравнительно хороших клинических результатов. С моей точки зрения, *основная ступень* КПО, таким образом, как бы закрывает собой пробел между двумя указанными психотерапевтическими подходами. В особенности это проявляется в том, что данному методу может быть доступно широкое разнообразие проявлений такой личности, которая не поддается или недостаточно поддается вскрывающей конфликты психотерапии: это могут быть пациенты, которые сильно интеллектуализируют или которые фиксированы на оперативном мышлении в рамках психосоматического синдрома (алекситимия). С другой стороны, при помощи КПО можно воздействовать и на противоположную группу более простых людей из широких социальных слоев, которые до этого не имели дело с интроспекцией. Такой отмечаемый многими авторами опыт клинического применения КПО обеспечивает данному методу прочное положение в практике психотерапии. Это проявляется в признании метода объединением врачей Германии и врачебной комиссией Швейцарии, которые, наряду с другими

методами, признают КПО и рекомендуют его для образовательных учреждений, готовящих врачей-психотерапевтов. Сюда же следует добавить и признание КПО направлением психотерапии, оплачиваемым через систему медицинского страхования в соответствии с Директивами Федерального объединения больничных касс психотерапевтических учреждений от 1987 г.

Перейдем теперь к результативности КПО. Создатель нового психотерапевтического метода обязан показать, является ли данный метод более результативным, чем другие, и в чем заключаются специфические аспекты его результативности. Лучше всего это можно было бы документально продемонстрировать путем сравнения с другими психотерапевтическими методами. Но, к сожалению, сравнительное психотерапевтическое исследование, соответствующие строгим научным правилам, имеет определенные границы. Группа моих сотрудников и я пытались документально зафиксировать результативность метода *Кататимного переживания образов* в ходе проведения целого ряда клинических и некоторой части контрольных исследований на ранжированных группах пациентов. Я имею в виду исследования Н.-М. Wachter и V. Pudel [82], изучавших эффективность короткой терапии, состоящей из 15 занятий, и работу Chr. Kulesa и F. Jung [25], изучавших короткую терапию, состоящую из 20 занятий, с последующими исследованиями в обоих случаях. Все это дало весьма обнадеживающие результаты. Притом, что более двух третей пациентов в течение многих лет (от 5 до 10 и более) страдали от хронической симптоматики. Существуют исследования об амбулаторном лечении пубертатного истощения (E. Klessmann и H. A. Klessmann [26]), о психотерапии группы пациентов с язвенным колитом (*Colitis ulcerosa*) (E. Wilke [83]) и о группе пациентов с функциональными и сексуальными нарушениями (J. W. Roth [61]). Сборник реферативных статей обо всех этих отдельно выходивших исследованиях

опубликован под редакцией M.Sturm в 1984 г. [76]. Другой большой обзор клинических результатов представлен в моей публикации 1985 г. [45].

В этом семинаре я сознательно отказываюсь от представления данных статистики и обсуждения связанных с ними методических вопросов. Вместо этого я ограничусь демонстрацией четырех казуистических случаев из врачебной практики. Так как рамки настоящей работы не позволяют привести все отчеты полностью, изложение психотерапевтических случаев значительно сокращено. Даже важные данные из анамнеза приведены лишь схематично. В первых трех случаях речь идет о совсем простых людях, для которых невозможно выяснить глубинно-психологический анамнез, как это принято в психотерапевтической практике. Подробное изложение ряда очень поучительных случаев, которые можно использовать в качестве учебных примеров, представлено во втором итоговом сборнике [46]

Случай 1 (1)*

Кардионевроз

С 35-летним мастером станции обслуживания автомобилей “Фольксваген” за год до начала лечения произошел банальный несчастный случай на работе, связанный с испугом. Непосредственно этим определялись головокружения, общая слабость и усталость, обильное потение, склонность к коллапсам и состояние страха, связанное с сердцебиениями. Таким образом, возникла клиническая картина невроза сердца. Попытки начать работу после временного перерыва усилили эти жалобы. Пациент сделался, в конце концов, плаксивым, больше не мог

* Цифры в скобках указывают на номер в списке примеров на с. 227.

читать, выходить из квартиры, боялся, что якобы должен умереть от своего сердечного недуга. В завершение образовался депрессивный синдром с психосоматическими жалобами и явными истерическими структурными компонентами личности. Спустя почти год после появления этих жалоб - которые, как уже говорилось, привели к потере работоспособности - пациент поступил на наше амбулаторное лечение. Быстро стала ясна психогенная причина заболевания - и не в последнюю очередь потому, что все клинические исследования не дали никаких результатов. Психотерапия состояла из 26 индивидуальных сеансов по методу символдрамы, с частотой один раз в неделю. Несмотря на очень примитивную организацию и неспособность довести до переживания в КПО простейших фантазий, пациент все-таки прошел основные фазы типичного лечения, характерного для *основной ступени* КПО, и в конце психотерапии в значительной мере преодолел те нарушения, на которые он жаловался, после чего снова смог вернуться к работе. Прежде всего он смог отказаться от своей пассивной позиции ожидания, смог отстаивать свои права и успешно добиваться решения важных для него вопросов. При проведении катamnестического опроса спустя 8 лет он сообщил, что после этого ни разу не болел. Уже знакомые или другие симптомы не появлялись. Работоспособность была в полном объеме.

Случай 2 (2)

Депрессия

У интеллигентной 52-летней домашней хозяйки за 2 года до поступления на лечение появилась реактивно проявляющаяся форма депрессии. Это случилось после того, как она получила известие о смерти близкой ей кузины. Последовавший в скорости за этим уход за ее больным и постоянно ворчащим

супругом чрезмерно обострил ее напряженную ситуацию. Теперь ко всему этому добавились головокружения.

Отиатрическое исследование не дало никаких результатов. Вслед за проведенной в связи с этим субокципитальной (субзатылочной) пункцией у пациентки произошла декомпенсация, выразившаяся в психогенных расстройствах. Она жаловалась на сильные головные боли и не могла больше вести домашнее хозяйство, становилась все более нервной, а скоро появились и боли в желудке. Складывалась неврастеническая картина - с внутренним беспокойством, напряжением, дрожанием конечностей, усталостью, раздражительностью и сердцебиениями. Пребывание в больнице в течение 5 недель и курортное лечение в течение 4 недель были безуспешными. В конце концов ее необходимо было госпитализировать в нашу психиатрическую клинику.

Здесь у больной была обнаружена выраженная маниакально-депрессивная картина болезни, с сильным ипохондрическим акцентом. Структура личности была явно истерической, с навязчивыми чертами. Типичное лечение при помощи нейролептиков и тофранила, сопровождаемое психотерапевтическими беседами, привело в течение 7-недельного пребывания к незначительному улучшению. Незадолго до выписки у пациентки начались рецидивы. В конце концов, в качестве последней попытки вылечить эту пациентку, которая, как вначале казалось, не поддается психотерапии, я передал ее моей молодой сотруднице, которая получала образование по Кататимно-имагинативной психотерапии и провела с ней дальнейшее лечение по методу *основной ступени* КПО.

В течение 10 дней было проведено 9 занятий по 45 минут каждое. Это привело к тому, что у пациентки некоторое время происходило сильное отреагирование на биографически важном для нее материале. Теперь она могла - хотя еще не очень уверено, лабильно, но все же значительно лучше - уезжать в сопровождении

супруга на некоторое время домой. Исчезли депрессивные нарушения настроения и ипохондрические жалобы. Значительно отступила на задний план и неврастеническая картина болезни, которая нарушала самочувствие пациентки. Вне всякого сомнения, она еще не была “здоровая”, и ей предстояла еще более длительная амбулаторная психотерапия, состоящая в общей сложности из 160 психотерапевтических часов на основе техники *высшей ступени* КПО. И все-таки, после короткого лечения в течение 9 занятий пациентка настолько стабилизировалась, что могла противостоять тягостной реальной ситуации в своей семье. Удивительно, что при помощи *основной ступени* КПО таким образом стало возможным настолько компенсировать ставшую тем временем субхронической картину болезни (недоступную для других форм терапии), что пациентка в значительной мере смогла сама управлять собой. По данным наблюдений, два года спустя пациентка не страдала депрессивными расстройствами, и ей удалось перестроить свое поведение относительно жизненной ситуации и партнера.

Случай 3 (3)*

Фобия

38-летняя ранее работавшая пациентка более одного года не могла работать из-за приступообразных состояний агорафобии (боязни пространства), с тахикардией и склонностью к коллапсам, которые вскоре привели к общему фобическому синдрому. В лармоянтном (плаксивом) состоянии и с ипохондрическими жалобами она поступила в иногороднюю нервную клинику. Повышенное

* Я благодарю господина проф. д-ра Г.Баролина, работавшего в свое время в Городской клинике нервных болезней “Розенхюгель” в Вене, за любезное предоставление этой истории болезни

потоотделение, омертвление рук, усиленное сердцебиение и другие явления наблюдались в качестве сопутствующей вегетативной симптоматики. Пациентку вел мой бывший сотрудник, который проводил с ней психотерапию по *основной ступени* символдрамы. После всего лишь 8 занятий в течение 4 недель исчезла часть симптомов находящейся до этого в тяжелом состоянии пациентки, а тем самым одновременно и часть ее невротических нарушений.

Под воздействием положительного переноса она вскоре начала - борясь со своим страхом - заниматься физическими упражнениями и записалась в гимнастическую школу. Тренируясь, она преодолела остаток симптомов и попросила выписать ее из клиники, чтобы снова вернуться к работе.

В данном случае удалось в течение относительно немногих занятий ликвидировать “бурную”, но все же существующую уже целый год симптоматику и предоставить дальнейшее собственной инициативе пациентки. Такие возможности компенсации неврозов известны сегодня и в психоаналитической короткой терапии. Вполне закономерно считать КПО короткой психотерапией, хотя в некоторых более сложных случаях может быть использована и продолжительная терапия.

Случай 4 (4)**

Невроз навязчивых состояний

19-летний кондитер обратился в частную практику психотерапевта-невропатолога. Он жаловался на множество проблем на работе - он не мог добиться признания у своих коллег. Его все время высмеивали, он чувствовал себя сильно ограниченным в контактах и не имел каких-либо отношений с

** В сокращении, взято из публикации W.Koch (1969 г.)

противоположным полом. По его описаниям и его манере держать себя можно было судить о в целом сильно стесненной, боязливой личности с явной навязчивой структурой. Больше всего ему мешали навязчивые мысли, которые почти всегда его преследовали. В этих навязчивых мыслях он должен был проклинать Б-га и обзывать своих близких различными ругательствами, что в конце концов вызвало в нем чувство вины. Данная симптоматика существовала у него с 13 лет, т.е. длилась около 6 лет.

Проведенная психотерапия по методу Кататимного переживания образов составила в целом 45 сеансов. В ходе ее шаг за шагом раскрывались мотивы панорамы *основной ступени* КПО: мотив подъема в гору, течения ручья и дома. Отчасти это происходило при драматических, а также сильно регрессивных символдраматических отреагированиях, что свидетельствовало об определенном прорыве и избавлении от агрессивных импульсов, а также о стремительном освобождении от образа (имаго) матери и о построении нового идеала *Я* с ослаблением авторитарных инстанций совести.

В конце лечения все эти мотивы продемонстрировали не только явные феномены преобразования, но и развитие в сторону относительно гармоничных и ничем особенно не выделяющихся сцен, которые в значительной степени были свободны от фиксированных образов. Из этого автор делает предположение о глубоком преобразовании структуры личности пациента. Клинически у пациента развилась благоприятная готовность к контактам, у него появились стабильные отношения с подругой. Он стал жить отдельно от матери и переехал в Мюнхен, где сдал экзамен по специальности и поступил на хорошо оплачиваемую работу в известной далеко за пределами Мюнхена кондитерской. Навязчивые мысли практически исчезли. Повторное исследование спустя 4 года показало, что непосредственный успех психотерапии оказался стабильным, и благодаря этому

стал возможным независимый социальный рост в личностном и профессиональном плане.

Подводя итог, можно уже сейчас отметить, на что следует делать упор при определении показаний для *основной ступени* символдрамы (ср. также прогностические критерии на с. 209).

Основная ступень КПО оказывается эффективной как для мало образованных пациентов с просто структурированной личностью, у которых может быть “закрытый броней характер”, так и для пациентов с психосоматическим синдромом, которые в некоторых случаях не в состоянии сами дать описание истории своей жизни. Символдрама способна постепенно открыть их для бессознательного мира образов и связанных с ним переживаний. Благоприятным для лечения является определенное количество истерических структурных составляющих. Предпочтительны также случаи, когда симптоматика существует не более 3 лет. Напротив, неблагоприятно, если имеет место широкая невротическая деформация характера (*невротическое развитие личности* или *невроз характера*).

Основной принцип

Руководствуясь какими идеями и по какому психологическому принципу работает символдрама?

Существует очень простой эксперимент. Его провел швейцарский психотерапевт и врач-невропатолог Л.Франк, написавший в 1913 г. о нем книгу [12]. Наряду с опытом, который в 1909 г. провел Х.Зильберер [67], этот эксперимент наглядно показывает, что психика, очевидно спонтанно, стремится к тому, чтобы самой образно представлять себя в своих оптических фантазиях. Предложим здоровому испытуемому, а еще лучше невротическому пациенту лечь на кушетку, закрыть глаза, по возможности лучше расслабиться и успокоиться. Требуется просто пассивно предаться происходящему, ничего не хотеть и ничего не ждать. Если мы проявим терпение и предоставим испытуемому пребывать в таком состоянии в нашем присутствии 10 минут или полчаса, то раньше или позже происходит нечто специфическое - испытуемый становится беспокойным. Появляются мелкие движения век; руки начинают совершать короткие, нескоординированные подергивания; ноги, возможно, тоже подрагивают. Независимо от этого моторного беспокойства испытуемый может нам также сообщить, что "перед своими глазами" он воспринимает особые, спонтанные оптические явления. Он часто может их впоследствии описывать как абстрактные узоры. Но сначала это могут быть лишь очень тонкие изображения, что-то похожее на маленькие шарики, палочки или круги, которые постепенно соединяются в геометрические фигуры. Очень выразительно и основательно описал их И.Х.Шульц [65], говоря о глубокой релаксации полностью освоенного аутотренинга. Важно отметить, что подобные оптические феномены могут

возникать сами по себе. Этот процесс может продолжаться. Далее появляется все больше и больше фрагментов картин, которые, может быть, сначала кажутся еще бессмысленными, но постепенно соединяются в сценическую последовательность образов. В зависимости от предрасположенности эти сцены появляются затем в ярких красках. Они могут сгущаться также в гротесковые, похожие на сон картины, и затем, в конце концов, становятся пластичными и живыми, так что наблюдатель может различать нюансы. На конечной стадии “перед глазами” испытуемого могут возникать полностью сформировавшиеся оптические имажинации. В своей наивысшей форме они соответствуют внутренним представлениям, имеющим характер восприятия. Но при этом испытуемый никогда не забывает, что это не реальные явления. В этом отношении описанный процесс противостоит ночным сновидениям или галлюцинациям у душевнобольных, где в целом отсутствует критическое отношение и человек считает, что речь идет о реальных событиях. Имагинативное восприятие может, с одной стороны, казаться чем-то вроде “внутреннего кино”. Без внутреннего участия образы могут протекать перед внутренним взором как нечто чуждое Я. Но в расслабленном состоянии погруженности, которое постепенно устанавливается само по себе (как будет показано ниже), в дополнение к сценическому содержанию побуждаются соответствующие настроения, чувства и аффекты, как, например, веселое настроение, когда пациент представляет цветущий луг, успокоение при виде захода солнца или тревога и страх перед возникающими ландшафтами или угрожающими фигурами. Затронутые в “простом эксперименте” уровни сознания и переживания С.Наррич [18] и R.Нейс [21] характеризуют как “образное сознание”.

Прежде считалось, что подобные категории сознания непосредственно доступны только определенному кругу людей. При этом имелись в виду

эйдетически, т. е. оптически одаренные люди. Но проводимая в течение нескольких десятилетий работа с *Кататимным переживанием образов* показала, что доля людей, у которых можно вызвать образное сознание, чрезвычайно велика. Образное сознание можно вызвать чуть ли не у каждого человека (ср. с. 103). Впрочем, возникающие спонтанно эти явления известны и как так называемые “дремотные видения”, которые могут появляться при засыпании и привычны многим людям. Описанную здесь, в полной мере проявившуюся имажинацию мы называем “кататимными образами”. Их специфика заключается в красочности, пластичности и эмоциональной насыщенности. Этим они отличаются от простых представлений, которые бывают у нас в повседневной жизни.*

На практике мы нередко встречаемся с явлениями промежуточного характера, находящимися между чистыми представлениями и полноценно выраженными кататимными образами. Психотерапевтически эффективны уже такие образы, которые еще немного бледноваты и легко могут исчезнуть. Ни в коей мере они не обладают характером того восприятия, которое дилетантски стремятся называть “видением”. Но и гораздо более блеклые представления с открытыми глазами могут быть психотерапевтически эффективными, если только они прослеживаются с внутренним вниманием.

Здесь, правда, необходимо отметить, что художественно одаренные натуры или люди с иными оптическими задатками постоянно переживают ярко выраженные имажинации в своей повседневной жизни. Напротив, более рационально настроенные или менее склонные к эмоциональным регрессиям, а зачастую и

* По поводу терминологии необходимо внести ясность. Под “представлением” мы вслед за К.Ясперсом понимаем такой феномен, когда человек как бы может поставить, представить пред собой оптические содержания. Однако в своей типичной форме они бывают бледными, в любой момент могут исчезнуть и требуют для своего сохранения волевого напряжения. Под имажинацией мы в нашем контексте, напротив, понимаем описываемые далее оптические явления, возникающие в состоянии легкого погружения и обладающие пластичностью, цветом, трехмерностью и внутренней автономией. Они автономны и неуправляемы произвольным уилем, могут спонтанно появляться и удерживаться перед глазами или развиваться дальше. Как о синониме понятия “имажинация” в этой связи говорят об “образе”, о “кататимном образе”.

шизоидные люди достигают уровня образного сознания скорее с трудом. В этой связи можно выделить основные моменты в том, что касается легкости и живости появления образов. Условия, при которых не удастся вызвать переживание образов, имеют самую разную природу и часто связаны с индивидуальными особенностями личности. Нередко сюда подключается и личное эмоциональное отношение к психотерапевту, под руководством которого переживаются *сновидения наяву*. Характерно, что кататимные имажинации лучше всего разворачиваются в присутствии "ведущего" по этому внутреннему миру, т. е. сидящего рядом опытного психотерапевта.

Манифестация свободно возникающих внутренних образов известна в психотерапии уже давно. Еще З.Фрейд и Й.Брейер в работе "Исследование истерий" [7, 13], описывая известный случай Анны О., показали поразительный оптический сценарий одной женщины, которая страдала истерическим неврозом. Пациентка могла вызывать в само собой наступающем гипноидном сумеречном состоянии сознания длинные серии снов наяву, которые она называла своим "собственным театром". Об этом она в спонтанном состоянии транса сообщала во время каждого посещения Й.Брейера. Он же как умный врач-невропатолог каждый раз вникал в это действие до мельчайших подробностей и стимулировал дальнейшее развитие. Сам З.Фрейд в течение ряда лет (с 1882 по 1889 гг.) вместо использования гипноза для получения бессознательного материала у своих пациентов вызывал у них при помощи надавливания на лоб оптические феномены, которые он просил точно описывать. Кроме того, З.Фрейд просил пациентов фиксировать приходящие в голову мысли и описал некоторые важные свойства дневных фантазий [13, с. 282-283]. Я уже упоминал швейцарского психотерапевта Л.Франка, который, по образцу аналогичного понятия у Й.Брейера, назвал свою опубликованную в 1913 г. книгу "Катартический метод" [12]. Э.Кречмер

воспринял эти идеи и говорил о “мышлении кинокадрами”, когда речь шла о самостоятельном, похожем на кинокадры течении внутренних образов [33]. С тех пор в литературе постоянно появлялись отдельные публикации, авторы которых, как им кажется, вновь открывают эти феномены, по-своему их описывают и рекомендуют использовать в психотерапии. Однако детальных исследований на эту тему все еще нет. Исключение составляет французский инженер R.Desoille [8], прагматически использовавший *сновидения наяву* и сумевший, благодаря этому, добиться также и психотерапевтических результатов. Но с его работой я впервые познакомился значительно позже.

Для полноты описания необходимо отметить, что кататимные образы близки или отчасти идентичны известным в психиатрии *гипнагогическим видениям* (hypnagogic Visionen). Характерно, что подобные оптические явления можно вызвать также в гипнозе и в легком гипноидном состоянии аутотренинга. Однако новые исследования с КПО показали, что для подготовки *Кататимного переживания образов* совсем не обязательно вызывать сильно измененное состояние сознания. Уже одна только простая просьба - представить в удобном положении определенный, предложенный психотерапевтом мотив - может привести к полноценному переживанию ярко выраженных кататимных образов.

С разнообразными спонтанными имажинациями могут нас познакомить поэтические свидетельства, уходящие в глубокую древность. И.В.Гете в автобиографической книге “Из моей жизни. Поэзия и правда” так описывает свой отъезд из деревушки Зезенгейм, когда он в последний раз увидел свою возлюбленную Фридерiku: ”Я увидел - не физическим, но духовным взором - себя самого, идущим мне навстречу по той же тропинке, в платье, которого я еще

никогда не носил,- темно-сером с золотым шитьем. Когда я очнулся, виденье исчезло... Странный призрак в эти первые минуты разлуки”*

Французский поэт Анри Мишо описывает в своей книге “Пагубное чудо” мир доставляющих ему радость внутренних образов. Немецкая поэтесса Мария-Луиза Кашниц рассказывает в своем эссе “Дом моего детства”, как вместо этого дома сами собой появляются воображаемые ландшафты с ужасными и страшными картинами. Интересный обзор *сновидений наяву* в беллетристике дает И.Ридель [59].

Поэты и писатели с давних пор гораздо ближе были к миру кататимных имажинаций, чем люди, посвящающие себя своей будничной жизни. Вместе с тем, в ходе *Кататимно-имагинативной психотерапии* люди из последней категории нередко открывали у себя поразительно богатые творческие способности, выражение которых в речи и рисовании имеет что-то художественное. Поэтические свидетельства интересуют нас не только с точки зрения их языка, но и потому, что здесь мы тоже находим характеристику кататимных образов: живость сцен и красок, самостоятельное протекание, даже вопреки воле человека, и зачастую сильный эмоциональный ангажемент, в согласовании с содержанием. Здесь, как и в КПО в психотерапевтических целях, человек почти всегда способен действовать как в реальном ландшафте. Он может производить различные действия, совершать путешествия, встречать разных людей и даже чуть ли не жить как в другом, квази-реальном мире. Но, с другой стороны, могут возникнуть и такие фантастические образы, которые мы знаем по сказкам, легендам, мифам и, само собой разумеется, также по ночным сновидениям.

Но, как правило, фантастика кататимных переживаний все же не так ярко выражена, как думают непосвященные. При спонтанном развитии дневных

* Перевод с немецкого Наталии Ман. И.В.Гете. Собр. соч. в 10 т., т. 3. Москва, “Худ. лит-ра”, 1976 г., с. 421-422.

фантазий предпочитают картины ландшафта. Этот свободно появляющийся ландшафт образного переживания мы назвали “кататимной панорамой”, которая может быть продолжена во все направления. В этой связи все более напрашивается вопрос, какое же собственно значение придается кататимным переживаниям образов? Те, которые без предубеждения открывают для себя мир образного сознания, вначале склонны видеть в переживаемых образах что-то бессмысленное и фантастическое, едва ли имеющее отношение к самому человеку. Таким образом, для них скорее не приемлемо, что переживание образов как-то связано с глубинами их психики. Сначала им часто также недостает и того внутреннего, эмоционального участия, которое типично для более поздней стадии и показывает, что образы связаны с собственным Я. Эта связь становится еще более отчетливой, а тем самым и более очевидной благодаря тому, что кататимные переживания рано или поздно каким-либо образом могут сами собой быть истолкованы. Это может произойти, когда сами собой в голову приходят мысли о субъективном значении образов или когда образ сам развивается так, что обретает какое-то определенное лицо, например, какого-то близкого родственника. На заре развития психоанализа Х.Зильберер [68] показал на основе простых процессов, что рассматриваемые здесь имажинации подчиняются закону “аутосимволизма”, как он сам его называл.*

Следующий *случай* с молодой женщиной, врачом одной из клиник, показывает, что в образах проявляются как раз не осознаваемые человеком и не так легко доступные для сознания стороны его психики. Благодаря внимательному наблюдению продуктов ее образных фантазий и приходящих по этому поводу мыслей она смогла сразу раскрыть для себя их значение.

* Конечно, я имею здесь ввиду только глубинно-психологическую сторону имажинаций. Им присущи и другие детерминанты, например, если КПО используется в творческих целях [36]. Х.Зильберер смог показать, что возникающие в переходном состоянии засыпания аутосимволические имажинации коренятся в бессознательных и предсознательных областях эмоциональной жизни [68].

Эта молодая сотрудница клиники приняла в ночную смену пациента с опасным для жизни сосудистым коллапсом. Стоя перед его носилками, ей срочно нужно было решить, что делать. Судорожно вспоминала она, какой можно было бы поставить диагноз и что следовало бы прежде всего предпринять. Чтобы лучше сосредоточиться, она закрыла на несколько мгновений глаза. Тогда перед лицом ответственности, в состоянии внутреннего напряжения, ей отчетливо явился образ ландшафта, который тут же был залит широким потоком наводнения. Устрашающе вода поднималась все выше и выше. Ее потоки затопляли поля и луга, заливали дома, и, в конце концов, все погрузилось в ее волны: деревья, дома, весь ландшафт. Потом она уже сама себе удивлялась, как это у нее появились эти молниеносные видения. Ей казалось, что смысл их заключается в выражении ее внутреннего волнения, которое она сама почти не чувствовала, думая, что во врачебной рутине может действовать спокойно и уверенно. Потом, после того как состояние пациента улучшилось, она почти инстинктивно опять закрыла глаза - в значительной мере для того, чтобы для проверки еще раз "вглядеться в себя". Опять появился знакомый залитый наводнением ландшафт. Но потоки волн теперь сходили, и из-под стекающей воды показались вскоре большие, сочные луга, залитые солнечным светом. Нежно-зеленая березовая аллея проходила сквозь радостный, ласковый и успокаивающий образ.

Здесь нам наглядно и выразительно продемонстрирован аутосимволизм, описанный Х.Зильберером при переживании порога засыпания. Следует к тому же отметить, что эта женщина, без сомнения, была оптически талантлива и обладала незаурядными способностями к живописи. Параллельно поднятию и спаду внутреннего волнения и напряжения преображалась картина затопленного ландшафта. Не нужно особых познаний в области символики, чтобы понять: данный образ наводнения, как это часто бывает в переживании образов, - это явно

узнаваемая аллегория, которая указывает на эмоциональное волнение, возбуждение. В то же время мы видим, что сознательное внешнее и внутреннее спокойствие врача явно не соответствовало ее далекому от сознания эмоциональному состоянию.

Этот случай также явно показывает, что символдрама затрагивает естественные, уже заложенные в психической жизни способности. Этим основополагающим принципом имажинативного самораскрытия психики определялись задачи КПО: изучение разносторонних возможностей образных имажинаций и использование их в психотерапии.

От кататимных образов до сновидений - один шаг. Э.Кречмер [33], изучая спонтанное “мышление кинокадрами”, особенно подчеркивал, что в оптических имажинациях повторяются закономерности сновидений, как это впервые установил З.Фрейд. Здесь мы можем встретить категории первичного процесса, с функциями смещения и сгущения. Например, какой-то аффект, существующий в реальной жизни человека, может сместиться на образный уровень. Поэтому и говорят о символических существах *Кататимного переживания образов*. Мы можем встретить и человеческие образы, сгущенные фигурами животных. Например, одна из наших пациенток наблюдала, как из пролома с трудом выбиралась черепаха, очертания лица которой приобретали черты отца пациентки, какими она их запомнила с раннего детства. Или из леса появился образ студента, который имел в то же время позу и походку авторитарного отца пациента. Кроме того, связь со сновидениями заключается в том, что снимается понятие времени. Будущее, настоящее и прошедшее сливаются друг с другом; переживается только происходящее именно сейчас. Снимается также закон противоречий, как это было уже хорошо показано в приведенном выше примере сгущения: ведь черепаха не может одновременно быть отцом. И наконец, в символдраме возможны любые

фантазии: можно летать, преодолевать любые расстояния, растворяться, а символические существа могут сливаться друг с другом.

Эти процессы психического отображения могут постоянно изменяться. Хорошим примером этому служит имагинация затопленного ландшафта у внутренне взволнованной молодой сотрудницы: после того как она успокоилась, ландшафт опять вернулся к весенней свежести и ясности. Таким образом, при разворачивании процессов аутосимволизма кататимные образы непрерывно изменяются - в соответствии с потоком так же изменяющихся настроений, эмоций, аффектов. Поэтому, с психологической точки зрения, символдрама чрезвычайно близка проективным методам тестирования. Известны тест Роршаха, рисуночный тест и тематический апперцепционный тест (ТАТ) Г.А.Мюррея [52]. Всех их объединяет заданный материал, который через внутренние психологические структуры и эмоционально обусловленные мотивы претерпевает совершенно индивидуальные преобразования. Из этого можно извлечь важные выводы о личности данного человека. В соответствии с этим КПО с его насыщенными фантазиями имагинациями можно считать формой проективного самопредставления. Но по сравнению с известными диагностическими методами КПО имеет то преимущество, что благодаря способу представления оно ничем не ограничено; таким образом, даже самые тонкие изменения внутреннего состояния сразу же отражаются в изменении образов. Такое безинерционное протекание проекций я назвал *мобильной проекцией*, которая еще будет отдельно рассмотрена. Феномен мобильной проекции относится, разумеется, и к ночным сновидениям.

Знатоки ночных сновидений, обращаясь ко мне, отмечают, что своеобразие и характер образного способа выражения кататимных *сновидений наяву* значительно отличаются от соответствующих характеристик ночных сновидений. По моему

мнению, с психодинамической точки зрения, эти отличия почти не имеют никакого значения. Но, однако, с феноменологической точки зрения, определенные различия между обоими явлениями существуют. В *сновидениях наяву* зачастую лучше обеспечивается непрерывность. Они более сконцентрированы на определенной теме, содержание их преимущественно более простое и напоминает нередко элементы народных песен или сказок. З.Фрейд [14] считал, что в фантазиях и снах наяву преимущественно господствует “вторичная” обработка. На возможных причинах этого мы здесь останавливаться не будем.

Наши пациенты потом часто могут наглядно графически изображать и рисовать имажинации, которые они легко запоминают. Таким образом, не говоря уже о психотерапевтической ценности этих изображений, мы имеем также объективное отражение имажинаций для последующих сравнений (см. рис. 1 и 2, с.80 - 81).

3 занятие

Техника I: методические шаги

Чтобы сделать *Кататимное переживание образов* “надежным” инструментом клинической и практической психотерапии - в отличие от несистематических методов использования имажинаций - передо мной встала задача разработать методически ясные и доступные для последующего осуществления этапы лечения. С их помощью чуть ли не каждый психотерапевт должен добиться, чтобы ему открылось образное сознание пациента, и он сможет, с почти экспериментальной надежностью, вести пациента сквозь полноту всевозможных имажинаций *сновидений наяву*. Пациенту не нужно ждать, пока он достаточно расслабится и пока спонтанно возникнут образные переживания. Скорее, мы, осуществляя

первый этап психотерапии, целенаправленно и довольно неожиданно для пациента введем его в такое состояние сознания, в котором легче всего могут возникнуть *сновидения наяву*. На втором этапе возникает тогда индукция кататимного образа.

Первый методический шаг

Оказалось целесообразным при помощи простой, ясно структурированной инструкции расслабления непосредственно вводить пациента в состояние контролируемой регрессии (регрессии в глубинно-психологическом смысле, т. е. одного из соответствующих раннему детству эмоциональных функциональных уровней). В отличие от техники психоанализа, в КПО этот шаг осуществляется незавуалированно и прямо, что мне кажется предпочтительным. Цель психотерапии по методу КПО - это скорее развитие зрелых, самостоятельных структур *Я* пациента и способствование его отделению от имago родителей.

На альтернативной основе сформировались три возможных метода действия. Из них я предпочитаю второй и третий.

1. Техника. Введение основных упражнений аутотренинга по И.Х.Шульцу [65]. Переживание тяжести (понижение мышечного тонуса) и переживание тепла (расширение периферических сосудов) во всем теле путем концентрационной саморелаксации могут быть дополнены упражнением по регуляции дыхания. Что касается деталей, я вынужден сослаться на книгу И.Х.Шульца. Для молодых психотерапевтов этот путь, видимо, самый надежный. С другой стороны, он отнимает много времени и задерживает начало терапии на 3-6 недель, в зависимости от способностей и усердия пациента. Кроме того не каждый пациент способен последовательно освоить упражнения, в особенности если он имеет более тяжелые невротические нарушения. К тому же от психотерапевта требуется,

чтобы он сам освоил аутотренинг и умел обучать ему других. Задержка начала *Кататимно-имагинативной психотерапии* может вызвать много затруднений, особенно в случаях, когда необходима скорая неотложная помощь.

Очень эффективной поддержкой и ускорением процессов погружения может быть разработанный мною *метод респираторной (дыхательной) обратной связи (Feedback)* [41, 43]. Этот метод преодолевает указанные недостатки аутотренинга и позволяет работать также с такими пациентами, которые не могут освоить аутотренинг. Метод *респираторной обратной связи* не требует от врача, чтобы он сам на собственном опыте испытал его действие, и значительно сокращает время обучения. Он основан на использовании электронного оборудования, которое фиксирует и показывает пациенту его ритм дыхания. Уже после 6-8 занятий (проводимых, по возможности, ежедневно) достигается значительное расслабление, соответствующее такому уровню, который при обучении аутотренингу достигается через много месяцев.

Представленное упражнение одного из многочисленных методов релаксации вызывает однако вопрос, компенсирует ли это психовегетативное седативное (успокаивающее) воздействие и, если да, то в какой степени, гнет, бремя страданий пациента и его психическую проблематику, понижает ли оно мотивацию к терапии и маскирует ли, благодаря успокоению, обильно появляющиеся в плане мобильной проекции конфликты, критически разбираемые в КПО. Эти опасения усиливаются, когда пациент во время *Кататимно-имагинативной психотерапии* продолжает упражнения по расслаблению дома. Подобная комбинация может быть полезна только в ограниченных случаях. Более подробно рассматривать этот вопрос здесь я не могу. Лично я не сторонник ни этой комбинации, ни комбинации *Кататимно-имагинативной психотерапии* с какими-либо другими методами релаксации.

2. *Индукция состояния расслабления* психотерапевтом. Гораздо более элегантен, позволяет добиться более скорой реализации, а с другой стороны, менее маскирует конфликты следующий метод. Пациенту, в соответствии с формулируемыми психотерапевтом указаниями, предлагается самому расслабиться в его присутствии. Ниже приводится используемый мною стандартный текст. Благодаря этому уже за несколько минут удастся вызвать необходимое для КПО только в ограниченной мере состояние базального расслабления. Для демонстрации я предлагаю перепечатанную магнитофонную запись, сделанную во время эксперимента с одним из участников семинара, любезно согласившегося выступить в роли пациента. Он не был обучен аутотренингу и не обладал опытом в символдраме. Я не мог заранее знать, получится ли эта демонстрация. В любом случае таким образом можно показать мою технику ведения, и я еще, в сущности, на имел осложнений при проведении таких семинаров.

Эксперимент

”Пожалуйста, будьте любезны, располагайтесь в приготовленном для Вас кресле. Устраивайтесь, пожалуйста, поудобнее. Постарайтесь выбрать такую позу, чтобы сидеть расслабленно. Вам, может быть, будет легче это сделать, если Вы представите себе, что собираетесь здесь немного подремать.”

Если же пациенту предлагается лечь во время психотерапии на кушетку, что, разумеется, было бы предпочтительнее, то инструкция будет примерно аналогичной.

Приведенная теперь мною инструкция на расслабление типична. Это не прямое внушение, направленное на возникновение определенных ощущений (например, чтобы в руке появилась тяжесть). Это, скорее, указания пациенту, чтобы при

помощи обращения к своим конечностям он сам постепенно расслабился. Это делается для того, чтобы предоставить пациенту определенную долю собственной активности и избежать всего того, что может вызвать зависимость от психотерапевта через вносимый извне суггестивный эффект.

“Итак, Вы расслабившись, сидите (лежите) теперь в кресле (на кушетке) как можно более удобно. Закройте, пожалуйста, глаза. Лучше всего представьте себе, что Вам теперь хотелось бы немного отдохнуть и вздремнуть. Все, что беспокоило Вас до этого, становится теперь безразличным. Предайтесь теперь, пожалуйста, целиком этому спокойному, расслабленному состоянию. Начните с мышц плеч. Обратите свое внимание и расслабьте каждый мускул плеч, освободите от напряжения и расслабьте каждую мышцу плеч. - Чувство расслабления почувствуйте теперь в верхней части рук, освободите и здесь каждую мышцу, чтобы руки постепенно стали совершенно расслабленными и повисшими. - Продвигайтесь дальше к мышцам ниже локтя. Пусть и здесь каждый мускул предплечья расслабляется, становится совершенно свободным, бессильно провисает вплоть до кончиков пальцев; расслабьте и освободите их; расслабьте каждый мускул Ваших рук. - Руки постепенно становятся слабыми, усталыми, а потом - постепенно тяжелеют. - Пусть Ваши руки лежат такие усталые и слабые. - И затем переходите, пожалуйста, к бедрам. Особенно расслабьте каждый мускул, пусть Ваши бедра станут свободными и расслабленными. Освободите, расслабьте каждый мускул бедер. - Постепенно переходите также к голеним, сосредоточьте на этом Ваше внимание и расслабьте здесь также каждую мышцу. Расслабьте, освободите, снимите напряжение с каждого мышечного волокна голени. - Наконец, обе ноги лежат свободно и расслабленно, совершенно свободно и расслабленно, и становятся - усталыми. Вы медленно чувствуете, как все тело

становится приятно расслабленным и свободным от напряжения, потому что Вы расслабили все мышцы”.

Дополнение: “Обратите теперь постепенно внимание на дыхание; живот при этом поднимается и опускается. Попробуйте понаблюдать, как он поднимается и опускается, и пусть Ваше дыхание легко и раскованно проникает туда. - По вашему телу постепенно распространяется приятный покой и расслабленность. - И голова может спокойно немного вздремнуть, предайтесь этому состоянию, отдайтесь ему.”

Голос и интонации должны при этом быть естественными, но все же подчеркнуто спокойными, медленными, немного монотонными и не слишком громкими, они должны иметь успокаивающий характер. По возможности каждое слово должно преподноситься несколько подчеркнуто сонорным, звучным голосом, при четком и ясном проговаривании. На месте тире предполагаются паузы, которые дают пациенту возможность целиком сконцентрироваться на названных частях тела.

Фразы в тексте, конечно, могут в некоторых местах неоднократно повторяться, и тем самым процедура может растягиваться во времени.

3. Единственное побуждение к представлению образов (имагинации).

Самое простое и технически довольно несложное введение состояния расслабленности можно осуществить путем прямого предложения представить - в удобном положении, сидя или лежа, - один из мотивов КПО. В качестве прототипа для этого на первом, ознакомительном занятии подходит тест “цветок”, который

еще будет подробно описан позднее. По окончании сбора данных глубинно-психологического анализа (в течение первых 1 - 3 занятий) относительно легко и непринужденно удастся представление образа цветка. Тест должен показать, способен ли пациент вообще и, если способен, то насколько способен образовывать полноценные кататимные образы. Эта простая неформальная просьба к сидящему пациенту (без специального представления *сновидения наяву* в качестве психотерапевтического метода) устраняет появляющееся иначе напряжение ожидания. Действительно, потрясает тот факт, что почти все пациенты (даже с относительно тяжелыми нарушениями) справляются с этим тестом и представляют себе цветок (с. 103 - 104). Это также удастся в подавляющем большинстве случаев, хотя достигаемое в положении сидя состояние расслабления у нетренированных пациентов может быть не очень глубоким.

Корреляцию между представлением образов и расслаблением можно выразить как круговой процесс. Предложение представить образы повышает расслабление, более глубокое расслабление углубляет переживание образов, в плане их большей цветовой насыщенности и пластичности, и усиливает регрессивное погружение с внутренним “раскрытием” для эмоционального тона. Во всяком случае, примечательно, что по окончании этого теста пациенту еще требуется некоторое время, чтобы после того, как он откроет глаза, опять вернуться в реальность. Складывается впечатление, что он возвращается “из далекого далека”, как будто бы он “погружен в себя” и находится под эмоциональным впечатлением пережитого.

Второй методический шаг

На этом этапе образные представления вызываются в погруженном состоянии. Не ожидая, пока образуется какая-то имажинация, непосредственно “устанавливается” кататимный образ. Пациенту предлагают представить себе образ, неопределенно сформулированный мотив. Нужно, чтобы это всегда оставалось только предложением, без определения каких-либо деталей образа, что имело бы суггестивный характер. После всего услышанного сейчас Вы по праву будете ожидать, что предложенный мотив представления - это теперь уже не блеклое, размытое, серое и бесцветное, управляемое волей оптическое явление, а нечто, что в своем выражении вскоре превращается в типичный кататимный образ с описанной ясностью, насыщенностью красками, пластичностью и автономностью. После этого образ сам собой остается в поле зрения и кажется находящимся примерно в 1 м перед закрытыми глазами. Здесь может разворачиваться его собственная жизнь, и может развиваться описанный уже “другой, образный мир”, в котором человек может двигаться как в “новой” воображаемой действительности.

Я уже говорил, что образы переходят от одной промежуточной ступени к другой. Указанный круговой процесс постепенно вновь углубляет состояние погруженности. Благодаря упражнениям образы приобретают больше нюансов и еще более приближаются к реальному восприятию другими органами чувств. Например, пациент может, лежа на лугу, видеть каждую травинку, качающуюся на ветру, может чувствовать дуновение ветра в лицо, слышать жужжание пчел и шелест леса, смотреть на бегущие в синем небе облака. В некоторых случаях эти впечатления бывают настолько глубоки, что они не только переживаются эмоционально, но и супернатуралистически воспринимаются органами чувств. Значение таких переживаний тем самым повышается, и следствием этого может стать более глубокое переживание зачастую совсем банальных картин (также и

пережитых реальных сцен). Многое говорит о том, что даже без активного содействия психотерапевта или пациента гипноидное состояние углубляется настолько, что устанавливается особое состояние, которое Оскар Фогт назвал “микроскопом души” [79, 80]. В основе этого лежит известный науке факт, что в погруженном гипноидном состоянии сознание концентрируется на находящемся на переднем плане содержании и сильно сужено. Я отмечаю это обстоятельство, хотя оно ни в коей мере не определяет всегда сцены символдрамы. Но все-таки Вам нужно учитывать степень эмоциональной нагруженности КПО и тем самым зачастую большей значимости его содержания. В соответствии с этим от психотерапевта требуется чуткий и основанный на эмпатии стиль руководства.

После того как мы провели вводную процедуру и пациент начал представлять образы, мы просим его внимательнее присмотреться к тому, что окружает предложенный мотив, например, появившийся луг - так, как мы бы это делали и в действительности. Пациент может описывать детали ландшафта, а мы в заключение спрашиваем его, *что ему хотелось сделать* в представленном ландшафте.

Он, например, может описать нам, как луг граничит с лесом, с дорогой или домами какой-нибудь деревни и т.п. Он может описать нам глубину протяженности луга. В заключение мы также спрашиваем пациента о том, какое настроение вызывает у него ландшафт, луг или что-то другое, что может возникнуть у него перед глазами. Для нас важно, что пациент вербализует свои наивные чувства и настроение, будь то обусловленно ландшафтом или определялось его внутренним состоянием.

Мотив луга как начальный мотив имеет - как мы еще увидим - большое значение для КПО. К нему примыкают и другие мотивы, которые естественным образом связаны с лугом. Так, например, пациент может найти ручей, который протекает

через луг. Его мы также попросим описать, и если пациент захочет, он может приблизиться к ручью и сделать с водой что-то, что ему захочется: он может свесить в воду ноги или смочить лоб, спуститься в ручей и искупаться там, половить рыбу или пойти вдоль ручья в том или ином направлении.

Иногда уже с самого начала пациентам хочется только прилечь на лугу, чтобы отдохнуть в траве и посмотреть в небо. В соответствии с нашей задачей - занимать по отношению к пациенту принципиально разрешительную позицию (которая редко встречалась в ходе его воспитания), - мы представляем пациенту возможность осуществления его желаний, даем ему свободу следовать спонтанным импульсам и т. п. Тем самым мы добиваемся того, что открыто проявляются дремлющие на заднем плане тенденции поведения и дают продвинутому пациенту возможность, в соответствии с собственными тенденциями, творчески оформить и развить предлагаемый каждый раз мотив (ср. также с. 158 -160).

Во время занятия мы предлагаем пациенту по возможности сообщать нам обо всех всплывающих образах подряд. Тем самым психотерапевт - в отличие от ночных сновидений - постоянно поддерживает взаимосвязь (рапорт) с пациентом. На примере этого луга психотерапевт учится оптически "срисовывать" в своем собственном изображении образы фантазии пациента и весь мир его образных представлений. Для более глубокого понимания и эмпатийного сопереживания с пациентом такое повторение психотерапевтом образов пациента, а также прочувствование сопровождающих образы эмоций - необходимая предпосылка.

Психотерапевт занимает при этом такую позицию, как будто описываемые пациентом сцены КПО действительно реальны. Воздействие психотерапевта через вопросы и указания, сформулированные как бы из квазиреальной перспективы, ведут к открытию дальнейших деталей кататимных образов пациента. Возникают

новые образы или усиливаются уже существующие. В особо выраженных случаях пациент способен после занятия даже составить картографический план или нарисовать картину, где было изображено положение частей кататимной панорамы (картография символического “ландшафта души” - ср. рис. 1 и 2 с. 80 - 81).

Участники наших семинарских занятий вначале легко заблуждаются относительно роли психотерапевта. Им кажется, что психотерапевт лучше всего сможет выполнить сформулированное здесь требование внутреннего сопровождения кататимных образов, если он сам закроет глаза и будет вместе с пациентом “представлять себе образы”. Против этого существует важное возражение. Психотерапевт часто впадает из-за этого в управляемый бессознательными импульсами мир своих собственных образов, и тем самым он уже больше не в состоянии наблюдать и критически рефлексировать свое поведение как психотерапевта или может это весьма ограничено. И тем не менее, это основополагающая предпосылка для введения пациента в КПО. Психотерапевт должен также уметь периодически критически дистанцировать себя от своего пациента, чтобы анализировать его кататимную продукцию, сопоставлять ее со своими теоретическими знаниями - и тем самым иметь возможность проводить руководство психотерапией в интересах пациента в соответствии с четкими когнитивными и научными выводами. Особое значение это имеет в критических ситуациях КПО, к которым психотерапевт должен быть подготовлен как раз благодаря такому предусмотренному временному дистанцированию.

4 занятие

Техника II: демонстрация КПО

на примере испытуемого

Теперь я перехожу ко второму акту - установке мотива представления в расслабленном состоянии - и пытаюсь вызвать у нашего испытуемого стандартный мотив - луг.

Приведу распечатку магнитофонной записи сеанса:

- Постарайтесь теперь, пожалуйста, представить себе луг. Если у Вас появится какой-нибудь другой образ - это тоже неплохо. Все, что появится, хорошо... (Пауза.) Вы можете также подать мне первый знак, наклонив голову, если у Вас появились какие-то образы.

Бросается в глаза, что испытуемый сидит в кресле в расслабленном состоянии. Видно, что на лице нет напряжения. Он дышит спокойно и примерно через полминуты открывает губы и начинает тихо и медленно говорить, сначала слегка непонятно. Но скоро голос становится увереннее и четче.

Он говорит: “Да, я вижу перед собой траву, длинную и почти высокую траву. Она едва колышется на ветру, но кроме этого я ничего не могу увидеть.”

- Придайтесь, пожалуйста, целиком Вашему образу.”)

- Да, это приятно, красивая мягкая трава, хорошее чувство.” (Пауза полминуты.)

- Попробуйте, пожалуйста, оглядеться дальше вокруг, чтобы Вы смогли еще узнать, куда простирается луг, где его границы и вообще все, что еще есть.

- Да, теперь я поднял взгляд, я вижу перед собой сочно-зеленый луг. Он не слишком большой, тут и там видны отдельные цветы... Теперь становится отчетливее, я вижу голубые цветы и желтые маленькие цветочки. Трава кажется теперь ниже, все стало как-то приветливее и ласковее. Правда, луг не такой уж большой. Солнце светит, все почти как весной, все еще как-то нетронуто, особенно

приветливо и радостно. Слева и справа луг довольно узок и стеснен лесом с высокими хвойными деревьями. Но все простирается далеко назад и, кажется, становится сзади шире. Я могу смотреть далеко-далеко. Совсем далеко позади поднимаются несколько гор... - вдали, может быть, даже горы с покрытыми снегом вершинами.

- Мне было бы интересно узнать, знаком ли Вам этот ландшафт или же он родился только в Вашей фантазии.

- Нет, такой луг я еще не видел. Это что-то совершенно новое. Я бы все-таки сказал, больше из фантазии.

- Вы можете еще что-нибудь увидеть?

- Да я вижу теперь спереди слева канавку, это - да, да, это действительно он - это маленький ручеек, который течет через луг. Он не очень широкий, но вода в нем абсолютно прозрачная и чистая. Мне даже хотелось бы попить из него.

- Сделайте же это!

- Да, теперь я опустился на колени и опираюсь левой рукой о другой берег - ширина ручейка не более 50 см - и черпаю правой рукой воду. Она довольно прохладная, приятная. Я пью из сложенной лодочкой руки; протираю водой также и лицо. Это приятно прохладно. Я повторяю это еще раз - хорошо освежает!..

(Пауза.)

Теперь мне достаточно, солнце светит очень тепло. Я устал и хотел бы прилечь.

- Пожалуйста!

- Теперь уже я лежу, тоже с закрытыми глазами, на лугу. Солнце обжигает мне лицо. Трава шуршит на ветру, и я слышу, как журчит ручей, все дышит спокойствием и умиротворением, и мне бы хотелось никогда не уходить отсюда. Это замечательное чувство внутреннего покоя и радости. Это просто великолепно,

- то, что Вы здесь со мной делаете. Мне даже совершенно все равно, что вокруг сидят коллеги и слушают меня. Я и не заметил, как совсем забыл о них.

- Пожалуйста, оглянитесь немного вокруг после того, как Вы насладитесь этим покоем: не видно ли где-нибудь еще каких-нибудь животных?

- Да, я оглядываюсь вокруг. Я вижу теперь, что луг тем временем расширился. Там, где раньше была граница леса, теперь выгон для скота, отгороженный колючей проволокой. Несколько коров пасется в полной безмятежности. Позади я еще вижу лошадь. Она беспокойно топает копытами и бежит с развивающимся по ветру хвостом.

- На этом месте давайте теперь прервемся. Выйдите теперь обратно из этого состояния по правилам аутотренинга. Сожмите, пожалуйста, руки в кулаках; теперь три раза согните в локте и с силой распрямите руки. Тогда Вы снова целиком будете здесь, вернувшись из внутреннего мира образов в действительность. Голова ясна, Вы снова бодры и в полном сознании.

Теперь испытуемого просят рассказать о своих переживаниях.

-...Да, это было очень необычно. Я быстро достиг глубокого расслабления, это для меня было совсем нетрудно. Что-то похожее происходит со мной, когда я засыпаю, вернее, когда я намереваюсь спать. Зеленая трава, которую я должен был представить себе, появилась перед глазами абсолютно сама собой. Немного усилий мне, правда, стоило расширить потом траву до луга. На этом месте что-то застопорилось, и у меня возникла даже определенная досада, - может быть, мне бы гораздо больше хотелось представить что-то

другое*. Но потом я последовал Вашим словам. Остальное я потом здесь рассказывал. Особенно меня поразила ясность образов. Все становилось потом, когда появился луг, четче и пластичнее. Перед глазами явно стояли краски. Через некоторое время я забыл все вокруг себя, и действительно жил в этом ландшафте. Я отчетливо чувствовал прохладную воду, слышал жужжание пчел. Все было очень приятно, и я весь был полон этим чувством. Еще сейчас я чувствую себя успокоенным. Коров я тоже видел очень четко, как они лениво лежали и пережевывали. Все в целом было спокойным, простирающимся вдаль ландшафта образом.

- Вас не удивило, что после того, как Вы попили воду, луг стал больше и исчезла его изначальная ограниченность лесом?

- Да, правильно. Но после того, о чем Вы нам говорили, я уже был настроен на такие неожиданности. И я даже должен сказать, что сначала ожидал чего-то гораздо более фантастического. Если бы все не было так четко и живо, я бы, наверное, был немного разочарован, что я переживаю в определенной мере повседневную и похожую на действительность ситуацию. Я настраивался на что-то фантастическое или символическое.

Важно, что пациент учится воспринимать настроение и эмоциональный настрой, которые отражает ландшафт. В представленном случае образ луга был умиротворяющим, излучающим покой, полным первозданной весны. Наш испытуемый смог довольно легко предаться этому состоянию и тем самым дать нам прекрасный отчет об основном мотиве луга. Такое развитие событий мы можем ожидать у здоровых людей или даже у невротических личностей с прочными защитными механизмами на переднем плане. Затем, однако, появилось

* Здесь задним числом ясно видно сопротивление против ведения психотерапии. Мы поощряем наших пациентов вербализовать во время занятий их собственные интенции и даем им возможность представлять также другие появляющиеся образные сцены.

нечто характерное для данного человека. После того, как пациент освежился водой, ландшафт расширился. Ему следует обратить особое внимание на эти изменения. Даже самые банальные повседневные сцены *Кататимного переживания образов*, даже такие, которые происходят реально, одновременно имеют всегда символический характер, т.е. несут в себе символическое значение. Хотя пациент поддерживает хороший контакт со своим психотерапевтом, он постоянно находится в “сноподобном” состоянии на уровне образного сознания. Господствует первичный процесс [14], который следует законам сновидений, а не бодрствующего сознания. Если наши испытуемые решили таким образом освежиться у ручья, то это связано для них не только с каким-то приятным переживанием, но задействована совершенно определенная инстинктивно-динамическая тематика: освежиться, попив воды, т. е. удовлетворить оральную потребность. Можно предположить, что вследствие этого орального удовлетворения его эмоциональная структура теперь настолько изменилась, что ландшафт кажется ему теперь чуть ли не еще лучше.

Луг затем расширяется, изначальная стесненность как негативный аспект исчезает. Мы говорим здесь о феномене трансформации.

В качестве гипотезы я хотел бы выделить такую взаимосвязь. Я уже показывал [38], что психотерапевтическое воздействие, будь то непосредственно КПО, некоторая интерпретация, вербализация или разъяснение содержания конфликта, может вызвать подобный феномен. Он, однако, может появиться также и из-за спонтанных переживаний в промежутке между двумя психотерапевтическими сеансами. Таким образом, как следствие появляется упомянутая выше мобильная проекция, которая указывает нам на внутренние психические процессы. Они четко и зачастую довольно точно вырисовываются в трансформации образа или его деталей. Опытный специалист умеет регистрировать изменения уже по нюансам.

Как правило, пациенту мы об этом ничего не говорим. Он или сам замечает эти изменения, или они еще слишком маленькие, так что надо подождать, пока они сами не станут ему ясными и отпадет необходимость в таком разговоре. Если эти феномены трансформации образа имеют позитивное направление, то это может выражать небольшой психотерапевтический прогресс. Но они могут обратиться и в противоположном направлении, когда, например, затрагивается конфликт или если в ходе символдрамы выходит на поверхность вызывающая страх проблема. Если такие изменения повторяются, то по ним можно следить за развитием или за линией развития психотерапевтического процесса в КПО.

Вернемся к описанию коров. Наверняка неслучайно, что они появляются на лугу и являются частью умиротворенного настроения. Коровы дают молоко. Следовательно, и здесь поступает сигнал об оральном мотиве.

Напротив, контрастирующий элемент выражает, по-видимому, беспокойно топающая лошадь. Здесь, может быть, в виде намека заявляет о себе другая динамика, находящая выражение в этом беспокойном, пышущем силой животном (проявление сексуальной тематики?).

Учитывая сопутствующие чувства и аффекты, в рассматриваемом случае особенно примечательны его насыщенность и эмоциональное настроение. Ясно видно единство настроений ландшафта и настроенности испытуемого. Кажется, что испытуемого переполняют положительные эмоции. Он сам соответствующим образом описывает это состояние такими высокопарными словами: “Это просто великолепно, - то, что Вы здесь со мной делаете”. (Такие дословные цитаты часто дают нам больше, чем сухой отчет.)

Это высказывание интересно также потому, что испытуемый переживает свое собственное *сновидение наяву* и описанное чувство, по всей видимости, так, как-

будто я что-то “с ним делаю”, вместо того, чтобы воспринимать это как свое собственное создание и как выражение творческой работы своего Я.

Своим высказыванием он характеризует наше установившееся в настоящий момент двухстороннее отношение. Я кажусь ему дарителем чего-то “чудесного” (чего он совсем не ожидал). Таким образом он выражает характер своего чувства переноса по отношению ко мне. Это может быть переведено и связано с переносом отношения маленького ребенка к дающей матери.- Здесь также вновь появляется момент переживания орального инстинктивного удовлетворения. Господствующая область побуждений орального мира, ранних детских оральных потребностей, не только выражается в сценах КПО - свежесть воды в ручье, спокойствие и умиротворенность ландшафта, пасущиеся коровы, - но и проецируется также на отношения между “пациентом” и терапевтом. Едва ли можно представить себе более ясное феноменологическое представление затронутых здесь психодинамических взаимосвязей (ср. с. 163 - 172). Эти оральные отношения переноса или оральная регрессия давно играют важную роль в КПО и известны под названием “анаклитического переноса” (ср. с. 205).

Если Вы следили за стилем моего ведения, то Вы должны были бы заметить, что в КПО он относительно ненавязчив и что мое незначительное воздействие не мешало испытуемому. Я представил ему достаточно много времени, чтобы шаг за шагом развернуть панораму своих образов. Я делал также паузы, в некоторых случаях допускал даже более длинные паузы, не теряя при этом терпения. Это я делал намеренно. Практикуемый таким образом стиль ведения имеет большое значение, - так мы поняли, что эффективность психотерапии по методу КПО заключается не только в создании образов. Дополнительный уровень восприятия, сопутствующие настроения, чувства и аффекты имеют большое значение. Но эти эмотивные проявления происходят все же медленнее и интереснее, чем

когнитивно воспринимаемая панорама образов. Настроение медленно повышается и постепенно захватывает пациента, чувства возникают только после соответствующей настроенности и протекают по собственным законам. Аналогичное происходит с аффектами. Вытекающие из такого понимания КПО тонкости стиля ведения я рассмотрю более подробно позднее (см. с. 146 - 147). Там же в этой связи будет описана техника задавания вопросов и структурирования.

В конце каждого сеанса КПО я, в соответствии с указаниями И.Х.Шульца [65] для аутогенного тренинга, прошу пациента “вернуться обратно”. Пациента просят сжать кулаки, три раза с силой согнуть и разогнуть руки, при этом требуется сильное напряжение мышц. Затем он должен глубоко вздохнуть и открыть глаза. Этот своеобразный ритуал не является самоцелью. Уже в ходе 10-минутного упражнения по методу КПО может возникнуть довольно глубокое гипноидное состояние. Часто оно ведет к особой тяжести в руках и ногах, а также к изменению состояния сознания. “Возвращение обратно” активизирует, с физиологической точки зрения, ослабившуюся во время КПО деятельность коры головного мозга и относительно быстро возвращает пациента обратно в состояние бодрствования. Это важно, так как иначе пациенту требуется время, пока он сможет, совершенно бодро и ясно ориентируясь, действовать в реальном окружении. После сеанса КПО пациент также мало способен когнитивно, т.е. в бодром и ясном сознании, делать рассудочные умозаключения или особенно внимательно воспринимать окружающее. Поэтому предлагаемое психотерапевтом последующее обсуждение в большинстве случаев не заходит очень далеко. Пациент еще сильно захвачен миром внутренних образов и охвативших его чувств и аффектов. Ему также не следует поэтому выходить на улицу с оживленным движением и садиться за руль

машины. Мы предлагаем ему побыть 10-15 минут в комнате для ожиданий и “полностью прийти в себя”.

В связи с этим участники моего семинара задают ряд вопросов. Отвечая на них, я хотел бы коротко отметить следующее. Категории описания кататимных образов в противоположность простым представлениям не такие четкие, как я это сформулировал в их идеально-типичном показе. В ходе психотерапевтического сеанса и под воздействием последующих упражнений образ часто становится более плотным. Интенсивность имажинаций может колебаться как во время одного сеанса, так и от сеанса к сеансу.

Спрашивают также, когда пациент должен описывать свои переживания образов. Лучше всего - во время имажинирования. При этом диалог о деталях представляемых в образах сцен не мешает. Психотерапевт может в осторожной форме задавать промежуточные вопросы, приспосабливаясь при этом к стилю представления образов каждого отдельного пациента. При этом психотерапевт ориентируется на полученные им в процессе эмпатического проникновения наблюдения. Опасность для пациента быть таким образом отвлеченным в сторону когнитивных оценок ограничена, пока психотерапевт, в целях решения особых диагностических вопросов, не станет настойчиво непрерывно задавать вопросы, которые идут в разрез настроению имажинации. Промежуточные вопросы должны прежде всего служить разъяснению деталей образов и формированию сопутствующего эмоционального тона. В этом отношении структурирование плодотворно, прежде всего, в ходе первых сеансов КПО с пациентом, которые связаны с процессом обучения. На последующих этапах пациент уже сможет лучше использовать деятельность своей творческой фантазии, в то время как структурированные психотерапевтом построения отходят на задний план. Более структурированные воздействия и фокусирования когнитивных тем все-таки

влияют дисциплинирующе и успокаивающе. Поэтому они тоже могут быть полезными.

5 занятие

Техника III: демонстрация Кататимного переживания образов пациента

После того, как я Вам показал относительно простую технику *Кататимного переживания образов* на примере здорового пациента, мне хотелось бы продемонстрировать первый *сеанс* одной моей *пациентки*. Вы должны увидеть разницу и отметить более высокие требования к технике ведения.

В случае Кататимного переживания образов отягощенным проблемами пациентом психотерапевт должен быть готов к непредвиденному развитию и реакциям, а также должен уметь осторожно и дозированно производить воздействие, учитывая глубинно-психологические психотерапевтические аспекты. Здесь другие категории, чем те, к которым мы привыкли в научно-ориентированной психологии и медицине.

Следующий текст записан на магнитофон во время сеанса с 38-летней замужней женщиной. Нельзя сказать, что она явный невротик. Но в момент этого сеанса она находилась в состоянии кризиса. Она переживала возможно предстоящую потерю ее матери, что она эмоционально явно заранее воспринимала как угрозу. В этой связи следует вспомнить, что КПО, как правило, очерчивает также и *актуально довлеющие психические проблемы* и напряженности. Только из содержания *сновидений наяву* все же трудно решить, представляют ли они переживания типичного кризиса или же в них отражается проявление невротического развития.

На это может пролить свет только тщательно выясненная история жизни пациента. Я обращаю внимание на это обстоятельство, так как нам самим требовалось много времени, чтобы отличить одно состояние от другого, что, естественно, очень важно.

Магнитофонная запись:

- Попробуйте представить себе луг, какой-нибудь луг или что-то еще, что появится перед Вашими глазами.

- Я вижу, скорее, сжатое поле с выжженным жнивьем, земля черная, выжженная, тут и там из земли еще торчат остатки стеблей. Очень пустынно, совсем покинуто, очень запущенно.

- А какая погода?

- Пасмурно, небо серое, заволоченное.

- Оглянитесь же, пожалуйста, вокруг: что находится по краям?

- С одной стороны сжатого поля лес, а с другой стороны оно ограничено забором, охотничьим забором.

- Как это все на Вас действует?

- Да, я стою на поле, мне хочется побежать в лес, потому что лес зеленый. Поле меня угнетает, забор меня угнетает, он как-то стесняет меня; ...он приближается, он все ближе наступает на меня, делает поле меньше, и я хочу убежать в лес. Я не могу, я вросла ногами в эту выжженную землю, я хочу вырвать ноги из земли, но только это с трудом получается. Земля вязкая, и она тянет мои ноги постоянно обратно, а забор медленно приближается все ближе, мне становится страшно, что он совсем замкнет меня.

- Да, может быть; Вы все же пойдете к опушке леса, пройдете вдоль и найдете там где-нибудь ручеек.

- Да, я вижу скорее канаву, чем ручеек, сначала канаву. Она извилисто пролегла в траве по краю леса.
- И попробуйте, пожалуйста, пройти вдоль канавы.
- Да, там, где лес кончается, канава расширяется и превращается в многоводную реку, реку с порогами.
- Какое впечатление оказывает на Вас эта река, какие чувства и настроения вызывает?
- Дикое и уничтожающее, срывающее, заглатывающее, увлекающее за собой.
- Не попробуете ли Вы пройти вдоль этой реки и посмотреть, что там дальше?
- Мне хотелось бы прыгнуть в нее, и пусть вода повлечет меня за собой.
- Вам не кажется, что это было бы опасно?
- Нет, нет, я чувствую это почти как необходимость, что я должна войти в воду, и пусть она меня понесет, пусть даже через любые скалы и подводные камни, я не боюсь.
- Хорошо, но Вам, во всяком случае, сейчас следует быть немного осторожней. Пойдите, пожалуйста, вдоль реки, следуя все время течению, чтобы увидеть, куда она ведет.
- Я подхожу к водопаду, он совершенно отвесно спадает с крутой, как стена, скалы. Вода падает вниз, но донизу не доходит. На середине этой отвесной скалы она кончается, из нее получают сосульки. Она замерзает, вода замерзает посередине. Наверху же она еще падает вниз, а посередине скалы она превращается в лед, и дальше с сосулек капаят вниз, падают только отдельные капли.
- И как это на Вас действует?
- Прежде всего, я поражена, и я не знаю, что мне с этим делать, я немного растеряна.
- Какие чувства вызывает эта часть ландшафта?

- Что-то нереальное, все какое-то странное, эти сосульки странные; и если я оглядываюсь вокруг, я вижу пни тоже совсем необычной формы, торчащие вверх, в небо. Это совсем вымерший ландшафт и окружение;.. пустынно, очень пустынно, очень уныло.

На этом месте я прерываю магнитофонную запись.

Вам, наверное, было бы интересно узнать, что означают эти образы. Но прежде, чем перейти к разбору их семантического содержания, я все же должен сделать некоторые принципиальные замечания по поводу интерпретации в психотерапии, пусть даже для начала они будут еще несколько несистематизированными. Даже мало знакомые с психоанализом неспециалисты, как правило, по крайней мере знают, что здесь определенную роль играет “толкование” увиденных в образах сцен. Но, полагая это, такие люди довольно легко впадают в заблуждение, что психотерапевт может *непосредственно* сообщить пациенту значение его образов в целом или их отдельных частей - или же что он может соотнести их с определенными личностями из его прошлого или настоящего.

Такие непосредственные попытки толкования предпринимаются, во-первых, редко, а во-вторых, только в форме некоторого варианта толкования. И все же ни в психоанализе, ни в *Кататимном переживании образов* подобные толкования образов первостепенной роли не играют. Здесь я не имею возможности сейчас останавливаться подробнее. Мне хотелось бы только указать на опасность того, что при попытках истолковать семантическое содержание КПО слишком легко происходит нечто, ставящее под сомнение долгосрочную эффективность психотерапии: если психотерапевт предлагает свой вариант толкования либо более или менее прямо говорит пациенту, что определенный момент в КПО отражает что-то определенное в его поведении, в его отношении к какому-то человеку и т.п.,

он создает некоторую когнитивную связь, как она принята в языковой сфере для образования понятий. Подобное чисто когнитивное сочетание образа и его значения находится в соотношении 1:1. Однако глубинно-психологической символике оно не подходит. Здесь оно подчиняется совсем другим правилам и закономерностям, которые были изучены и описаны З.Фрейдом [14] в связи с уже упомянутым первичным процессом. В соответствии с этим, все символические элементы ночных и дневных сновидений, следовательно, также и КПО, имеют множество значений. Психотерапевт должен с этим считаться. Это соответствует психотерапевтически важному эмоциональному уровню переживаний. После когнитивно-рационального толкования пациент может уйти с психотерапевтического сеанса, например, с таким представлением: “Ага, теперь я знаю, большое дерево на лугу - это мой отец”. Хотя такое соотнесение не является принципиально неправильным, но оно односторонне и направляет пациента в сторону слишком привычной для него, подавляющей возникающие чувства интеллектуальной установки. Такие общие попытки толкования “убивают” свободные эмоциональные порывы, столь важные и необходимые для развития терапевтического процесса именно в КПО. Выход из этого такой: в этой области начинающий и еще неопытный психотерапевт *не проводит на основной ступени КПО принципиально никаких толкований* и даже, насколько это возможно, старается не давать возможные варианты толкований. Обзор проблемы глубинно-психологической символики и работы по разъяснению и толкованию я привожу в других своих работах [42 и др.].

С другой стороны, уже на *основной ступени* КПО появляется промежуточный связующий путь, лежащий между интерпретацией и познанием пациента: медленная и постепенная, но ясная самоинтерпретация символического содержания. Это описал американский психиатр Р. Kosbab [32]. Содержание

каждого образа, в том числе представляемого в воображении, протекание любой сцены или истории (даже если она состоит только из последовательности несвязанных сценических сюжетов) закономерно передают чувства и элементы настроения. С точки зрения образности, они все время могут что-то сказать. Такая информация, не обязательно выраженная словами или понятиями, может быть полезной для психотерапии. Ее можно с успехом просто так и оставить в ее многозначительной широте толкования образов в качестве “загадки образов” или выражения “языка образов”. Этот образный язык очень хорошо может быть понят недифференцированными, регрессивными частями *Я* в форме детского способа восприятия и понимания. Благодаря этой предсознательной способности связанного переживанием понимания (“emotional inside”) представление образов в КПО уже действует психотерапевтически (разумеется, лишь в ограниченной мере). Конечно же, есть и другие ступени познания, на которых содержание КПО становится все более выразительным и указывает на некоторые факты и личности. Самоинтерпретация содержания КПО в нескольких сеансах становится когнитивно все более четкой и дифференцированной. Применительно к приведенному ранее случаю сотрудницы, которая во время экстремальной ситуации наблюдала наводнение в представляемом ею ландшафте, очевидная аллегория заключалась в “эмоциональном наводнении”. Не требовалось особого искусства интерпретации, чтобы увидеть смысловую взаимосвязь. Ряд аллегорий в последнем примере связан с грозящей ситуацией потери. Он начинается с того, что вместо приятного, приветливого луга появляется сжатое поле - ситуация уже собранного урожая. Следует ожидать наступления осени и зимы, печального или отмеченного угасанием сценария природы. Что-то отрезано, даже сожжено. Если психотерапевт дает возможность развернуться ее собственным ассоциациям, то она может произвольно подумать о понятии “выжженной земли”, стирании,

уничтожении всякой жизни и любых человеческих следов. В этом отражается настроение безутешности, печали и, следовательно, депрессии. В рабочей гипотезе психотерапевта при знакомстве со сценарием образов во время лечения должно учитываться знание об актуальной эмоциональной ситуации пациента и его истории жизни. Но в данном случае из-за недостатка данных это, правда, не получается.

Проблеск надежды здесь исходит от мира лесных деревьев. Пациентка вспоминает, что ее всегда приветливый и очень хорошо относящийся к ней отец привил ей любовь к природе благодаря многочисленным прогулкам, в том числе по лесу. Мать же была, напротив, очень озабочена “хорошим воспитанием” и казалась пациентке скорее холодной, здравомыслящей, все рационализирующей, а иногда казалось, что мать даже отвергает ее.

Ручей, как правило, - это отражение фактора текущего психического развития, внутренней непрерывности. Вода - это дающий, плодотворный элемент. Здесь же от этого почти ничего не осталось. Естественное течение ручья прервано падением в водопад. Дающий плодотворный элемент воды переходит прямо в противоположность, когда вода замерзает и превращается в сосульки, выражая только холод. Мы предполагаем, что пациентка в детстве испытывала холодность в отношениях с матерью. Возможно, она сама что-то от этого адаптировала в себе (интроекция), отчего страдает эмоциональное течение ее собственных чувств. Но все же в данных условиях образ довольно резок. Наверное, можно предположить, что теперешняя ситуация грозящей покинутости из-за смерти матери переживается как такое явление природы (“ледяной холод”), которое заморозило “течение ее теплых чувств”.

В заключение вызывает тревогу сужающийся забор, который на нее наступает. Это сужение указывает на то, что она сама склонна ограничивать себя, - возможно,

на почве ее домашнего воспитания. Данное суждение относится, наверное, к моторной экспансии, свободному развертыванию чувств и подвижности мысли и закреплено определенными идеальными образованиями. Сужение может иметь также отношение к страхам и навязчивым структурным компонентам. Пациентка, действительно, уже долгое время страдала фобией.

Состояние, когда пациентка приросла к земле (“мать-земля”), может быть связано с сильной привязанностью к матери, ее принципам воспитания идеалов, которые препятствуют подвижности и самостоятельности пациентки.

По моим осторожным формулировкам Вы можете видеть, что мне приходится ограничиваться гипотезами, пока нет широкого анамнеза. Гипотезы могут подтвердиться, а могут оказаться ошибочными и потребовать корректировки. Поддержкой служит материал, поступающий в ходе следующих сеансов и благодаря обогащению данными анамнеза. На основании этого материала пациенты постепенно приобретают полуосознанное или полностью осознанное понимание бессознательных отношений. Это может даже им открыться в мгновенных “ага-переживаниях”. Для пациента более продуктивно самому открыть для себя такое понимание, ежели оно поспешно и преждевременно будет сформулировано психотерапевтом, что для пациента будет понятно только на рациональном уровне.

Здесь часто возникают вопросы. Во-первых, не помешают ли полученные на семинаре знания предусмотренному в системе повышения квалификации самопознанию в ходе собственной психотерапии.

Как показывает опыт, после некоторой тренировки кататимные образы появляются в состоянии релаксации спонтанно и автономно. Потом они уже существенно не зависят от имеющихся у человека знаний. Определенным исключением здесь являются некоторые люди с высшим образованием и другие

интеллектуалы. Опираясь на высокую степень интеграции мыслительной деятельности с эмоциональной жизнью, такие люди могут уже во время представления образов, когда упор должен быть на уровне регрессивных переживаний, направлять свое внимание на интерпретацию или рефлексии. Но обе эти функции, в случае нормальной психотерапии, отводятся все же к фазе последующей обработки. Их следует осознанно разделять с первой фазой, фазой представления образов. Интеллектуализация, производимая уже во время представления образов, - это нежелательный и мешающий эмоциональным переживаниям механизм. Лишь специально вербально оговариваемое психотерапевтом "разъединение" двух фаз дает таким людям возможность полностью испытывать психотерапевтическое действие КПО. В этих случаях я объясняю желаемую установку, подчеркивая, что КПО - это "тирания переживанием". Поэтому на фазе представления образов пациент должен настроить себя быть открытым и наивным. Когнитивная же обработка следует позднее - в особой отдельной процедуре.

В связи с этой проблемой встает вопрос: распространяется ли психотерапевтический эффект только лишь на свободно возникающие фантазии?

Содержания КПО, базирующиеся не на фантазиях, а на воспоминаниях, вполне приветствуются. Их выбор детерминирован каким-то бессознательным конфликтом из набора возможного материала воспоминаний. Этот конфликт может быть сначала, правда, скрыт. Пролить свет на конфликт могут в этом случае такие вопросы: что этот человек думал, что его волновало в то время, когда происходила вспоминаемая сцена, - например, какая-то счастливая ситуация во время каникул. В ходе дальнейших сеансов пациент часто уже перестает представлять образы лишь исключительно из области воспоминаний. Только группа интеллектуалов на бессознательном уровне стремится по возможности

использовать насыщение образов фактическим материалом как определенный вид защиты. Здесь существует два выхода. После длительного времени, когда пациенту представляется возможность действовать свободно, к нему обращаются и просят попытаться представить еще не известный мотив. Или же предлагают ему совершить прогулку или путешествие в знакомый ему ландшафт на “географической границе” его знаний, например, прослеживая течение ручья.

Таким образом представление реально переживаемых сцен из прошлого или настоящего пациента (и, следовательно, без какого бы то ни было символического облачения) приобрело в КПО большое психотерапевтическое значение (ср. с. 153 - 155).

6 занятие

Стандартные мотивы *основной ступени* КПО

Индукция *сновидения наяву*, т.е. “вхождение в мир образов” после достижения расслабления, достигается, таким образом, при помощи предложения мотива представления (см. **Табл. 1**). На *основной ступени* КПО и в случае работы с необученными пациентами такое предварительное задание мотива - техническая необходимость, чтобы создать стабильные и возобновляемые условия для введения имажинаций. С предложением мотива всегда естественным образом связана и тематизация поля переживания, т.е. стимулируемых тем самым проекций из бессознательного. Хочет человек этого или нет, но с каждым мотивом представления при помощи соответствующего ему символического значения детерминируется определенная тема. Иногда это может быть что-то имеющее общезначимую природу и подходящее многим людям. В другой раз это может

затрагивать специфическую тему, касающуюся только индивидуальных обстоятельств мотива. Этот процесс *тематизации* свойственен не только сновидениям наяву. В повседневных ситуациях и в когнитивно-реальном общении психическое тоже закономерно тематизируется. Целенаправленное структурирование представляемых образов при помощи стандартного мотива открывает небывалые возможности по сравнению с множеством случайностей и вариантов развития неструктурированной оптической фантазии. Структурирование проекций *сновидений наяву* в рамках осмысленной упорядоченной, композиции можно сравнить с географической картой, которую берет путешественник по незнакомому континенту, чтобы сориентироваться на новой местности. Специфика КПО, по сравнению с другими техниками работы со *сновидениями*, - это тематическое структурирование *сновидений наяву* [32, 69]. В этом, как мне кажется, одно из особых преимуществ КПО. Но все же важнее то, что метод ни в коей мере не ограничивается только структурированием. Следующая, более сложная техника ассоциативного продвижения (*средняя ступень* КПО) может отказаться от предварительного задания мотивов. Но задание мотивов значительно облегчает изучение КПО как для молодых кандидатов в психотерапевты, так и для пациентов в начале их терапии. В добавление к этому задание мотивов позволяет проводить дополнительный научный контроль индивидуальной разработки (повторяемости) отдельных мотивов, так что могут быть исследованы феномены трансформации. Это показали S.Stamm [72] и P.Lienhard [47] в проведенном ими интересном исследовании с применением КПО как проективного теста.

Меня часто спрашивали, почему я выбрал именно эти стандартные мотивы. Этот выбор основан на клинически-эмпирических наблюдениях в период с 1948 по 1954 годы, когда я проводил множество экспериментов еще до появления первых

публикаций о КПО. При этом выделялся ряд мотивов из которых максимальный внутренний отклик у пациентов явно вызывали образы ландшафта. Основываясь на глубинно-психологическом изучении природы конфликтов, я дополнительно ввел небольшую часть мотивов, которые преимущественно входят в *среднюю ступень* КПО. Они прежде всего обеспечивают проекции в области определенных ведущих категорий (ср. с. 11).

Часть мотивов задумана очень широко, в известной мере как сцена, на которой может разыгрываться символдрама или могли бы спонтанно представляться все возможные довлеющие конфликты. Другие мотивы - более узкие, а некоторые тематически совсем узкие и отражают только описываемую область проблем. Для *основной ступени* КПО естественно было выбрать такие мотивы, символическое значение которых представляет широкое пространство для спонтанного развития индивидуальных проекций. Следовательно, это такие мотивы, которые не сфокусированы слишком узко. Примером такого мотива может быть луг. Бессознательная психодинамика должна затрагиваться поверхностно, избегая, по возможности, более сильных регрессивных тенденций или вытесненного, несущего высокое напряжение, конфликтного материала, чтобы не могли быть приведены в движение архаичные аффекты и страхи. Еще неопытный психотерапевт не должен ломать важные, оберегающие защитные образования пациента, не должен вызывать страх и передозировать аффективный материал, с которым он сам не может справиться.

Основную ступень КПО можно, таким образом, в целом охарактеризовать тем, что стиль ведения, а тем самым и мотивы выбираются “щадящие”. Они как бы проективно расположены на поверхности образного сознания. Тем не менее, применяемая по всем правилам техника *основной ступени* КПО ничего не теряет в плане психотерапевтической эффективности.

Как раз в этой связи мне хотелось бы опровергнуть заблуждение, что драматические эпизоды КПО и будоражающие сцены якобы психотерапевтически более эффективны, чем простые, когнитивно хорошо понятные и интегрируемые образы.

В процессе работы мы постепенно предлагаем следующие *стандартные мотивы основной ступени* КПО:

1. *Мотив луга*, который можно использовать как начало *сновидения наяву* и как сцену, как плоскость проекций актуальных конфликтов;
2. *Мотив ручья*, с просьбой проследовать либо вверх по течению до его истока, либо вниз по течению до устья;
3. *Мотив горы*, которую сначала наблюдают издалека, а потом на нее надо подняться, чтобы увидеть с ее вершины панораму внизу;
4. *Мотив дома*, который осматривается;
5. *Мотив опушки леса*, где, находясь на лугу, надо заглянуть в темноту леса, чтобы посмотреть, какая символическая фигура выйдет из леса.

Все другие стандартные мотивы (список 12 мотивов приведен в **Таблице 1** на с. 11) намеренно не включены в *основную ступень* КПО. Необходимость в них возникает только на *средней* и *высшей ступени* КПО (см. **Приложение I**, с. 215), и они подробно описаны в моем учебнике по всему методу [45].

Приводя казуистические случаи для демонстрации эффективности *основной ступени* КПО (с. 16 - 19), я указывал на тот удивительный результат, что работа с пятью первыми стандартными мотивами и проигрывание связанных с ними креативных сцен и итогов во многих случаях может быть достаточной, чтобы получить психотерапевтический эффект КПО, который еще будет описан позднее.

Это также подтвердили упомянутые исследования лечения при помощи техники *основной ступени* КПО на материале большого количества испытуемых. Я подчеркиваю это потому, что некоторые начинающие психотерапевты считают следующие более сложные техники *средней* и *высшей ступени* КПО более хорошими и эффективными, чем техника *основной ступени* КПО. Но это во многом зависит от конкретного случая. Техника *основной ступени* КПО образует базис всего метода. К ней можно относиться и как к законченному психотерапевтическому методу. Поэтому я настоятельно рекомендую всем начинающим психотерапевтам в своей будущей работе сначала целиком сконцентрироваться на представленном здесь ограниченном количестве мотивов и на время остановиться на них. Тогда их естественное развертывание будет происходить, как правило, само по себе - в постепенно развиваемой пациентом жизни собственных фантазий. Предпосылкой тому служат осторожное структурирование и поддерживающее ободрение, а также представление необходимой творческой свободы, что в таких случаях делают опытные психотерапевты. В разделе о технических способах осуществления КПО я еще вернусь к рассмотрению этого вопроса.

Но сначала возникает вопрос: как мы направляем наших пациентов на представление определенного мотива, а также как психотерапевт в самых общих чертах и, возможно, тоже индивидуально для себя понимает глубинно-психологическое значение этого мотива (не говоря об этом пациенту)?

Первый стандартный мотив: луг

Первым стандартным мотивом служит упомянутый выше луг. Его можно использовать после теста с цветком как в качестве вхождения в метод, так и как

начало для каждого отдельного сеанса *сновидений наяву*. Но это, разумеется необязательно. С уже имеющими опыт пациентами *сновидения наяву* можно начинать и с других мотивов.

Мотив задается пациенту только в совершенно неопределенной форме. Текст формулируется примерно так: “Попробуйте, пожалуйста, представить себе луг”, - дополняя это, смотря по обстоятельствам, такой фразой: “Ведь представить себе что-то - это же несложно, это Вам будет совсем нетрудно”. Потом надо добавить: “Так же и любой другой образ - это тоже хорошо” (см. с. 35 - 36).

Сценарий луга отражает часто более или менее осознанное настроение пациента. В соответствии с этим, от сеанса к сеансу могут изменяться также и детали образа луга. Выражающееся в этом луге изменение внутреннего настроения сначала часто еще не осознается пациентом. Вспомните изменение образа ландшафта у сотрудницы больницы (с. 25 - 26), которая не замечала свое внутреннее возбуждение, когда перед ее внутренним взором появилось наводнение, залившее ландшафт. Если в такой ситуации психотерапевт говорит пациенту о своем предположении, что настроение мотива луга отражает, возможно, его внутреннее состояние, то большинство после некоторого колебания соглашаются. Иногда они даже удивляются, если за фасадом ясных и светлых отношений появляется “потемнение”, как это бывает, когда погода вдруг становится мрачной и дождливой. На подобном примере пациенту можно постепенно продемонстрировать его бессознательную готовность к вытеснению.

Фактор настроения может быть представлен в самых разных областях. Легче и чаще всего, конечно, он представлен в погоде. Солнце может сиять, небо может быть серым и пасмурным, все вокруг может быть мрачным и угрюмым, или может идти дождь, и, наконец, может начаться буря. Время года указывает на, возможно, еще более глубокую, прочнее укорененную базовую настроенность. В общих

чертах, осенняя ситуация наводит на мысль о печальном, плохом настроении, весенняя - об оптимистическом ожидании, а летняя - об удовлетворяющем чувстве исполнения чего-то*.

Символическое значение мотива луга очень широко, как уже можно судить по перечисленным вариациям погоды и времен года. По сути дела, в случае идеально здоровых испытуемых мы, естественно, ожидаем приветливого, даже ласкового, залитого летним солнечным светом луга, плодородие которого представлено обилием трав и цветов. Его атмосфера светлая и радостная благодаря общему приятному окружению. Учитывая все вышесказанное, мотив луга в первую очередь мог бы символически или аллегорически олицетворять представление о рае, о “саде Эден”. В человеческом отношении, это - выражение добродушного, уравновешенного, относительно бесконфликтного и лишнего соперничества, заманчивого, представляющего плодородие материнского мира. Он может быть еще более акцентирован тем, что на нем пасутся коровы.

Подобный гармоничный образ луга в сиянии солнца может, однако, возникать не только у уже упомянутых идеально здоровых испытуемых, но нередко и у пациентов, которые обращаются к нам из-за невроза. Вспомните о примере с испытуемым на с. 35 - 38. Иными словами, мы обнаруживаем здесь иногда парадоксальность и должны быть готовы к тому, что возникающие образы не всегда отражают глубинные парадоксы внутренних нарушений. У человека, страдающего неврастеническими нарушениями, образ луга может не иметь видимых нарушений. В этом выражается умение скрывать конфликты и внутренние психические проблемы, т.е. сильно их вытеснять. Развиты сильные защитные механизмы Я в психоаналитическом смысле. Но такой парадокс в случае

* E.Prindull провел интересное статистическое исследование типичных признаков кататимной панорамы у пациентов с депрессивными невротическими нарушениями и сравнил их с аналогичными признаками у здоровых испытуемых [57].

с мотивом луга встречается все же относительно редко. В таких случаях психотерапевт должен обнаружить его и прежде всего тоже с ним считаться. Этот парадокс привела нас, однако, к открытию новой *второй составляющей КПО* (см. с. 185).

Большой интерес представляют частые детальные проекции конфликтов на мотив луга. Это формы нарушений, в результате которых нарушается описанный выше идеальный луг с его дарующим плодородие и отдохновение характером. На такие нарушения указывает пример пациентки, которая находилась под впечатлением возможной потери матери. В других случаях нарушения могут выражаться так: луг обглодан, иссушен солнцем, совсем маленький или стеснен колючей проволокой (как вариант: строго разделен на части), или его окружает строгий геометрический участок леса. В редких случаях пациент как бы заключен в тесно огороженной забором части луга. Это может быть признаком особенно тяжелого невроза.

Сценарий мотива луга предлагает, конечно, еще более широкие возможности представления. Характерный образ описал мне один молодой человек, который после войны одиноко страдал из-за потери своей родины. Вместо зеленого луга он увидел просторную квадратную площадку, окруженную с трех сторон лесом, как будто бы специально пробили просеку. Трава была высушенной, выжженной и вытопанной. Цвет ее был коричневатого-серым. Небо тоже было серым; время года было неопределенным, печальным и мрачным. Посредине площадки стояла высокая деревянная вышка, которая была ему знакома по лагерю для военнопленных в России. После того, как я попросил пациента, чтобы он на некоторое время предался этому образу и поподробнее понаблюдав его, его взгляд перенесся с немного покато́й просеки вдаль. Там он увидел, в свете позднего полуденного солнца, белый город, освещенный почти как в сказке. Контраст

между угнетающим, мрачным лагерным лугом и далеким многообещающим лугом поразил его.

Для него было успокоением видеть за лугом, выражающим кажущееся ему безнадежным и безотрадным положение, далекий город как искру надежды на осуществление ожиданий от будущей жизни. Опытный специалист может предположить, что здесь, возможно, тоже могут отражаться некоторые иллюзии. Но я бы все же не стал указывать на это.

Часто вызывает удивление, что подобное отношение к такому мотиву (что-то вроде: "Да, так, видимо, во мне все и происходит" - или: "Так, значит, мне бессознательно открывается мое состояние") и связанная с этим большая когнитивная ясность и более высокая степень внутренней уверенности действуют облегчающе. Это происходит даже тогда, когда образ имеет негативный, во всяком случае не особенно радостный характер. Но относительно лежащей за этим психической нагрузки это, естественно, имеет свои пределы.

Приведенный на с. 42 - 44 пример еще отнюдь не свидетельствует о тяжелом и декомпенсированном неврозе. Здесь, без сомнения, было бы возможно короткое лечение, его даже можно было бы рекомендовать. В качестве контраста я приведу пример, который особенно ярко показывает общую депрессивную установку. Для пациентки существует опасность, что из-за КПО депрессивное состояние еще более усилится или что она и дальше останется пассивной и беспомощной.

После установления мотива луга 25-летняя пациентка сразу же описывает относительно небольшой луг у опушки леса. Дожливо, по лугу тянутся клочья тумана. Она не решается сдвинуться с места, потому что луг мокрый и топкий. Кроме того, луг окружен мощным забором. Калитки она не находит. Поблизости находится лес с высокими деревьями, который, как она чувствует, может ее задавить. Погода как "барометр настроения" и луг, бесплодный как топь,

выражают глубокое отчаяние и одинокую заброшенность. Здесь не нужно особого искусства толкования. И не нужно говорить что-то пациентке. Мощное заборное ограждение и неподвижность, от которых пациентка не может освободиться, указывают на высокую внутреннюю зажатость и пассивную беспомощность. Лишь выяснив внешние обстоятельства и анамнез, можно оценить, выражает ли этот образ сиюминутную кризисную ситуацию или же это отражение тяжелого депрессивного невроза. И действительно, пациентка, которая долгое время страдает невротическими расстройствами, чувствует себя беспомощной и покинутой перед лицом обострения ее безвыходного положения.

В такой ситуации встает вопрос о возможном вмешательстве психотерапевта. Он, например, мог бы попросить пациента представить другой, географически далеко удаленный, но излучающий положительное настроение ландшафтный мотив. Как правило, пациент и таким образом не может избавиться от заполняющего его целиком депрессивного настроения. Более того, если такая смена образа вообще возможна, депрессивная подавленность будет напрашиваться сама собой. Погода будет такой же мрачной, небо - пасмурным, море - свинцовым, инертным и серым.

Можно подумать и о другом выходе: можно было бы попробовать перелезть через сужающийся забор или предпринять какое-нибудь другое активное действие. В некоторых случаях это может получиться. Но нередко возникают непреодолимые трудности. Прямые воздействия психотерапевта могут спровоцировать сопротивление. Я еще вернусь к этому более подробно в связи с мотивами препятствия-недопущения (с. 137 - 139).

При первом установлении мотива луга у людей с невротическими нарушениями (или находящихся в острой кризисной ситуации) могут проявляться определенные явные признаки нарушения, на которые следует обратить внимание. Вместо луга

появляется сжатая пашня, болото, заасфальтированная площадка или даже пустыня. Как вводный мотив такое представление может быть проходящим, но может также и стереотипно повторяться. Скопление похожих сцен может означать особенно тяжелое нарушение, которое ставит в целом под сомнение возможность психотерапии по методу *основной ступени* КПО и *Кататимного переживания образов* вообще. Прогнозы психотерапии и показания к применению КПО, в зависимости от содержания КПО, рассматриваются в специальном разделе на с. 211 - 212. В принципе депрессивные неврозы имеют относительно хороший прогноз, если пациент уже смог хорошо показать себя в жизни (“сила Я”).

Работа с мотивом луга, конечно же, не исчерпывается описанной здесь в начале диагностической стороной. В психотерапии мы предлагаем пациенту, если мотив луга ему более или менее приемлем, сначала делать то, что он хочет, задавая ему вопрос: “Что бы Вам хотелось сейчас сделать?”. Тогда у него могут появиться такие желания, как погулять, полежать в траве, пособирать цветы, изучить окрестности и т. д. Другими словами, мы должны занять уже упомянутую, разрешительную, все позволяющую позицию и в некоторой мере даже предоставить пациенту ведение по представляемым образам.

Совсем нередко мы тем самым все же ввергаем пациента в некоторую растерянность. Ему не приходит в голову, что бы он мог сделать. В этом, как и в любом другом типе поведения, в кататимной панораме устанавливаются тем самым такие тенденции поведения, которые, как правило, свойственны данному человеку и в реальной жизни, хотя они не всегда им осознаются. Кому ничего не приходит в голову, тот, наверное, и в обычной ситуации не знает, что ему доставляет радость. Непривыкший следовать собственным желаниям и импульсам, такой человек склонен, скорее, к пассивной установке и привык получать от других людей указания и инструкции. Предоставление свободы может,

следовательно, вызвать столь тягостное и беспомощное состояние и поставить пациента перед внутренней дилеммой, рассмотреть которую смогла бы только более сложная психотерапия.

Но в чем же заключаются ведущие стимулирующие воздействия психотерапевта в рамках мотива луга как впервые вводимого мотива? Исключительно структурирующие воздействия психотерапевта аналогичны во всех мотивах. Они концентрируются прежде всего вокруг стимулирования становящегося все более утонченным восприятия представляемых образов и должны при этом

- а) руководствоваться целенаправленными вопросами о типичных атрибутах данного мотива (в случае луга это, следовательно, будут вопросы о цветах, о погоде, о том, что видно, как уже упоминалось, по краям луга, о животных, находящихся в траве и пасущихся по лугу и т.п.);
- б) быть направленными на рассматривание деталей, т.е. на то, что находится вблизи;
- в) быть направленными на дальнюю перспективу, т. е. на далекое окружение того места, где находится пациент;
- г) ставить вопросы о собственном настроении пациента (помимо вопросов о намерениях пациента);
- д) ставить вопросы о характере настроения луга или всей картины ландшафта.

Основная идея при этом: исчерпать подобный мотив в плане восприятия, по возможности вплоть до всех подробностей, и выснить все связанные с ним настроения. Уже, наверное, стало ясно, что восприятие происходит в двух направлениях: с одной стороны, в когнитивном направлении, с рассмотрением фактических обстоятельств образа, и с другой стороны, в области настроений, чувств и аффектов, т.е. в широком спектре эмоциональной жизни. В обоих этих

направлениях внимание может более созерцательно надолго останавливаться, давая действовать на нас образу. Это ведет к усилению испытываемых впечатлений, конечно же, при условии, что на переднем плане не находятся явно негативные, т. е. депрессивные или вызывающие страх моменты. Техника ведения не ограничена какими-то жесткими правилами. Она связана с общим контекстом, с эмпатическим сочувствием и проникновением психотерапевта в состояние пациента - на основе собственного опыта в рамках своей собственной учебной психотерапии в качестве пациента и на базе проводимой ранее психотерапии своих пациентов под контролем опытного преподавателя-супервизора при помощи магнитофонных записей. Многие пациенты развивают в определенной мере и собственную активность и скоро сами творчески развертывают сценарий, так что, как уже говорилось, им можно во многом предоставить самим формировать соответствующий мотив.

Мотив луга со всем, что с ним связано, может занять собой как первый, так и многие последующие сеансы. Он может также остаться только одним коротким эпизодом, от которого отправляются все последующие мотивы. Особые трудности для начинающих психотерапевтов связаны с проблемой, каким образом и как часто следует задавать во время сеанса проясняющие вопросы. Как уже отмечалось, такие вопросы могут очень способствовать тому, чтобы образы переживались более ясно, более уточненно, в более ярких цветах, чтобы появились новые детали и образ в целом становился богаче. Но слишком много неумелых вопросов, не подходящих к сценарию и настроению, может мешать или подавлять представление образов. Здесь как раз становится ясно, что стиль ведения, действительно, можно освоить только при помощи специальных семинаров (**Приложение II**).

В таких семинарах их участники разбиваются на пары и попеременно меняются ролями: один становится пациентом, другой психотерапевтом - он узнает от партнера, какое впечатление производит его стиль ведения. Все это комментируется руководителем семинара, а также своими впечатлениями делится вся группа.

7 занятие

Второй стандартный мотив: *ручей*

В этом же или в следующем сеансе мы предлагаем пациенту, опираясь на мотив луга, переключиться на ручей. Нередко ручей на лугу напрашивается как бы сам собой. В других случаях мы говорим пациенту, что, наверное, где-то поблизости может быть ручей. Это - структурное предложение с мягким внушением, содержание которого остается, однако, совершенно неопределенным. Обычно этого может быть достаточно - после еще одного ободрения, чтобы побудить пациента найти какой-то ручей. Конечно же, может произойти и обратное - мотив ручья не установится. В этом случае можно сделать вывод о некотором сопротивлении или защите. В положительном же случае мы даем сначала пациенту возможность описать подробности ручья. Не спрашивая о деталях, мы просим рассказать о его впечатлениях. Вспомните сообщение нашего испытуемого (с. 35 - 38), а также, в связи с кризисной проблематикой, образ превратившегося в лед ручья молодой женщины (с. 42 - 44).

Ручей может быть и маленькой канавкой, и широким потоком, в нашем случае - очень большим, даже, пожалуй, рекой. Мы просим сообщить о таких признаках, как скорость течения (или, может быть, он запружен?), чистота воды, характер

берега и его растительности. Мы можем опять спросить, что бы пациенту хотелось здесь сделать. В то время как одни не проявляют инициативы, другим хочется опустить в воду ноги, походить по ручью, поискать рыб или пройти вдоль ручья. В реальной жизни ручей, как известно, часто также обладает для человека своеобразной притягательной силой, как и вода вообще. Чем продолжительнее занятие мотивом ручья, тем психотерапевтически плодотворнее оно становится - помимо уже упомянутого результата, если проследить его в ту или другую сторону. Здесь тоже нам не следует забывать обратить свое внимание на настроение, задавая соответствующие вопросы.

Какое символическое значение мы можем приписать мотиву *ручья*, который в наших географических широтах тесно связан с мотивом луга и ландшафта? Ручей - это текущая вода, которая из источника устремляется по различным потокам в сторону моря и вливается в него. Таким образом, его основной мотив - это мотив постоянно текущего потока, в котором в то же время проявляется развитие. В этом отношении мотив ручья, имеющий, разумеется, множество разных граней, можно считать также выражением текущего психического развития, беспрепятственного развертывания психической энергии. В то же время не следует забывать, что вода вообще как "элемент" несет в себе что-то вроде жизненной силы. Она освежает, оживляет, и жизнь немыслима без воды. В этом отношении вода принадлежит к области представления о плодородии. Где можно востребовать луг, плодородный ландшафт, всегда должна быть также и вода: канава, ручей, река, озеро.

Большой ручей или река могут представлять собой и границу, которую можно преодолеть по мосту или на пароме, а также вброд.

Из лона матери-земли бьет чистый, освежающий и прохладный источник. Конец реки, море - это особый случай мотива "*воды*" и считается обычно символом бессознательного. На это можно опираться при определенных установках в КПО.

Однако останавливаться на этом здесь не стоит. Известный немецко-американский психоаналитик Н.Niederland [54] посвятил символике реки обширное и очень интересное исследование.

В ходе психотерапии - после того, как пациент описанным выше образом подробно рассмотрел и описал ручей - мы предлагаем ему выбрать, пойти ли вверх по течению к источнику или вниз по течению на такое расстояние, сколько он сможет. Иногда пациентам тяжело сделать выбор, какое направление предпочесть. Примечательно, что путь вверх по течению в сторону источника оказывается легче, чем вниз. Если попросить идеально здорового человека проследить ручей вниз по течению, то это не будет для него особенно трудно. Он расскажет, как ручей становится шире и шире, как он протекает через различные ландшафты с меняющимися декорациями, появляются деревни и города, а потом, может быть, он впадает в большую реку. Следуя дальше по его течению, в конце концов можно прийти к месту его впадения в море. Тогда уже *море* само будет особым мотивом. Работа с ним выходит за пределы методов *основной ступени* КПО.

Конечно же, даже в тех случаях, когда за течением ручья следит человек без явных невротических нарушений, почти всегда по ходу движения возникают характерные мотивы возникновения препятствия-недопущения (так называемые “фиксированные образы”). Они дают сигнал о существующих проблемах, и их можно считать признаками нарушения.

По этой причине на первой фазе психотерапии преимущество имеет *путь к источнику*. Тогда уже будет исключением, если этот путь будет сильно затруднен или совсем нарушен из-за крутого подъема горы или по другим причинам. Только в самых редких случаях отыскание источника вообще не получается, что можно считать признаком тяжелого нарушения. У самого источника вода может идти из-под земли, из скалы или из искусственно построенной трубы. Иногда это могут

быть и технические сооружения, как, например, резервуар для воды или емкость с крышкой, под которой как раз и находится источник. Признаками нарушения, указывающими на существование конфликта, являются ситуации, когда вода невидимо сочится из песка, источник течет тонкой струйкой или вытекает многочисленными ручейками на лугу. Если у пациента с каким-то невротическим нарушением вода из источника вытекает широко и обильно, то можно, как мне кажется, сказать, что у данного пациента не нарушена витальность (жизненная сила, жизнеспособность) и эмоциональная интенсивность.

Мы предлагаем пациенту попробовать воду и смочить его лицо. При этом совершенно не все равно, чувствует ли вообще пациент какую-то “прохладную влагу” или же ему это безразлично, чувствует ли он себя в результате этого освеженным или нет, в какой степени он может описать декорации окружения, какой эмоциональный тон и какое настроение от них исходит.

Вначале еще несколько слов о символике *источника*. Здесь существует совершенно четкая связь с дарующим материнским миром. Источник бьет из “матери-земли”. Это символика орального материнского обеспечения, тем самым также и материнской груди. Если существует серьезное нарушение в области источника, то с большой вероятностью можно сделать вывод о фрустрациях, связанных с самыми ранними отношениями “мать-ребенок”, т. е. идущими из области оральных потребностей. Они, по всей видимости, играют основную роль, чем потом могут быть вызваны эмоциональные пробелы (“оральный дефицит”).

Признаками нарушения считаются не только недостаточное разворачивание образа источника, но и сложности с использованием воды источника. Поэтому мы предлагаем пациенту попробовать попить из источника, растереть себе родниковой водой те части тела, которые болят или нездоровы, или вообще запрудить источник, чтобы в нем искупаться. Признаки нарушения заключаются в

том, что пациент отказывается попробовать воду, потому что она кажется ему грязной, содержит бактерии или может его отравить. Если он все же ее попробует, то вода может иметь неприятный, плохой или кислый вкус, она может оказаться горячей или крайне холодной. Это указывает, как уже говорилось, на нарушение ранних отношений “мать-ребенок”. Медленное привыкание к родниковой воде, широко используемое на практике, может быть психотерапевтически эффективно.

Второе упражнение с мотивом использования ручья - прослеживание, как ручей превращается в реку, потом в большую реку и, наконец, вливается в море, - нам особенно интересно. На этом долгом пути пациент почти всегда встречает обусловленные конфликтами *мотивы препятствия-недопущения*. Хотя они бывают самые разные, но повторяются и возвращаются у многих пациентов похожим образом. Следуя по течению ручья, пациент часто через некоторое время обнаруживает запруды. Это может быть бетонная стена, дощатая перегородка, вода может попадать в еще больший водоем перед городской стеной, закрывающей сток.

В этой связи мне вспоминается, что в своих ранних работах З.Фрейд говорил об “ущемлении”, “застое” аффектов (скоплении аффектов, “плотине”) у невротических пациентов [13]. В раннем психоанализе в связи с катарсисом или, точнее, отреагированием существовало такое представление об “оттоке, стекании аффектов”. Были описаны методы, позволяющие этого добиться. В последнее время их психотерапевтическое значение отмечалось также R.R.Greenson [17].

Другие мотивы препятствия-недопущения проявляются в том, что вода может, например, постепенно просачиваться в песок, исчезать непосредственно в каком-то отверстии в земле и явно продолжать свое течение под землей. Если попросить потом пациента поискать ее, то оказывается, что через несколько метров или километров под землей поток выходит опять на поверхность. Крайне острым

признаком нарушения с актуальной динамикой я считаю исчезновение воды с самого начала: русло ручья пусто!

Более утонченная версия сопротивления заключается в редком, непроизвольном отвлекающем маневре: выполняя нашу просьбу, пациент следует по течению реки и через некоторое время с удивлением замечает, что ландшафт остается все время одним и тем же. Ожидаемое нами развитие, таким образом, не наступает.

Другой маневр, которым пациент тоже обманывает сам себя, бывает, когда он через некоторое время обнаруживает, что снова оказался на том же самом месте, где он был некоторое время назад. Ручей течет по кругу, как будто пациент в некотором роде как бы только повернулся на месте в своем развитии. В обоих случаях не требуется особого комментария. Наталкиваясь на одно из таких противоречий, пациент сам бывает поражен, и это становится для него поводом для размышлений.

Еще одна противоестественная ситуация возникает, если временами ручей в фантазии пациента с подъемом течет в гору, преодолевая закон тяготения. Это встречается у пациентов с несколько наивными или детскими представлениями (часто истерически структурированными). Это указывает на тенденцию отрицания реальности. Такие люди и в действительности используют этот специфический механизм защиты, в основном этого не замечая.

Вид встречающихся в случае мотива ручья мотивов препятствия-недопущения может также указывать на бессознательные тенденции, установки или иллюзорные ожидания. На *основной ступени* КПО мы их, правда, сначала не рассматриваем, а ждем постепенно складывающегося спонтанного понимания пациента.

Дополнительного рассмотрения требует мотив *водопада* (см. с. 44). В зависимости от степени невротических нарушений могут усиливаться крайние

формы. Вода, например, не доходит донизу, потому что она испаряется. Чем причудливее образ, тем значительнее нарушение.

Сеанс, на котором мы даем проследить течение ручья до впадения в море требует больше времени. Мы можем сократить путь, предложив пациенту в какой-то момент лодку без весел, чтобы плыть вниз по течению реки. Спуск на неуправляемой лодке может быть тестом на способность отдаться (какому-то элементу или человеку). В устье весьма реально может быть портовый город с деловой жизнью. Но, может быть, река вливается в простирающийся далеко на равнине ландшафт. Каждая сцена имеет свое собственное, соответствующее данному месту значение. На море можно предложить пациенту искупаться или поплавать. Значение этого становится ясным из примера на с. 66 - 67.

Море

Как уже говорилось, мотив *моря* выходит за рамки концепции *основной ступени* КПО. Но, несмотря на это, мне все же хотелось бы в этой связи отметить следующее. Море - это бесконечный резервуар воды с бездонной глубиной. Его символическое значение так же непостижимо, как и все бессознательное в целом. По природе своей эта величина определена очень смутно. Именно в этой неопределенности, неизмеримости и несравнимости заключается рассматриваемая здесь размерность “океанического”. Море может иметь приветливый характер, так что в нем можно поплавать, даже нырнуть в глубину, где можно увидеть чудеса моря или сказочный подводный мир с замком морского царя, с русалками и многим другим. Но море, как и все символы, а так же, как и реальность, может иметь враждебный характер. На море может быть шторм, оно может заглатывать корабли, а также людей. В его глубинах могут скрываться чудовища и похожие на

монстров животные, как, например, огромные спруты или большие злобные рыбы, акулы или киты, которые могут проглотить пациента. В случае определенных неврозов морские чудовища могут выйти из моря, даже если только пациент всего лишь посмотрит на море с берега. Например, это может быть огромное, похожее на крокодила или на громадного ящера существо, вплоть до сказочного монстра, дракона или других существ, вызывающих у людей ужас.

Глубина непостижимого и опасение подвергнуться непредвиденным опасностям заставляют меня особо предостеречь начинающих психотерапевтов (до тех пор, пока они не продвинутся в своем обучении до техники *высшей ступени* КПО) от допущения погружения пациента в глубину моря. Совершенно противоположную рекомендацию дает французский инженер R.Desoille [8], что отчасти использовал К.Thomas [78] для расширения высшей ступени аутотренинга. Существуют, собственно, три причины, почему я вообще категорически не советую пациенту погружаться в море, как это практикует R.Desoille [8], тем более в рамках техники *основной ступени* КПО.

Прежде всего, существует опасность, что пациент встретит там монстрообразные архаические символические существа, а у психотерапевта не будет ни достаточно опыта, ни необходимых знаний, чтобы путем соответствующих режиссерских указаний сделать встречу с ними психотерапевтически эффективной. В большинстве случаев психотерапевт испытывает еще больший страх, чем пациент, теряет необходимую уверенность и определенную долю продуманного, взвешенного подхода, чтобы управлять *сновидением наяву*.

Во-вторых, погружение, как и все техники, при помощи которых в *сновидении наяву* в форсированной форме вторгаются глубже, чем обычно, противоречит испытанному основному принципу, согласно которому естественное развитие

психотерапевтического процесса происходит только тогда, когда материал перерабатывается постепенно, шаг за шагом. Это дает возможность психике (бессознательному), начиная с самых поверхностных слоев, самой по себе, и не вызывая ненужных страхов, активизировать необходимый материал. Техники, которые направлены на проникновение (“просверливание”) в глубину психических переживаний, могут, напротив, столкнуться с опасностью, что будут активизированы не только страхи, но и разнообразные защитные механизмы и тенденции вытеснения, при помощи которых пациент прежде всего должен себя защищать. В особо выраженных случаях это может привести к долго сохраняющимся сопротивлениям переноса, которые подрывают доверие пациента к психотерапевту или навязывают пациенту зависимую позицию, потому что он чувствует, что психотерапевт им манипулирует. Поэтому подобные форсирующие, внедряющиеся в глубинные слои бессознательного техники противоречат практикуемому в *Кататимном переживании образов* стилю ведения, особенно свободному и кооперативному.

И, наконец, психотерапевтический результат обсуждаемой здесь техники R.Desoille, если и не будет отрицательным, то уж вряд ли будет более плодотворным и перспективным, чем работа *сновидения наяву* с материалом, спонтанно раскрывающимся на “поверхности” сценария *сновидений наяву*.

Этим аргументам не противоречит то обстоятельство, что в некоторых случаях пациенты сами проявляют желание, а иногда даже настаивают на том, чтобы погрузиться в море. Нередко обращение пациента с самим собой определяется невротическим нетерпением, форсирующими действиями и даже явной аутоагрессией и мазохистическим угнетением. Поэтому сам пациент не может, таким образом, быть наилучшим советчиком самому себе относительно режиссерского ведения *сновидения наяву*. Более подробно я останавливался на

этой проблеме в другой своей работе [43], где я попытался показать, что психотерапевт в КПО должен учитывать и контролировать в том числе и спонтанные тенденции поведения пациента.

Конечно же, я этим не исключаю, что в определенных случаях и при определенных обстоятельствах экскурсия с погружением под воду может быть плодотворной для пациента. С этим необязательно должны быть всегда связаны перечисленные опасности. Но все же, в интересах не только пациента, но и психотерапевта, психотерапия на *основной ступени* КПО ориентируется исключительно на безопасность и покровительство, а подобные “глубинные исследования” всегда несут в себе что-то ужасающее и сильно конфронтующее, если только с самого начала все это целиком не будет вытеснено пациентом - тогда соответствующие столкновения архаической природы вообще не могут состояться. Поиски затонувших кораблей и их обломков, как и их исследования, тоже не всегда проходят гладко и беспроблемно.

Использование воды

До тех пор, пока вода воспринимается пациентом как приятная, - все равно, будь то у источника, у ручья, у реки, в минеральной ванне на курорте или же в море, - использование воды часто может иметь неожиданно хорошее действие. Некоторые коллеги в шутку называли это “кататимной гидротерапией” [58]. Я и сам раньше шутил об этом. Между тем мы располагаем многочисленными описаниями примечательных психотерапий, в которых принятие ванны или применение воды - к каким-либо образом поврежденным частям тела или в местах, где испытываются боли, - имело удивительно хороший эффект, и прежде всего в случае психосоматических симптомов. Эти, независимо друг от друга проведенные

наблюдения за действием представляемой в образах воды сначала едва ли могут показаться правдоподобными. Люди склонны относить подобные методы к области магии. Теоретическое осмысление у нас может сложиться на основе знания упомянутого выше первичного процесса по З.Фрейду [14]. При этом речь идет не только о типичных симптомах конверсии у истерически структурированных пациентов, которые на это реагируют, но и о безусловно психосоматических симптомах, которые остаются резистентными (не поддаются воздействию) по отношению к другим видам лечения. Приведу несколько примеров.

Первый пример (5)*

Исчезновение бородавки

8-летняя девочка, у которой на большом пальце руки была большая, очень некрасивая и доставляющая неприятности бородавка, пришла на прием к врачу в сопровождении своей бабушки. После обычных предварительных мероприятий врач провел с ребенком сеанс *Кататимного переживания образов*. Он попросил ее представить ручей. Это получилось без труда. Потом он попросил девочку подержать палец с бородавкой какое-то время в представляемом ручье. Никаких комментариев он больше не делал и отпустил пациентку и бабушку домой. На повторном приеме, три дня спустя, девочка рассказала, что бородавка засохла и отвалилась, что и было в действительности. Бородавки, как известно, имеют вирусную природу, но в то же время имеют “психосоматический компонент” и могут исчезнуть при помощи заговаривания.

* За предоставление этого случая я благодарен Г.Крапфу.

Помощь при гипертиреозе

Этот случай предоставил мне один врач-терапевт, работающий в одном клинически ориентированном санатории. Случаи гипертиреоза, т. е. чрезмерной функции щитовидной железы, встречаются нередко. Он рассказал следующее:

”К нам обратилась 30-летняя пациентка, которой сказали, что лечение у нас - это ее последняя попытка, иначе ее придется перевести в нервную клинику. Она очень много плакала, у нее были неприятные ощущения в области сердца, она даже не могла приподняться в постели. Исследования не показали никаких органических нарушений в сердце, все явно имело психогенную природу. Симптоматика существовала уже 5 месяцев, и пациентка была неработоспособна. На тиреостатическое лечение она никак не реагировала. Как и с большинством моих пациентов, я попробовал с ней сначала аутогенный тренинг. Но таким образом тоже ничего не удалось добиться. Тогда я попробовал символдраму. Я попросил ее, прежде всего, представлять источник и море. Она всегда была готова войти в море, т. к. в реальной жизни тоже очень любила плавать и теперь, в своих имажинациях, жизнерадостно плескалась в море. Через 20 минут я вынужден был прервать ее. После этого у нее, во всяком случае, осталось чувство, что она купалась. Всегда вода оказывала на нее самое сильное впечатление. Потом я никогда больше не обсуждал с ней это, а просто таким образом давал ей возможность это переживать, что она делала с явным удовольствием, не задавая лишних вопросов. Пациентке это ни в коей мере не казалось смешным, она воспринимала серьезно даже смешные ситуации. После 6 сеансов ее состояние значительно улучшилось, она начала поправляться в весе и набираться сил. Через 8

** За который я благодарен одному коллеге, имени которого я не знаю

дней ее посетил муж. Если раньше пациентка не могла сама встать с постели или пойти в туалет, то в этот раз она пошла с мужем гулять. Скоро она поехала с ним в горы отдыхать. Медикаментозное лечение, по-видимому, тоже начало теперь действовать. Приглашенный хирург уже больше не хотел ее оперировать, и я мог предложить тиреостатическое лечение”.

Комментарий. Если бы мы знали, в какой мере был нарушен основной обмен веществ, мы могли бы еще точнее судить о величине органического нарушения. На основании поразительного улучшения и описанной симптоматики можно было бы говорить об очень сильном наслаивании психогенных явлений на органические нарушения.

Следует коротко упомянуть о трех случаях описанных A.Pszywyj [58]. Своих пациенток он наблюдал в течение многих лет.

В одном *случае (7)* речь идет об одной пожилой женщине, которой было уже больше 70 лет. Она страдала тяжелым общим гипергидрозом (повышенным потоотделением). Все виды лечения, и в том числе дерматологическое, не давали результата. Чрезвычайная потливость заставляла пациентку по несколько раз в день менять белье. Этот симптом очень измучил ее. От мучительного симптома ее чуть ли не молниеносно освободили несколько сеансов КПО с переживанием сцен купания, которые в реальной жизни действительно происходили, когда она, обручившись со своим женихом, купалась вместе с ним.

Второй *случай (8)* касался студентки, злоупотреблявшей наркотическими веществами и таблетками, страдающей депрессивными нарушениями, с сильно нарушенной трудоспособностью. Наряду с представлением соответствующих сцен купания в КПО, с ней проводилось несколько психотерапевтических бесед. Результатом стало то, что пациентка перестала принимать наркотические

вещества, значительно восстановила трудоспособность, сдала экзамен и смогла начать подходящую работу по специальности.

В третьем *случае (9)* речь идет о 9-летней девочке с рецидивирующей крапивницей, которая появилась уже больше года назад. Этим же страдала и ее мать. С ними обеими было проведено несколько сеансов КПО с представлением сцен купания, и была обсуждена выявленная тем самым конфликтная проблематика. После нескольких коротких рецидивов кожное заболевание исчезло полностью (3 года последующего наблюдения).

A.Pszywyj [58] исследует возможные теоретические причины такого психотерапевтического воздействия, которые имеют как физиологический, так и глубинно-психологический аспект.

8 занятие

Третий стандартный мотив: *гора*

Мотив *горы* можно направить двумя различными способами: *первая и более короткая установка* - это рассматривание и точное описание горы издалека. *Вторая установка* включает *подъем в гору*, который начинается непосредственно с дороги на лугу и должен привести потом на вершину. Как ни странно, гора представляется при этих установках часто по-разному. Указание рассматривать гору может прямо начинаться такими словами: "Попробуйте, пожалуйста, представить себе гору, которую Вы рассматриваете издалека." Смотря по обстоятельствам, сначала появляются различные формы гор. Пациента просят об этом тоже рассказывать и подождать, пока одна из гор не выйдет на передний план.

Эту гору я затем прошу как можно подробнее мне описать: форму, высоту (сколько приблизительно метров), какие деревья на ней растут и есть ли они, какие горные породы ее слагают, покрыта ли она снегом и т.д. В конце задается особенно важный вопрос: хотел бы пациент подняться на эту гору?

Идеально здоровый человек или хорошо компенсированный пациент в Средней Европе описывает гору средней высоты не более 1000 м, поросшую лесом, возможно со скалистой вершиной, на которую, как ему кажется, он мог бы подняться, хотя, может быть, и с некоторым трудом. Формы гор у невротических пациентов могут быть примерно такими: гора - это только холм, в некоторых случаях только куча песка, груды снега - или, наоборот, гора очень большая, высокая, покрытая снегом и ледниками. Она может быть из папье-маше, из гладких скал, в некоторых случаях ровной и блестящей или зеркально-гладкой из мрамора, так что на нее даже невозможно подняться. Она может иметь также форму сахарной головы с крутыми неприступными стенами (бывает часто у подростков и незрелых личностей).

И здесь мы также просим пациента просто рассмотреть и непосредственно описать эмоциональные впечатления и качества горы, ее “излучение”. Имеющий некоторый опыт психотерапевт, как правило, умеет формулировать эти вопросы о качественных свойствах гештальта горы (специальный термин из гештальтпсихологии*). Гора, например, может производить впечатление чего-то “острого и зазубренного, но неприступного”, или “широкого, массивного и инертно лежащего, как чудовищная неподвижная масса”, или чего-то “возвышающегося, выдающегося, доминирующего” (т. к. гора находится в

* Гештальтпсихология - направление в психологии, основывающееся на принципе целостности (от нем. “Gestalt” - форма, образ, структура) (Прим. перев.)

просторной долине), но в то же время “неприступного, массивного и внушающего благоговение”.

Почему я придаю такое большое значение описанию этих качеств, конфигураций и прочих свойств горы? Давайте проанализируем признаки, описанные в трех последних примерах, особенно в последнем случае: перечисленные качества легко можно *перенести на людей*. Иначе говоря, пациенты наделяют горы качественными понятиями, которые принято использовать среди людей. И на это есть свои достаточные основания. Действительно, различные компоненты сцен ландшафта могут бессознательно отражать ранние отношения с какими-то эмоционально значимыми лицами, выступая в качестве их репрезентантов (“представителей”). Мотивы ландшафта в КПО допускают их символическое облачение. В большом учебнике по всему методу [45] я подробно рассматривал эти репрезентации. Вам сразу станет понятно, о чем здесь идет речь, если я скажу, что последнее описание горы принадлежит менеджеру экономической фирмы. Когда я на основании названных им качеств спросил его, мог бы он перенести их на какого-нибудь известного ему человека, то после короткого раздумья у него возникла ассоциация: “Аденауэр”. Личность канцлера Конрада Аденауэра воплощала для него выдающийся, возвышающийся над всем остальным, как бы железный, негибаемый, но чрезвычайно успешный гештальт руководства. Дальнейшие ассоциации привели его затем к уходящим далеко в детство мужским прототипам, образцам. Они явно играли решающую роль в формировании его *Сверх-Я* (формировании идеала). Сам он по своей природе был скорее мягким, эмоциональным и задумчиво-мечтательным человеком. Но он считал, что должен побороть в себе эти качества, чтобы соответствовать стоящим перед ним задачам руководителя.

Мотив *горы* в предложенной здесь форме - это особенно хорошая модель для того, чтобы четко показать объекты репрезентаций, т. е. отражение самых близких людей из раннего детства (так называемых *эмоционально значимых лиц* или *лиц отношения*). Аналогичным образом это относится и к мотиву *ручья*, нередко и к мотиву *дома*, к мотиву *источника*, а также к мотиву отдельно стоящего *дерева* или к *группе деревьев* как сообщества людей (семья). Но было бы слишком “прямолинейным” и не соответствовало бы подлинному значению глубинно-психологической символики считать, что все горы всегда имеют отношение к отцовско-мужскому, а все источники - к материнско-женскому миру. Все гораздо сложнее, и мне, как всегда, остается опять только предостеречь от такого упрощенного сопоставления. Горы, деревья, реки и некоторые другие конфигурации могут относиться к материнско-женскому миру, необязательно имея при этом отношение к собственной матери пациента. Более подробно я это рассматриваю в упомянутой главе моего большого учебника о КПО [45].

Все же на этом примере мотива *горы* становится ясным, как нам следует отвечать на возникающий в некоторых случаях вопрос: где на *основной ступени* КПО пациент соприкасается с эмоционально значимыми лицами, сыгравшими столь важную роль в нарушении его развития. Однако на *основной ступени* КПО мы сознательно избегаем ситуации, когда образ значимого лица выходит за рамки символического облачения и получает возможность собственной персоной выступать на сцене символдрамы*.

Но такие соприкосновения тем не менее не пропадают зря. Активные действия пациента внутри ландшафта представляют собой их анализ в символической форме. Это же справедливо для встречи с животными или другими символическими героями, о чем еще будет идти речь в связи с мотивом опушки

* Это удается на *средней ступени* КПО при использовании более сложной техники (ср. с. 215).

леса. Благодаря одному только активному действию пациента в ландшафтных сценах такой анализ лиц отношения из раннего детства часто имеет удивительно высокую терапевтическую эффективность (ср. **Пример 10**, с. 74 - 75).

Рассмотрение ландшафтных мотивов как репрезентаций некоторых лиц соответствует теории объектных отношений. Конечно же, это только одно из возможных толкований. Оно соответствует свойству глубинно-психологических символов иметь множественную детерминацию и множество значений.

Если мы рассмотрим конфигурацию гор, то, конечно же, встречаются и горы с округлой вершиной или такие, чей силуэт приблизительно напоминает лежащую или сидящую девушку, из чего прямо можно сделать вывод об объектной репрезентации материнско-женского мира. Сигналом об особой ситуации можно считать случай, когда сразу появляется весь горный массив и, насколько это возможно, начинает образовывать кольцо вокруг котловины, в середине которой находится пациент. Возникает чувство совершенной подавленности или окруженности чьим-то миром (миром эмоционально значимого лица).

Подъем в гору

Подъем в гору - это следующий шаг. После того, как четко установится луг, мы просим пациента: “Оглянитесь, пожалуйста, кругом (взгляните на луг). Может быть, Вы где-то увидите дорогу или хотя бы маленькую тропинку”. Как правило, это быстро получается. Если пациент это подтвердит, мы просим его пойти по той дороге и заранее говорим ему, что она поведет его через лес, а потом в гору. С горы он увидит *панораму*. Как правило, восхождение так и происходит, ибо это предсказание определяет все сценическое развитие. Но в своих деталях оно индивидуально-проективно определяется самим пациентом. Это относится,

конечно, не только к здоровым людям, но и к многим пациентам, страдающим невротическими заболеваниями.

Идеально здоровый человек или хорошо компенсированный пациент обычно без труда может подняться по этой дороге. Он проходит через лес и взбирается по внушительному подъему на гору средней величины. На ее вершине он находит место, откуда открывается *панорама* во все стороны. В этом отнюдь не столь уж редком случае погода даже очень хорошая: пациент видит далеко, и перед ним открывается панорама привычного средневропейского ландшафта с ухоженными полями и деревьями, дорогами и людьми, занятыми каким-то делом. Вдали пациент может увидеть город с какими-то заводами и фабриками, реку или озеро, может появиться море, или на горизонте покажутся горы. Если эта панорама ничем не ограничивается и подъем в гору, как было описано выше, проходил без особенно больших осложнений, то можно сделать вывод, что у данного человека нет серьезных нарушений, связанных с кругом проблем, затрагиваемых этим мотивом.

Давайте сначала более подробно проанализируем значение этого мотива. Оно делится на три компонента, каждый из которых имеет свой собственный характер.

Первый компонент касается восхождения как такового. Перед пациентом ставится, таким образом, некоторая задача, от осуществления которой он может отказаться. Но это происходит все-таки очень редко. Мы исходим из того смысла, который в нашей речи обычно вкладывается в слова “подъем” и “восхождение”, которые означают иногда восхождение по служебной лестнице, карьеру, связанную, например, с профессиональным образованием, а также, в более широком и чаще используемом значении, связь с задачами, которые вообще ставит перед пациентом жизнь, особенно, когда речь идет о человеке еще относительно

молодом или среднего возраста. В немецком языке существует распространенное выражение: “Сегодня мне предстоит день, как большая гора”^{*}.

Эти требования мы нередко предъявляем и к самим себе. Некоторые люди ставят перед собой высокие или даже крайне высокие задачи, другие довольствуются средним уровнем и испытывают при этом меньше сложностей. Глубокое и основательное исследование психолога Х.-Й.Конрадта [30] показало высокую корреляцию между *высотой горы и уровнем притязаний* представляющего образы пациента. Люди с высоким уровнем притязаний, отличающиеся часто непомерным тщеславием, представляют высокую гору, подняться на которую сложно и тяжело.

Следует обращать внимание на своеобразие подъема, крутизну отдельных участков, необходимость карабкаться, возможно, с набором альпинистского снаряжения. Или наоборот: если пациент находит удобный, прогулочный путь или преждевременно утомляется и должен часто отдыхать, это указывает на то, каким образом данный человек привык решать задачи или добиваться своих целей. Особо усердным и всегда готовым работать людям даже не нужно вначале предлагать подняться в гору. Если в КПО гора возникает перед ними близко, они без каких-либо указаний начинают подниматься вверх. Это люди в особенности настроены на достижение результата и постоянно готовы к активным действиям. В образах они представляют себе такие условия для восхождения, когда им нужно привязывать себя канатом, карабкаться по вертикальным расщелинам и преодолевать другие трудные препятствия, чтобы достичь скалистую вершину.

Если при таком усердном восхождении кого-то “заносит” слишком высоко, и, чтобы выйти на правильный путь или спуститься вниз, становится необходима помощь психотерапевта, конечно же, возникает фатальное и досадное чувство

^{*} В русском языке есть выражение: “Как гора с плеч”. (Прим. перев.)

разочарования. Более тяжелые невротические нарушения восхождения в гору могут проявляться в том, что тропа становится склизкой, и пациент все время скатывается вниз или, наоборот, идет не в гору, а спускается - в соответствии с давящим на него пессимистическим, безропотным настроением - все ниже в темный лес. Другим характерным признаком нарушения может быть избегание восхождения вообще. Пациенты с особо сильно выраженной истерической структурой личности имеют достаточно фантазии, чтобы перепрыгнуть в своем воображении через тяжелое, преодолеваемое шаг за шагом восхождение. Они поражают психотерапевта, сообщая: “А я уже наверху”. Такое отрицание реальности я встретил у одной пациентки, которая, наблюдая панораму, видела только клубы облаков, окутывающих землю. Казалось, что она и буквально “парила в облаках”. Другими мотивами препятствия-недопущения при восхождении могут быть, например, встающие на пути лесные завалы, глубокие овраги, или пациент вдруг чего-то пугается в темном лесу и просит разрешения повернуть назад.

В аспекте теории объектных отношений подъем на гору имеет очень большое значение - идентификацию с важной отцовской или материнской фигурой. Достигая вершины горы, пациент в определенной мере ставит себя на признаваемую за отцом или матерью позицию. Согласно психодинамическим выводам психоанализа, сын, в принципе, имеет потребность соответствовать своей собственной мужской роли путем идентификации с отцовской фигурой и, соответственно, дочь - своей женской роли путем идентификации с матерью. Хорошо известно, как сыновьям выдающихся людей бывает тяжело “подать себя” (“что-то из себя сделать”), чтобы когда-нибудь “сравниться” с отцом, т. е. путем идентификации занять аналогичное положение.

На ранних этапах экспериментов с *Кататимным переживанием образов* у меня был особенно примечательный случай, наглядно показывающий, что гора часто выступает как отцовско-мужская репрезентация, а восхождение на нее может привести к критическому разбору отношения к образу (имаго) отца. При этом явно удастся также и идентификация с отцом. Этот случай я воспроизвожу в сокращении, ввиду его ключевой важности для понимания этой идентификационной проблематики.

Пример (10)

Я лечил гипнозом 18-летнего подростка, уже четыре года страдавшего тяжелым заиканием. Тем не менее, еще оставались остаточные речевые нарушения. Они весьма характерно проявлялись тогда, когда пациент хотел что-нибудь сказать за обеденным столом в присутствии отца или в классе в присутствии мастера. Не нужно было большого глубинно-психологического искусства толкования, чтобы сделать вывод, что здесь имеет место остаток непреодоленной авторитарной проблематики. У пациента было чувство, что он не может противопоставить себя образу отца, который казался ему выдающимся.

На основании моего знания о возможном значении горы я задал пациенту мотив восхождения в гору. Он представил себе упомянутый выше тип горы похожей на “сахарную голову”. Сделав определенное усилие, он смог подняться на нее по тропе, поднимающейся серпантинном вверх. В панораме он увидел на другой стороне долины еще более высокую и существенно более массивную, широко раскинувшуюся гору, на вершине которой стояла массивная обзорная башня. Не было ничего проще предположить, что покоренная гора соответствовала его собственному уровню достижений, которых следовало добиться. Это усиливало

сравнение с огромной горой напротив, намного превышающей ее. Также легко можно было предположить, что огромная гора с мощной башней на вершине представляла типичный фрейдистский символ мужского начала, отцовско-авторитарного мира.

Исходя из этого, я предложил следующую гипотезу: если мне удастся побудить пациента подняться также и на отцовскую гору с ее башней (как выражением идентификации с отцом, которая до сих пор оставалась нарушенной), то должно произойти изменение в его отношении к отцовскому авторитету. Прохождение через долину и подъем на большую гору удались, пусть даже и с некоторыми трудностями. Удался также и подъем на башню. В последний момент, однако, разразилась страшная гроза, которая его так испугала, что он не смог бы без моего подбадривания подняться на башню. Казалось, он гордился своим достижением, которое я положительно комментировал. Само собой разумеется, я не давал никаких интерпретаций, и пациент мог не знать (хотя, может быть, догадывался), что он имел дело с отцовской авторитарной репрезентацией.

Когда спустя три дня пациент опять пришел на прием, он спонтанно сообщил, что у него больше не осталось никаких следов речевого нарушения. Он рассказал, что мог ясно и свободно говорить как в присутствии отца, так и мастера. Он мог также уверенно отстаивать свое мнение в споре с ними. Из этого я сделал вывод, что моя гипотеза оказалась верна. Успешное восхождение на символизирующую отцовский мир гору, занятие отцовской позиции, в смысле идентификации с отцом, стало с моей помощью символическим анализом казавшегося могущественным образа отца. Это усилило его *Я* и устранило остатки его агрессивной скованности.

Контрастный пример с противоположными признаками представляет собой уже ранее упомянутый менеджер, сравнивший огромную, одиноко стоящую гору с

выдающейся личностью: “Как Аденауэр”. Он считал эту гору абсолютно неприступной, несмотря на небольшую помощь, которую я ему предложил. Тогда, в качестве эксперимента, я предложил ему полететь на вершину этой горы на вертолете, на что он, колебавшись, согласился. Когда он забрался наверх, там дул сильный ветер. Он чувствовал себя крайне неприятно и не мог как следует увидеть панораму, не говоря уже о том, чтобы насладиться ею. Все это было явным признаком того, что мое предложение не было принято пациентом.

Чтобы еще более ярко продемонстрировать занимающую здесь центральное место психологическую проблему, я приведу в заключение итоговый пример. У меня проходил лечение очень талантливый студент-физик, страдавший не только от тяжелого невроза навязчивых состояний, но и от полного отчаяния, депрессивного расстройства и приступов страха. Представив мотив горы он отказался от восхождения. Он оказался внезапно на вершине горы высотой, как он сказал, 10 000 м. Он даже еще парил несколько метров над вершиной. Пытаясь оглядеть панораму, он разглядел в долине одинокого путника. Я попросил его поточнее изучить через имажинируемую подзорную трубу черты этого человека. К собственному удивлению, он обнаружил, что этот пожилой мужчина выглядел как Альберт Эйнштейн.

Здесь с большой очевидностью становится понятным, что молодой человек выражал своей сверхестественно высокой горой свой завышенный уровень притязаний, свое крайнее честолюбие, так как его профессиональный идеал состоял в том, чтобы когда-нибудь стать “вторым Эйнштейном” (что он позднее также признал).

В двух последних примерах мотив *горы* - это репрезентация не образа реального отца, а отцовско-мужских идеальных гешталтов недостижимых выдающихся личностей: здесь Альберт Эйнштейн, там Конрад Аденауэр. Остается только

догадываться о неизмеримо глубоких проблемах собственной значимости у этих людей. В практической психотерапии работа с нарциссическими идеальными представлениями и завышенными требованиями к себе (*Сверх-Я*) играет важную роль в анализе невротического развития личности (нарушения характера). Но это удастся только прошедшему полный курс обучения психотерапевту, при помощи более сложных техник прорабатывания (см. большой учебник по всему методу [45]).

В ходе более длительной психотерапии при помощи КПО необходимо вновь проверить, какие новые возможности появляются при работе с мотивом горы. Например, у одной пациентки в различных образах проявлялась раздвоенность в плане ее уровня притязаний: сначала она “увидела” очень высокую, крутую и скалистую гору, на которую она могла вскарабкаться лишь с огромным трудом; следом за этим появился небольшой, 30 м высотой, поросший травой холм, на который она хотя и поднялась очень легко, но с которого она не могла увидеть никакой панорамы.

**Продолжение третьего стандартного мотива:
*гора, панорама, ее трансформация***

Открывающийся с вершины горы вид как второй компонент мотива горы - это, в определенной мере, вознаграждение за затраченное напряжение. Мы наблюдаем теперь мир из совершенно иной перспективы, чем мы обычно привыкли, перенесенные высоко вверх, иногда даже совсем одни. В то же время человек подвергается погодным ненастьям: буре, ветру и холоду. Открывающийся с вершины горы вид создает как бы новое измерение в обозрении ландшафта - кататимную панораму (образно говоря “ландшафт души”[40]). Мы отдалены от земли, все уменьшено, но перед нашими глазами вдруг предстает ширь и даль, великолепный вид на все структуры этого ландшафта до самого горизонта. В КПО это удастся еще только в том случае, если использовать самолет или превратиться в летящую птицу. Различные эксперименты с *Кататимным переживанием образов* научили нас ориентироваться в некоторых закономерных особенностях открывающейся с вершины горы панорамы.

Для нас прежде всего интересен вопрос, не нарушается ли обозрение в каком-то из четырех направлений. Признаки нарушения выражаются в том, что обзор может быть затруднен в одном или нескольких направлениях скалами, деревьями, и т. п. Поэтому мы просим пациента описывать, что он может разглядеть позади себя (из того положения, как он взойшел на вершину), впереди, справа и слева. Вид назад - это, как правило, взгляд в прошлое, вперед - ожидание от будущего, направо - акцентирует когнитивную, рациональную, а также мужскую установку в плане символики “право-лево”, вид налево - это эмоциональное и женское. Но я, разумеется, остерегаюсь делать из этого однозначные выводы.

Примечательной закономерностью является преобразование ландшафта в ходе процесса психотерапии (синхронное преобразование). На первых этапах психотерапии панорама открывается часто на образы ландшафта ранней весны - марта или апреля. Если в ходе психотерапии по методу КПО, длящейся 20-30 сеансов, повторять подъем на гору несколько раз, то ландшафт обычно преобразовывается от весны к лету и вплоть до времени сбора урожая с золотыми нивами. Параллельно этому ландшафт обогащается свидетельствами человеческой деятельности и структурированием природы: на полях работают люди, становятся видны деревни и поселки, вдали даже крупный город; внизу протянулись дороги, шоссе и линии электропередач, и бесхозные вначале части природы становятся все более и более культивированными. С другой точки зрения, становится ясно, что ландшафт делается плодороднее. Появляются реки и озера, может быть, можно разглядеть море, крайне высокие горы и горные цепи становятся ниже, и взгляд может проникать все дальше в даль. Такое развитие кататимной панорамы указывает на то, что в смене времен года отражается бессознательная самооценка развивающегося терапевтического процесса. Повышенная оживленность явно указывает на растущее развитие и обогащение Я с одновременным разрушением заостренных структур, что можно считать выражением распространяющегося креативного развития Я. Развитие Я идет параллельно расширению радиуса активных действий в реальном поведении постепенно преодолевающего свой невроз пациента. Само собой разумеется, что это происходит в определенных пределах и что в случаях ярко выраженных характерологических неврозов этот процесс требует гораздо более длительного периода лечения. Но все же очевидна синхронность между преобразованием кататимной панорамы и развитием терапевтического процесса, что показывают точные, количественные исследования [52, 72].

Другая форма объективного сравнения кататимной панорамы - это изготовление после сеанса КПО квази-картографических схем, как это сделал пациент на рис. 1. После этого он прошел курс интенсивной психотерапии. После ее окончания его попросили: “Представьте себе еще раз среднеземноморский ландшафт, который открылся Вам в последний раз с вершины скалы.” Результат представлен на рис. 2.

Еще один наглядный *пример* представляет собой случай 42-летней незамужней пациентки, обратившейся ко мне в связи с приступами головной боли. В КПО ей нужно было пройти по крутой дороге, поднимающейся серпантином через темный лес к вершине. Временами ее охватывал страх, что лес может никогда не кончиться.

Когда она добралась до вершины, ей открылась панорама. Перед ней простирались горные цепи, загораживающие ей вид на дальний ландшафт. За ними в горящем пламенем небе заходило вечернее солнце. Позади она видела вдалеке город, а с обеих сторон - покрытые лесом долины с маленькими деревеньками.

Я истолковал редко встречающийся заход солнца у пациентки, которая находилась на пороге климакса и которая была связана поздней любовью с холостым мужчиной, как указание на ее опасение в связи с приближающимся угасанием ее способности любить.

Загораживание вида вперед цепью гор указывает на аспекты ее будущего, в то время как взгляд назад на город (как “центр жизни”) можно оценить положительно. Город может быть также символом материнской сферы (пациентка жила со своей матерью и была сильно к ней привязана, мать давала ей “опору”).

Этот пример указывает на различные индивидуальные проблемы пациентки. Я все же не стал бы делать слишком мрачных оценок и считаю, что в диагностическом отношении вполне можно попробовать лечение при помощи техники *основной ступени* КПО. (Что же касается симптома хронической головной

боли, то опытный психотерапевт знает, что она обладает довольно резистентным эффектом по отношению к психотерапии.)

Как же выражаются в панораме признаки явно патологических, т. е. тяжелых невротических нарушений и конфликтов? Ситуация отягощается, если панорама закрыта со всех сторон деревьями или скалами. Если панорама открывается только с одной стороны, то это тоже значительное ограничение.

Оценивая далее признаки нарушения, нам следует рассмотреть ландшафт. Ситуация, когда взору открываются только облака или все настолько туманно, что вообще трудно разглядеть детали, встречается редко. Мы исходим из того, что пациенты из наших широт представляют, как правило, среднеевропейские ландшафты. Экзотические ландшафты, такие как бесконечно широкие саванны, пустыни или другие невозделанные территории, сигнализируют о проблемах. То же самое относится к ситуации, когда вокруг покоренной горы возвышаются другие горы. Мотив пустыни затрагивается в комментарии к рис. 1.

Невротическая ситуация может характеризоваться также и тем, что земля со всех сторон покрыта лесом, без малейших признаков человеческой деятельности. Если исходить из гипотезы, что лес символически связан с бессознательными, недоступными когнитивному пониманию элементами, то такую сцену можно сравнить с внутренней ситуацией пациента в начале психотерапии.

Следует учитывать все описываемые пациентом детали, чтобы иметь таким образом возможность собирать возникающие по этому поводу идеи. Я имею в виду, например, одну молодую пациентку, которая на вершине округлой горы оказалась перед большой, мощной башней. Чтобы подняться на нее, ей нужно было приложить все свои последние силы, но без этого она не могла увидеть

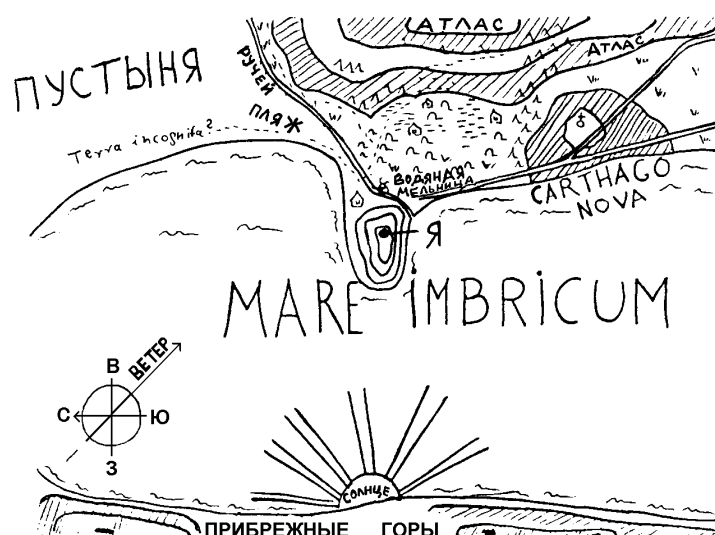

Рис. 1 Картографическая схема панорамы ландшафта, которую пациент обозревал с вершины представляемой им в образах горы. Он стоит на жарком скалистом утесе со среднеземноморской растительностью, выступающим далеко в море. Место, где он находится, отмечено словом *Я*. Перед собой он видит долину, тщательно обустроенную, с проведенными каналами орошения и разбитую на мелкие участки. Слева утес омывают спокойные волны океана. Вдали слева простирается еще неизученная большая песчанная пустыня. Справа на берегу моря расположен город с большими, кубическими зданиями, кипарисами и мечетью. На горизонте перед ним высокая, темная горная гряда, похожая на Атласские горы (горную систему в Северной Африке - *прим. перев.*). В дымке он видит море (Mare Imbricum), за которым проступают высокие прибрежные горы (из [40]).

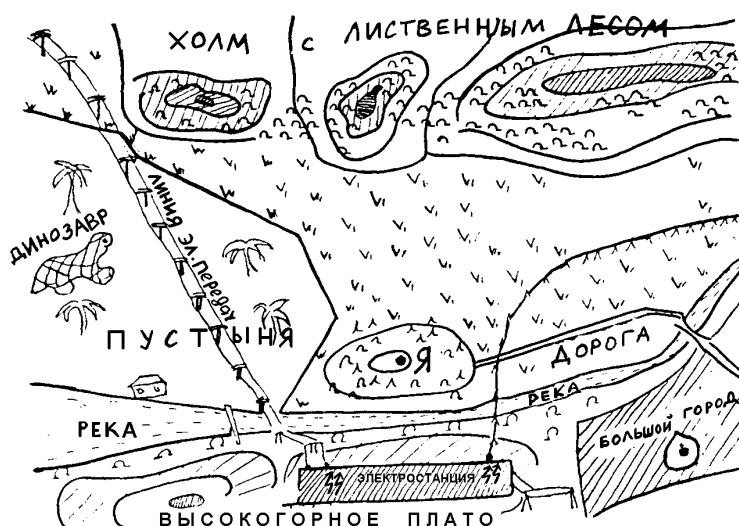

Рис. 2 Изменение образа ландшафта при обозрении панорамы с вершины горы, по сравнению с рис. 1, происшедшее после интенсивной психотерапии.

”Гора, на которой я теперь нахожусь, как бы спрессована по сравнению с той, которая была изображена на предыдущей схеме. От простирающегося позади моря остался теперь только один ручей. Много людей, в основном женщины и дети, прогуливаются по дорожкам парка. Слева, где поток воды становится шире, опять простирается песчаная пустыня. Присмотревшись, я нахожу там высоковольтную линию электропередач, идущую от электростанции. Я обнаружил динозавра и отдельные пальмы. Там, где раньше были Атласские горы, теперь простираются поросшие лесом холмы, по которым проложены прогулочные дорожки. Справа опять находится город, но который имеет теперь более европейский характер. Реку можно перейти по мостам, линия электропередач тянется также и направо от

электростанции. При помощи подзорной трубы я могу разглядывать отдельные детали.” [40].

Комментарий: Нельзя не заметить явных изменений картографической картины ландшафта. Море сжалось до ручья, Атласские горы уменьшились до размеров холмов, и возникла более средневропейская картина ландшафта. Город теперь европеизирован - дороги, электростанция и люди свидетельствуют о развитии соответствующей жизни в ландшафте. Даже пустыня проявляет первые признаки жизни, пусть и в несколько странной форме. Ее очертания кажутся теперь более четкими, это уже не “terra incognita”. Примечательны линии электропередач как указание на оживление энергии и силы.

панораму. В то же время у основания башни она обнаружила ларек с продавщицей сувениров, которая, с одной стороны, произвела на нее очень приветливое и добродушное впечатление, а с другой стороны, излучала, как ей казалось, неутомимую жажду действия ее матери, которую она до этого ощущала скорее как угнетение, чем как поддержку.

Спуск

Я перехожу, наконец, к третьей части мотива горы - *спуску*. Возвращение в исходную местность не всегда происходит беспроблемно. Если пациент достаточно побыл на вершине горы, увидел панораму и описал ее, или если, может быть, он сам стремится спуститься вниз, мы даем ему возможность выбора: воспользоваться ли ему той же дорогой или какой-нибудь другой. Во всяком случае, нежелательно заканчивать сеанс прежде, чем пациент опять доберется до подножия горы. Мы можем попросить его вернуться к исходному пункту.

Для некоторых пациентов спуск все-таки достаточно сложен. На самом деле спускание или слезание вниз часто бывает труднее, чем восхождение. Пациенты иногда неохотно спускаются вниз, особенно те, у которых высок уровень притязаний,. В культурно-лингвистическом контексте слово “опускаться” часто используется в переносном смысле, например, как социальный спуск, снижение, отказ от важного положения, изредка даже как моральное падение, опускание. Для некоторых пациентов уход с вершины горы имеет такое же большое значение, как возвращение в серые будни повседневной жизни со всеми своими банальностями, в мир, где все тесно сцепилось друг с другом. Обозреваемую с вершины горы панораму они переживают как облегчение и освобождение, а возвращение - прямо противоположно.

Другие пациенты чувствуют себя на вершине горы незащищенно, неуютно, одиноко, отрезанными от мира людей. Им приятно вернуться в мир человеческих жилищ, их тепла, их сплоченности. Терапевт отмечает для себя эти побуждения. Он может также спросить пациента о его чувствах перед началом спуска, если тот медлит.

Мы просим описывать нам детали ландшафта, по которому пролегает путь, обращаем также внимание на то, не перепрыгивает ли пациент через реальную ситуацию (как это охотно делают пациенты с истерической структурой личности), непосредственно сообщая: “Я уже внизу”. И куда бы пациент в конце концов не пришел (часто это луг, с которого он отправился в путь), мы просим его, как он может, описать это окружение. При этом мы встречаем часто уже упоминавшийся ранее *феномен синхронного преобразования*. Часто луг (который лучше всего можно было бы сравнить с мотивом *луга* перед началом восхождения) изменяется в деталях или в более существенных чертах: трава теперь выше, цветы раскрываются, погода улучшилась, ландшафт стал шире и просторнее. Четче становятся и другие свойства, которые по сравнению с исходным состоянием несут положительный аспект. Как нам кажется, из этого можно сделать вывод, что благодаря тому, что пациенту удалось справиться с восхождением и увидеть открывающуюся с вершины горы панораму, определенное воздействие оказывается на бессознательные структуры переживания в смысле усиления *Я*, что, в свою очередь, предполагает некоторую степень самоутверждения. В этом случае восхождение на гору переживается положительно.

Мотив *горы* чрезвычайно важен. Восхождение на гору следует постоянно вновь повторять через определенные промежутки времени. Если это не делать, то может быть остановлена вне поля зрения пациента проблема соперничества и достижения, которую необходимо прорабатывать. Внутренняя резигнация

(смирение, отречение), депрессивная пассивность или определенная проблема с материнско-отцовским миром остаются вытесненными. И наоборот, у таких пациентов нельзя форсировать мотив *восхождения в гору*. В гораздо большей степени уже при небольших достижениях нам следует давать им положительную обратную связь. Следует понимать, что этот мотив в некоторых случаях требует много времени и на него уходит все занятие полностью.

10 занятие

Два последних стандартных мотива: *дом, опушка леса с символическими образами*

Четвертый мотив - *дом* - очень многоплановый. Его прорабатывание также требует много времени, иногда даже два сеанса. Нередко в нем скрыт многогранный и сложный конфликтный материал. По этой причине мотив дома следует предлагать только таким пациентам, которые уже хорошо освоились с символдрамой и которых психотерапевт может считать способными выдержать определенную нагрузку. Иногда мотив *дома*, по причине усиленной защитной реакции, остается какое-то время относительно нехарактерным и слабым в информативном отношении. В этом случае его по возможности следует повторить.

Мотиву *дома* отводится важное значение. Согласно существующему опыту, дом переживается прежде всего как выражение собственной личности или одной из ее частей. В мотиве дома выражаются структуры, в которые пациент проецирует себя и свои желания, пристрастия, защитные установки и страхи. Эти символизируемые психические составляющие относятся к эмоционально переживаемым в данный момент оценкам себя самого. Если попросить пациента войти в дом, то мужской

половиной это может переживаться и как мотив интроитуса - сексуального проникновения в женское тело. Однако эта версия кажется мне мало убедительной.

В общем удивляет то, как редко в доме встречаются люди. Но если это все же случается и, при повторном представлении мотива, там постоянно вновь появляются те же самые люди, то это указывает на существование сильной привязанности в плане психоаналитического учения об интроектах. Пациент еще не освободился от какой-то важной личности, эмоционально значимого лица, игравшего определяющую роль в его раннем детстве и “воспринятого” в его *Я* и *Сверх-Я*. В этой связи я вспоминаю об одной драматической сцене, описанной в другой моей работе. На протяжении долгого периода лечения в образах одной женщины, матери троих детей, вынужденной полагаться в жизни только на себя, в одной из комнат дома стереотипно возникала бабушка. В детстве пациентки она играла важную роль, определявшую судьбу всей семьи. Моя попытка вывести ее во время *сновидения наяву* из дома привела к неожиданно драматической реакции пациентки. Это было не только очевидным указанием на то, что кататимные образы связаны между собой и подчиняются определенным внутренним закономерностям, но в то же время также явно показывало, что образ бабушки воплощал интроект *Я* в смысле еще сильной внутренней привязанности к умершей бабушке. Чтобы отказаться от этой привязанности, освободиться от нее требуется более длительная, преобразующая характер психотерапия, как это принято в психоанализе.

Мы просим пациента представить себе дом. При этом мы избегаем чего-либо определенного, каких-либо спецификаций и просто ждем, какого вида дом появится. Более элегантно было бы использовать одну из возможностей, когда пациент на прогулке (начав ее на лугу или где бы то ни было еще) сам встречает на

своем пути дом. Академическая инструкция в этом случае также начинается прежде всего с просьбы описать дом снаружи, включая его окружение. Например, если есть сад, то спрашивается о его состоянии, о настроении сцены, в соответствии с нашей профессиональной склонностью к деталям. (Здесь я, однако, хочу также подчеркнуть, что не все пациенты непосредственно к этому готовы; некоторые воспринимают слишком много вопросов относительно деталей как помеху.) Уже при внешнем рассмотрении дома следует спросить, что он напоминает. В некоторых случаях бывают сходства с родительским домом, с домом бабушки и дедушки или других важных значимых лиц. То же относится и к внутренним частям дома. В них отражаются упомянутые выше зависимости.

Обходя вокруг дома, можно столкнуться с неожиданностями. Например, если передний фасад соответствует привлекательному частному дому (дому-мечте), то задняя сторона, напротив, может быть старым разваливающимся сараем.

Но самое главное, что может дать дом для психодиагностики и психотерапии, лежит в его *внутреннем осмотре*. Поэтому мы спрашиваем пациента, хочет ли он осмотреть дом изнутри. Как правило, это удастся без проблем. Для некоторых пациентов характерно возражение, что это якобы чужой дом, и в него так просто заходить нельзя. В таких случаях рекомендуется обсудить с пациентом причины его нерешительности, сдержанности, которые он, возможно, проявляет также и в обычной жизни. Дверь дома редко бывает закрытой.

Когда же он заходит внутрь, мы опять просим его точно описать все, что он там видит, чтобы у нас тоже сложилось представление о внутреннем интерьере дома и о том, что в нем есть. Мы предоставляем пациенту самому решить, какие помещения он хочет осмотреть сначала. При этом следует обратить внимание и на то, каких помещений он избегает. Здесь дают о себе знать вытесненные проблемы.

Особое значение имеет *кухня* как место, где хранится и, что особенно важно, готовится еда. Без сомнения, существует большое различие между тем, видит ли пациент безупречно прибранную, сверкающе-чистую современную кухню с мебелью из новых материалов, - когда возникает вопрос, а используется ли она вообще? - или же он застает на кухне молодую женщину, с удовольствием готовящую там еду. Совсем по-другому выглядит покинутая кухня, в которой все осталось стоять и лежать: грязные тарелки, мусор, объедки, остатки еды, мухи, сидящие на объедках. Эти два крайних примера характеризуют два противоположных полюса. Наконец, нужно исследовать запасы продуктов. Контрасты проявляются, например, если в одном случае есть большая кладовка, в которой хранятся острые окорока, копченые колбаски, лук, заготовки, разнообразные консервы, хлеб, кексы и многое другое, а в другом случае кладовки вообще нет или в ней находится лишь совсем немного продуктов, которых едва ли хватит на следующий день. Кладовка в меньшем формате - это холодильник. Состояние кухни и хозяйственные запасы позволяют сделать прямые выводы об установке пациента относительно орального мира наслаждения. Здесь дают о себе знать или чуждые наслаждению оральные установки, или, возможно, наоборот - чрезмерное акцентирование орального мира, когда в изобилии предлагаются изысканные, вкусные продукты. Последнее, однако, среди наших пациентов бывает редко.

Как дополнение к мотиву кухни следует обратить внимание на хозяйственные запасы в *подвале, погребе*. Погреб, в основном, осматривают не в первую очередь. Вполне может быть, что запасы, вместо того, чтобы быть в кухне, в изобилии сложены в подвале. Это могло бы быть выражением аскетической позиции с сильными оральными потребностями в гарантированном обеспечении. При оценке

значения оральной сферы мы встречаем различия, обусловленные возрастом, что и неудивительно.

Не следует забывать и *жилую комнату (гостиную)*. Мы просим - как и во всех комнатах, включая кухню, - описать царящую в этом помещении атмосферу. В некоторых случаях мы предлагаем соответствующие атрибуты, такие как “уютно, современно, симпатично и легко” - или “мрачно, неуютно, отталкивающе, старомодно”. Хотел бы пациент сам здесь жить? Или же дом кажется “безвкусным, нежилым, холодно-деловым” и каким-то другим. Опытные пациенты даже могут рассматривать развешенные в комнате картины, из чего можно получить дальнейший материал.

Следует спрашивать о чистоте помещений. Чрезмерная чистота и порядок - как противовес по отношению к уютной жилой атмосфере (“теплый спертый воздух”) - могут говорить об анти-анальной и тем самым навязчивой установке.

Особое значение придается *спальне*, как интимной области, различные детали которой выражают партнерские отношения вплоть до эротически-сексуальных связей. Следует задать вопрос, какая кровать стоит в комнате - одна широкая французская или две отдельные кровати, как они расположены друг относительно друга. Мы просим подробно исследовать, спали ли уже на этой постели, что находится в шкафах, на ночных столиках или другой мебели. Если молодые пациенты или подростки находят там старомодные платья, которые пошли бы разве что их родителям, они как бы сигнализируют тем самым, что вытесняют для себя сексуальные или похожие на брак отношения.

Так как у невротических людей зачастую не решена эдипальная проблема, т.е. привязанность сына к матери и дочери к отцу, то мы часто видим смешение одежды или обуви пациентки с одеждой или обувью более старшего мужчины, который мог бы стать ее отцом, и наоборот, одежда молодого мужчины с платьями

более старшей женщины. Особое внимание следует обратить на обувь, эротическое значение которой выражается в ее модности и элегантности. Или наоборот: вытеснение этой составляющей выражается в том, что обувь неуклюжая, поношенная и непривлекательная.

Инструкция по проведению столь *тщательной инспекции* имеет прежде всего скорее диагностическое значение. Сначала пациент будет фиксировать ее только на подпороговом уровне или вообще не будет замечать. Я вспоминаю о 21-летней пациентке, нашедшей в шкафах пальто, которое она носила в 14 лет. Рядом с ним висели брюки ее деда. Из этого и из истории ее жизни становится ясно, что ее эдипальная связь была направлена не на отца, а на деда. Отец, к ее большому горю, после развода исчез из ее поля зрения, когда ей было 7 лет. Дед играл важную роль для ее эротического развития в пубертатном периоде. Весь этот комплекс стало возможным обсудить лишь при помощи этого образа.

В ящиках *ночного столика* находятся всевозможные личные принадлежности, через которые можно получить сведения о владельце данной кровати.

Сильные тенденции вытеснения становятся ясными, если одежда, обувь и другие предметы принадлежат, как кажется, совершенно другим людям. В соответствии с прописными академическими правилами, мы всегда можем исходить из того, что появляющиеся в доме следы людей указывают на интросекции собственной личности.

В качестве последнего пункта осмотра следует, наконец, назвать *чердак* и *подвал*. В обоих помещениях психотерапевт может предположить существование старых сундуков, ящиков и шкафов. Можно попросить пациента исследовать их содержимое. В них сохранились вещи из прошлого, такие как старая игрушка, старые платья, семейные альбомы, книжки с картинками и другие предметы

воспоминаний. Мы просим пациента рассмотреть эти вещи и можем при этом натолкнуться на важные реминисценции, воспоминания.

Если осмотр дома не удастся довести до конца в течение одного сеанса КПО, то оставшееся следует исследовать на следующем сеансе.

Для наглядности я приведу несколько коротких примеров представления мотива дома. В случае беспроблемных людей мы можем ожидать жилой дом, предназначенный, в основном, только для одной семьи. Офис фирмы, учреждение, гостиница или что-то подобное дают основание предполагать, что частная сфера пациента явно пренебрегается, в особенности, если мало жилых помещений или их вообще нет. Маленькая хижина вызывает вопрос, насколько развито у данного человека самосознание. Отсутствие окон позволяет сделать вывод о сильной замкнутости и недоверии к окружающему миру. Замок, в котором, возможно, есть еще и тронный зал с троном, указывает на грандиозные ожидания и завышенную нарцисстическую самооценку.

Так же, как и в случае мотива *горы*, психотерапевт должен удостовериться, не представляет ли один и тот же пациент в определенных условиях совершенно различные мотивы дома в различные периоды времени. Я вспоминаю об одной незрелой 19-летней пациентке, с сильной истерической структурой. Один раз она видела замок в стиле барокко из красного песчаника, в другой раз - городской дом, который был, однако, целиком из стекла, так что все, что в нем происходило, можно было видеть. В третий раз это был золотой сундук в готическом стиле, который был крепко заперт. Если исходить из приведенного материала, то в данном случае, скорее всего, можно предположить, что эта пациентка может жить, опираясь на разные роли или ядра *Я*, но консолидирующая идентичность *Я* у нее еще не развилась. Если же контрастов меньше, то в этом можно увидеть, пожалуй, некоторую долю эластичности, гибкости и многосторонности личности. Правда,

встает вопрос, где проходит граница между этими характеристиками. Тем не менее, несомненно, что в случае повторения мотива *дома* структуры образа тем более заостренны, чем более невротично фиксирован пациент.

Особо патологичным мотив *дома* представляется в случаях, когда, например, 16-летний пациент видит вместо дома бетонный бункер без окон и без дверей, а молодая работающая женщина входит в “дом привидений”, по которому она вынуждена пробираться наощупь в темноте, как через “комнату ужасов”, и т. п. Мотив *дома* может испытать также определенные искажения, если проблема вытесняется на передний план. Например, пациент с неврозом сердца представил себе внушительный дом, целиком заполненный внутри большой, царской лестницей. Она вела его сквозь крышу на небо и обрывалась там в тупике. Образ соответствовал его односторонней ориентации на достижение успеха и честолюбию - при отсутствии стремления к удовольствию и любви, иными словами, при его полном пренебрежении личной сферой и семьей вообще.

Далее приводятся два подобных примера своеобразного развития мотива дома.

Пример 1 (11)

Крепость

19-летний пациент с невротическим развитием личности, с навязчивыми идеями и тяжело нарушенным контактом с другими людьми, представляет себе необычный квадратный и неуклюжий дом. Он окрашен в белый цвет, имеет плоскую крышу, как это бывает в арабских домах, и совсем немного маленьких окон. Над ним возвышается большая крепостная башня с маленькими окнами и решетками. Башня высоко возвышается над крышей, и над ее шпилем закреплен крест. При входе бросается в глаза огромный, отталкивающе-холодный вестибюль.

Некоторые помещения совершенно пустые, другие же вообще заперты. Башня тоже внутри пустая. В подвале грязно и беспорядок, на стенах висит паутина. На одной стене висит портрет его матери. В конце концов пациент с усилием принуждает себя заглянуть в закрытую спальню. Комната на двоих находится в полном беспорядке, постельное белье грязное. Пациенту приходят при этом в голову сцены между его матерью и ее другом, с которым она сожительствовала после войны. В безотрадной жилой комнате доминирует распятие.

Пример 2 (12)

Высотный дом

19-летняя выпускница школы, страдающая явно выраженным невротическим развитием личности, представляет себе высотный дом. Он поднимается выше облаков, а на верху дома еще продолжаются строительные работы. Там работают много строителей и сама пациентка, так как этот дом должен быть еще выше. Здание сужается в остроконечную верхушку, раскачиваясь на сильном ветру из стороны в сторону. С верхушки, площадью примерно в 1 кв. м, вниз “с жутким криком” срываются трое рабочих. Пациентке же еще удается держаться. Панораму внизу ей частично закрывают облака. По сторонам она видит покрытые снегом горы, которые намного меньше высотного дома. С другой стороны вырисовывается море с кораблями. Она продолжает строить дальше дом, чтобы подняться еще выше. Наконец, здание становится таким большим, что она добирается до двери, ведущей на небо. Через забавно-современную самооткрывающуюся стеклянную дверь она вступает на небо. Ее останавливает страж. Она “жутко” умоляет его, чтобы он связался по телефону, может быть, с самим Б-гом. Затем приходит женщина - какая-то святая в белых одеждах, босая, с

венком роз на голове, черными волосами, голубыми глазами и совершенно белой кожей. Она слегка окидывает взглядом пациентку и ведет ее затем по длинным переходам. Кругом все холодно, голо и сухо, как в научно-фантастическом фильме. Женщина же, напротив, милая, сердечная и доброжелательная. Исхудалые арестанты с наголо остриженными головами тащат повозку, на которой сидит черт. Он больше похож на зверя - на волка с рогами, конским хвостом и копытами. При виде его женщина падает на колени. Черт высокомерен, он приказывает остановить повозку, спускается вниз, чтобы обратиться к пациентке. При этом он оказывается огромного роста, страшный и грозный. Ему хотелось бы принудить ее тоже встать на колени. Она отказывается, тогда черт приказывает своей свите бить ее в лицо, в живот, пока она, ужасно истекая кровью, не останется лежать в проходе, а черт едет дальше. Женщина теперь перевязывает пациентку, которая может идти дальше только на костылях. Мимо проносятся боевые колесницы, так что приходится прижиматься к стенам. Ими управляют римляне с типичными профилями, "ужасно гордые и необузданные". Здесь у пациентки появилось чувство головокружения, и сеанс пришлось прервать. Пациентка боялась, что эти боевые колесницы ее задавят. Несмотря на всю надменность, римляне все же импонировали пациентке.

Комментарий. Зная историю болезни этой пациентки, можно предположить несколько гипотез о значении высотного дома. Его сверхестественная высота символизирует ее сверхвысокий уровень притязаний, ее чрезмерно высокие требования со стороны садистического *Сверх-Я*, которое уже в раннем возрасте было заложено ее отцом. Дом - это, по всей видимости, также и фаллическая составляющая, т.к. пациентка очень хотела бы идентифицироваться со своим отцом. Восхождение на небо свидетельствует о желании пациентки приблизиться к Богу Отцу. Ее собственный отец работал главным врачом в больнице, в которой

пациентка жила с раннего детства вплоть до недавнего времени. Педагогические правила и манера отца держать себя усиливали в пациентке нарцисстическую идеализацию образа (имаго) отца, а также и действительности. Относительно образа юной святой трудно что-то однозначно сказать. Но он все же скорее относится к образу ее сестер, которые были отчасти ближе к отцу, чем она сама. Агрессивно-мужской, воинственный мир также находит свое выражение, представленный, прежде всего, в образе черта, затем в импонирующих фигурах римских воинов. Отец пациентки все время прославлял военных.

В противоположность прежним представлениям в последнее время у пациентки стали часто появляться также фантазии, свидетельствующие об агрессивных импульсах: ветер срывает рабочих с высокого дома, она защищается от унижения со стороны (отца-)черта, прославляет римских воинов. Агрессия направлена отчасти и против нее, в наиболее явной форме при появлении черта, который приказывает избить ее. В черте можно увидеть образ (имаго) “злого отца” (который тоже умел использовать жестокие наказания). В целом описанную сцену можно считать выражением столкновения с фаллическим (мужским) миром (с которым она себя отчасти идентифицирует), а также с образом (имаго) доброго и злого отца.

Одно только рассматривание дома может произвести на пациента глубокое впечатление, если благодаря этому он предчувствует и догадывается, или на предсознательном уровне ему открывается, что дом “выглядит” в нем именно “так”. Это особенно впечатляет, когда представляемый в образах дом радикально отличается от того дома, который он представлял себе до этого как “свой дом”, который в своих тайных мечтах он любил строить. Поэтому с мотивом дома стоит быть осторожнее. В процессе психотерапии его не следует вводить слишком рано.

Психотерапевту следует вначале воздерживаться от комментариев и указаний о значении образов.

Как и в мотиве открывающейся с вершины горы *панорамы*, мотив *дома* изменяется в ходе продвижения процесса психотерапии или под воздействием сильных переживаний, например, влюбленности. Нередко при первом представлении этого мотива даже психотерапевты бывают удивлены или обеспокоены некоторыми крайними проявлениями (ср. пример 12). Но, тем не менее, можно считать, что в ходе благоприятного развития психотерапии образ *дома* гармонизируется и совершенствуется.

Пятый стандартный мотив:
Заглянуть во мрак леса

Для этого мотива мы используем разные возможности. Например, если, отталкиваясь от мотива *луга* и совершая прогулку по ландшафту, спонтанно появляется высокий лес. Можно также попросить представить мотив *луга*, после чего попросить пациента оглядеться и посмотреть, есть ли где-нибудь лес. Пациента просят подойти к нему поближе и остановиться в 10-20 м от него. Он должен вглядеться во мрак леса. При этом мы заранее подготавливаем его, говоря, что, вполне вероятно, из темноты выйдет какое-то *существо*, *животное* или *человек*. Не исключено, что ему придется терпеливо подождать - может быть,

сначала он увидит только что-то неопределенное или призрачное. Если ему станет страшно, то поблизости следовало бы найти куст или что-то подобное, за которым он мог бы спрятаться.

Это упражнение служит, очевидно, совсем другой цели, чем описанные до этого стандартные мотивы. Здесь не нужно совершать какие-то усилия, добиваться определенных результатов или развивать собственную активность в кататимной панораме.

Впервые в рамках *основной ступени* КПО пациент получает возможность стимулировать развитие бессознательного материала в форме *символических образов*, которые свободно поднимаются и развертываются из его бессознательного. При этом нужно учитывать символическое значение леса. Он символизирует, как уже отмечалось, бессознательное. Это темная область на земле, которую нельзя увидеть насквозь, в которой может скрываться все или ничего. В лесу свободно и безмятежно живут дикие звери. Из сказок мы знаем, что в лесу есть злые и добрые существа, такие как великаны, гномы, феи, разбойники или даже злые ведьмы. Нередко, однако, взрослые, чаще всего пациентки, боятся слишком близко приближаться к лесу или вообще входить в него. Он вселяет в них какой-то неопределенный страх.

Существуют также совсем другие, противоположные пациенты, которые с удовольствием заходят в лес. В лесу чувствуют себя защищенными чаще всего дети, они могут с удовольствием прятаться там. В этом случае лес не кажется темным и страшным. Деревья растут просторно, солнечный свет переливается сквозь листву, а уходящая в глубину леса тропинка кажется привлекательной, успокаивающей или же очень заманчивой. В некоторых случаях здесь одновременно смешиваются чувства страха и удовольствия (трепет). Никакой другой мотив *основной ступени* КПО не переживается так противоречиво, как лес.

На этот мотив могут проецироваться очень амбивалентные эмоциональные переживания. Это главная причина, почему в технике *основной ступени* КПО мы принципиально избегаем (и даже предостерегаем от этого) давать пациенту возможность входить в лес. Следует оберегать от вызывающих страх неожиданностей как еще не накопившего достаточный опыт психотерапевта, так и еще не имеющего достаточного опыта пациента. Это относится даже к тем случаям, когда пациенту самому хотелось бы войти в лес. В том, что касается *сновидений наяву*, сам пациент ни в коей мере не может быть для себя все время лучшим советчиком. К важнейшим задачам психотерапевта на *основной ступени* КПО относится избегание опасных ситуаций и сохранение скорее осторожной, покровительственной позиции.

Чтобы продемонстрировать опасности, которые могут поджидать пациента и психотерапевта при прогулке по лесу, я опять приведу пример.

Пример (13)

Одна испытуемая (не пациентка) осознанно и уверенно вошла в лес. Там она нашла старую рубленую избушку, заглянула в окно и увидела размытые контуры каких-то фигур. Она энергично распахнула дверь - и оказалась перед несколькими скелетами мертвецов. Один лежал, другой бегал по комнате, третий сидел за столом и играл с черепом мертвеца. Вы можете себе представить, какое удивление и в то же время испуг испытала эта женщина. Тем более, что, покинув жуткий дом, она увидела разбросанные вокруг человеческие черепа. Бегом покинула она лес.

Хотя подобный образ и был необычен, но из последовавшей за этим беседы стала ясна его связь с биографией испытуемой. Несмотря на это, я хотел бы извлечь из этого урок: вхождение в лес может по своему значению быть

эквивалентно проникновению в бессознательные сферы личности, сильно нагруженные конфликтным содержанием.

Здесь мы скорее следуем старой психотерапевтической рекомендации - не освобождать на сеансе больше бессознательного материала, чем психика пациента сама спонтанно готова открыть, исходя прежде всего из своих собственных особенностей и отталкиваясь от поверхностных переживаний.

В этом отношении работа с мотивом *опушки леса* означает осуществление этой возможности. Если сравнить мотив *леса* с другими мотивами, символизирующими бессознательное, как, например, с *морем* или, тем более, с *пещерой* и с *отверстием на болоте* (вводимым на *высшей ступени* КПО), то опушка леса отличается как раз тем, что здесь не спускаются в глубину. Здесь не затрагиваются области, лежащие ниже поверхности. Напротив, речь здесь идет об области бессознательного, которая находится непосредственно на земле, - т. е. поблизости от сознания.

Мы остаемся в пограничной области и избегаем вызывать страх и сопротивление. Представляющиеся символические образы должны приходить из леса на луг, в известной степени, из бессознательного на свет сознания. Правда, в некоторых случаях такая попытка может оказаться безрезультатной. Из леса выходят обычные звери, такие как заяц, лиса, маленькая мышка или крот. Тем не менее, эти животные имеют символическое значение. Одна пациентка, у которой всякий раз из леса выходила мышь, в действительности тоже была похожа на “маленькую, серую мышку”. Мать вплоть до взрослого возраста звала ее “мауси”^{*}. У молоденьких девушек часто появляется пугливая косуля, у мужчин - становящийся в позу олень или большой медведь. Но появляются также и

^{*} “мышка” - нем. (Прим. пер.)

человеческие фигуры: охотник с большим ружьем, опустившийся бродяга или несколько бродяг, старушка, собирающая ягоды, или же ведьма, молодой человек в образе “револьверного героя”, с пистолетами за поясом, и многое другое.

О чем же здесь идет речь? О том, что и к этим образам можно относиться в соответствии с правилами символики сновидений, чтобы в каждом конкретном индивидуальном случае выработать какую-то гипотезу.

В случае этих символических образов необходимо учитывать два дополняющих друг друга аспекта.

На *первом уровне интерпретации* образ можно рассматривать в контексте объектных отношений, т. е. как воплощение близких людей, так называемых значимых лиц, оказавших особо важное влияние на пациента. В условии невроза они могут оказаться недооцененными, непризнанными или появляться в искаженной форме, т. е. так, как они эмоционально переживались ребенком в детстве. Интерпретация значительно облегчается, когда появляются реальные образы, как, например, отец, учитель и т. п.

Для психотерапии мы можем целенаправленно использовать опыт работы с образом реального человека, когда из леса спонтанно выходит или же индуцируется психотерапевтом необходимое нам значимое лицо из близкого окружения пациента, связанное с актуально доминирующей для него проблемой. Правда, эта техника относится уже к *средней ступени* КПО (ср. с. 215, № 6).

Относительно данной техники необходимо еще отметить, что психотерапевт не может чрезмерно перенапрягать пациента мотивом *опушки леса*. Его следует использовать лишь на этапе более продвинутой психотерапии, так как он часто вызывает сильную конфронтацию. В течение одного сеанса психотерапевту не следует допускать развитие более 2 - 3 образов. При этом может также появиться сопротивление, когда вначале вообще не выходят никакие образы или проходит

много времени, пока они появятся. Поэтому мы поддерживаем пациента, говоря, что ему нужно набраться терпения и подождать. Или же мы пытаемся позднее повторить упражнение снова. В ходе определенного периода лечения на лугу может встретиться целый зверинец символических образов. Их можно по необходимости снова использовать, чтобы работать с животными.

Второй уровень интерпретации образов - это *субъективный уровень*, т. е. образы могут воплощать бессознательные тенденции поведения и установки, иными словами, аффективные и инстинктивные желания пациента, которые он отщепляет от своего реального поведения. Часто пациенты воплощают в образах кусочки “непрожитой жизни”.

Пример

Очень трудолюбивый и целеустремленный ремесленник в течение года страдал неврозом сердца. Лечение этого сравнительно простого человека продвигалось хорошо, но возвращение к нормальной жизни давалось ему, по всей видимости, с трудом из-за тех страданий, которые доставляли ему его симптомы. При представлении мотива опушки леса на лугу появился медведь, шедший, шатаясь, на задних лапах. Он улегся на лугу и уснул. Я не сомневался, что для этого столь старательного человека этот инертный и ленивый зверь воплощал именно ту часть его *Я*, которую он не допускал, но которая сигнализировала об одной из его внутренних потребностей - когда-то, наконец, отдохнуть и побездельничать.

Другой пример

Симпатичного и привлекательного оленя с роскошными рогами, стоящего на лугу и весьма эффектно освещенного солнечным светом, представил себе пациент, обратившийся ко мне с жалобами на импотенцию. Это был несколько робкий, застенчивый человек. В моем представлении, олень воплощал его завышенный, в определенном отношении эксгибиционистский мужской идеал, которому он бы с удовольствием хотел подражать.

Цель терапии заключается в том, чтобы путем выхода из леса на луг вывести на свет сознания эти отщепленные и вытесненные пациентом тенденции, или, иными словами, символические образы. Занимаясь с ними, пациент принимает и признает их. Он описывает их, приближается к ним, позднее, возможно, даже дотрагивается и гладит их, как обычно поступают с животными. Часто пациенты сначала к этому не готовы. Например, ремесленник был довольно раздосадован на ленивого медведя и с удовольствием бы неприязненно вспугнул его. Напротив, с целью интеграции должен применяться “принцип примирения и кормления”, который еще предстоит обсудить позднее.

К.Г.Юнг говорил в этой связи о “тени” пациента. Это пластичное понятие, которое бы мы определили в аспекте “психологии Я”, одной из концепций современного психоанализа, как отколовшиеся, подавленные части Я, которые стремятся к удовлетворению и интеграции.

Психотерапевту следует тщательно наблюдать, какими качествами спонтанно наделяет пациент эти символические образы в своем описании, как он к ним эмоционально относится и как эти образы ведут себя по отношению к нему после того, как они его увидят. Это может дать объяснения невротическим тенденциям поведения, которые можно наглядно продемонстрировать пациенту. Менее

осознанно они присутствуют и в его повседневной жизни, являясь выражением его невротического склада характера.

Перед психотерапевтом встает техническая проблема: когда ему следует рассматривать образ на объектном, а когда на субъективном уровне. В случае короткой психотерапии (до 25 сеансов) интерпретация образов проводится редко или вообще не проводится. Пациент может сам прийти к необходимому пониманию существующих взаимосвязей, благодаря приходящим ему в голову мыслям. Как правило, понимание взаимосвязей на объектном уровне напрашивается само собой, оно становится для пациента очевидным, в основном, уже на первой фазе лечения. И только значительно позднее пациент учится в основном понимать взаимосвязи на субъективном уровне, что может быть очень плодотворным.

11 занятие

Режиссерские принципы основной ступени

В связи с появлением *символических существ* в мотиве *опушки леса* необходимо рассмотреть два режиссерских принципа *основной ступени* КПО. Имеются в виду технические указания, касающиеся обращения с символическими образами.

В ходе моих многочисленных экспериментов со сновидениями наяву в период с конца 40-х до конца 50-х годов из множества возможностей психотерапевтического воздействия выделилось несколько. Они отличаются своей поразительной психотерапевтической эффективностью и внутренней последовательностью, причем вне зависимости от того, кто проходит и кто проводит терапию, она всегда протекает аналогично.

Рассматриваемые далее режиссерские принципы выбраны для *основной ступени* КПО потому, что их сравнительно легко освоить и они практически не вызывают у пациентов никаких тревожных реакций. Тем не менее, при целенаправленном применении они оказывают терапевтическое воздействие в четко определенных пределах.

Речь идет о *принципе кормления и насыщения*, а также о *принципе примирения и нежного объятия* (ср. Табл. 1). В свое время все началось с наблюдения, что появляющееся символическое существо - например, в мотиве *опушки леса* или при других обстоятельствах - вело себя враждебно. В соответствии с этим оно пугал пациента, угрожало напасть на него, вызывало страх. Психотерапевт оказывается в сложной ситуации. В наихудшем случае он может посоветовать пациенту убежать. С психотерапевтической точки зрения этот совет явно не самое лучшее, если принять во внимание, что эти образы выражают отщепленные тенденции побуждений и желаний. Целью терапии в гораздо большей степени должна быть постепенная их интеграция. Лев, например, может, выйдя из леса, раскрыть пасть, или змея, высунув жало, может надвигаться на пациента. Враждебные человеческие образы со свирепым взглядом, как, например, ведьма, охотник или кто-то другой, также могут завладеть сценой. Оба принципа режиссуры дают психотерапевту возможность показать на примере таких ситуаций, как следует себя вести с агрессивными или, по меньшей мере, недружелюбно настроенными символическими образами. При этом следует избегать бегства или враждебных действий ради защиты.

Можно вспомнить, как успокаивают своих диких животных укротители. Агрессивное противодействие и избиение животных не приводит, как известно, к их приручению. В некоторых случаях пациенты склонны стремительно нападать на враждебный символический образ. В этом, естественно, заключается агрессия,

направленная против них самих, точнее против затрагиваемой при этом части их собственного Я. Это подавление собственных напиряющих импульсов он уже достаточно долго нарабатывал в своем невротическом поведении. Плодотворная психотерапевти-ческая интеграция происходит аналогично с уже упоминавшимися действиями укротителя. Он пытается расположить и привязать к себе животных. При этом он, прежде всего, их кормит. Принцип, однако, я сознательно не называю словом “füttern”^{*}. Эффект “кормления и насыщения” на самом деле заключается именно в *оральном* удовлетворении символического существа. Насколько это получится - зависит от характера предлагаемой каждый раз пищи. Например, змее в имажинации можно поставить блюдце молока, а если это будет лев, ему можно предложить большую миску свеженарезанного мяса.

В техническом плане психотерапевт действует так - он предлагает пациенту предназначенную специально для появившегося символического существа пищу со словами:

- По совершенно определенным соображениям, я бы Вам сейчас не советовал выступать против зверя и действовать агрессивно. Хотя это может быть для Вас не очень приятно, но у меня, скорее всего, складывается впечатление, что животное явно голодно и его нужно как следует покормить. По-моему, это было бы наилучшее решение, чтобы смягчить сердитое животное и расположить его к себе.

После этого психотерапевт либо предлагает какой-нибудь корм или пищу, либо, еще лучше, обсуждает с пациентом, что было бы лучше всего предложить животному. Психотерапевту следует разбираться в подходящем питании. Чем, например, можно “покормить” вышедшую из леса ведьму?

Психотерапевт продолжает далее примерно так:

^{*} Х.Лёйнер сознательно не использует слово “füttern” - “кормить” в смысле “дать животному корм”, предпочитая другое слово - “nähren” - “кормить” в смысле “дать пищу”, “кормить ребенка грудью”. (Прим. перев.)

-Представьте себе, пожалуйста, что я приготовил (в случае, если речь идет, например, о льве) большую миску свежего мяса, которая теперь стоит рядом с Вами. Покидайте ему мясо кусочек за кусочком и внимательно понаблюдайте, станет ли он есть и как он будет реагировать дальше. - При этом важно, чтобы Вы скормили очень много мяса, больше, чем Вам кажется нужным для его полного насыщения. Предлагайте ему все время новые куски, мяса у Вас много.

Как правило, символические существа начинают брать пищу - сначала более или менее заинтересованно, часто с большой жадностью. Психотерапевт в своих указаниях должен, таким образом, учитывать, что цель заключается не в том, чтобы просто “кормить”, а в том, чтобы предложить *избыток пищи*, - ее должно быть значительно больше, чем может представить себе невротический пациент в своей оральной зажатости. Момент наступления “пресыщения”, когда животное “перекормят”, имеет несомненно большое значение.

Эта процедура может показаться сначала странной, необычной, возможно даже гротесковой. Не забывайте, однако, что на уровне *сновидений наяву* мы оперируем в области магического исполнения желаний, на психоаналитическом языке - в области первичного процесса. Это сближает КПО со сказками и мифами. Этот метод, применяемый твердо и решительно, - если нужно, то при помощи определенного суггестивного воздействия на пациентов, - оказывает чуть ли не абсолютное и всегда одинаковое воздействие, даже если сначала пациент или символическое существо оказывают легкое сопротивление.

Что же происходит потом? Символический образ, как и живое существо, становится по-настоящему сытым и тем самым усталым и, как правило, ложится отдохнуть. В дальнейшем поведение символического существа изменяется коренным образом. Оно утрачивает свою опасность. Например, прежде чем заснуть, символический образ становится приветливым и доброжелательным.

Пациент может теперь приблизиться к нему, даже прикоснуться и погладить его. В этом и заключается упомянутый выше *режиссерский принцип примирения*. Возможно, здесь пациенту еще придется при помощи психотерапевта преодолеть остатки своего страха. Я, однако, считаю, что практическое осуществление примирения, которое происходит непосредственно за этим, имеет столь же большое значение. F.Haronian [19] и H.Stierlin [74] посвятили интересные исследования ранее мало затрагиваемой в психотерапии *технике примирения с несущими в себе конфликт образами*.

Оба режиссерских принципа служат не только для предохранения в случае опасности с целью уменьшения страха, но, в гораздо большей степени, представляют собой особо важный психотерапевтический акт, влияние которого нельзя недооценивать. Чтобы это наглядно продемонстрировать, приведу характерный пример.

Пример (14)

Кризисное психотерапевтическое воздействие

Кризисная интенсивная психотерапия с использованием режиссерского принципа “кормления и насыщения”, а также с использованием режиссерского принципа “примирения”.

Ко мне обратился 21-летний студент-химик. Во время важного экзамена он отказался отвечать профессору (заведующему кафедрой) из-за непреодолимого экзаменационного ступора. За несколько часов до этого он, однако, прекрасно ответил весь экзаменационный материал ассистенту института. Ему разрешили снова попробовать на следующий день. Поэтому теперь, под вечер, он искал помощь у меня. Так как я знал эту семью по прежним консультациям, мне было

известно о тяжелой проблеме с авторитетом у этого молодого человека. Его отец перед первой мировой войной был важным офицером в императорской и королевской армии Австро-Венгерской монархии и ввел в семье строгий, авторитарный порядок.

С психодинамической точки зрения, казалось невозможным в течение одного короткого психотерапевтического вмешательства коренным образом повлиять на чрезмерное имаго отца. Отказ отвечать на экзамене, по всей видимости, был основан на переносе заполненного страхом отношения “ребенок-отец” на профессора. После вводной беседы о его бывшем учителе химии, уважаемом, но строгом пожилом человеке, и о его теперешнем профессоре я предложил в КПО следующий образ: он находится на лугу около опушки леса. Всматриваясь во мрак леса, он замечает идущий к нему образ, а именно его учителя по химии или профессора химии. Лишь после долгих колебаний (что я отношу к реакциям сопротивления) и моей подбадривающей поддержки, из леса, наконец, показался старый учитель химии пациента с угрюмым, отталкивающим лицом. Он шел своим путем, не замечая вообще пациента. Сначала пациент отказывался (сопротивление) подойти к нему и поздороваться с ним. Но потом ему, наконец, с трудом удалось завязать воображаемый разговор с пожилым господином. Пациент неохотно проводил его, причем все время вновь возникали легкие эмоциональные реакции. Чтобы использовать *принцип кормления*, я попросил, наконец, пациента представить, что в карманах его брюк у него есть все, что могло бы пригодиться для прекрасного пикника. Он мог бы достать эти вещи, например, пару цыплят, бутылку красного вина ит.п., и разложить все это на салфетке на земле, пригласив пожилого господина. Сопротивление проявилось в том, что сначала учитель с возмущением отказался. Правда, потом все же удалось инсценировать, в конце концов, совместную трапезу. Вскоре учитель с удовольствием ел предложенную

еду и пил вместе с пациентом красное вино. После этого он был явно благожелателен и под конец покровительственно похлопал пациента по плечу, на что тот ответил тем же. В определенном отношении они теперь встретились “как мужчина с женщиной”, как равные в духе акта примирения.

Затем я дал пациенту задание еще раз представить в воображении ту же сцену. Важно было дать пожилому господину так много еды, как только возможно.

На следующий день молодой человек пришел снова и рассказал, что во время экзамена у профессора он чувствовал себя эмоционально уравновешенно и относительно спокойно. Он хорошо знал материал, который накануне был аффективно блокирован, и сдал экзамен.

Первый сеанс

Мы обсудили технические принципы *основной ступени* КПО. Поэтому я могу теперь перейти к их клинически-практическому применению. *Первый шаг* - это сеанс, подготавливающий к *Кататимному переживанию образов*. Его цель - познакомить пациента с методом КПО. При этом я провожу несколько технических процедур, которые действительны для всех форм психотерапии.

Психотерапия начинается с того, что мы прежде всего проводим с пациентом “первое интервью”. Внешне это выглядит так, что психотерапевт сидит не за письменным столом, а беседует с пациентом за маленьким чайным столиком, по возможности в углу комнаты. Пациент должен свободно рассказывать о своих жалобах и проблемах, при минимуме вмешательства со стороны психотерапевта. Эта беседа продолжается примерно 50 минут. Во второй ее части или во время следующей встречи я задаю итоговые вопросы, чтобы расширить картину в

направлении сбора глубинно-психологического анамнеза. Тем самым я сознательно, по возможности, остаюсь в самом широком смысле в рамках актуальной конфликтной ситуации и теперешнего социального окружения, профессиональных отношений и взаимоотношений в паре, в семье и т.п., что вообще может играть какую-то роль среды и социальных воздействий в настоящее время.

Особое значение имеет временная взаимосвязь между первым появлением симптоматики или ее обострением и эмоциональной ситуацией. Такое выделение или специальное акцентирование *запускающей ситуации* служит важнейшим ключом к пониманию психодинамики невроза. При этом я для начала воздерживаюсь от исследования предшествующей истории жизни пациента начиная с его детства и первого семейного окружения, т. е. начиная с генетической сцены невроза.

Примерно в 70% случаев во время первого ознакомительного сеанса удастся выделить столь важную запускающую ситуацию. Я сознательно отказываюсь от любых толкований или корректирующего вмешательства, которые можно было бы провести, чтобы дать пациенту определенные установки.

Есть две вещи, которые во время первых бесед особенно важно в вербальной (или, возможно, так же и в невербальной) форме донести до сознания пациента:

- 1) что он и существующие у него симптомы воспринимаются психотерапевтом серьезно;
- 2) что психотерапевт заинтересован в изучении его проблем и может подвести пациента к связанным с этим важным моментам в его переживаниях образов, помогая сделать из этого соответствующие выводы.

Лишь в самых редких случаях имеет смысл предложить пациенту пройти психотерапию уже после первой беседы, длящейся всего 50 минут. Это доступно в целом только очень опытным психотерапевтам. Для этого необходимо учитывать целый ряд факторов, на которых я позднее еще подробно остановлюсь. Чтобы быть свободным от предубеждений, целесообразно провести беседу с пациентом как минимум еще во второй раз (50 минут), собрать более подробный анамнез и выяснить ряд данных, позволяющих прогнозировать развитие психотерапии, в особенности в том, что касается *Кататимного переживания образов* (ср. с. 209).

Введение в психотерапию по методу КПО

Важное практическое значение имеет вопрос, как следует начинать психотерапию при помощи КПО. За несколько часов психотерапевт собрал глубинно-психологический анализ. Теперь перед ним встает проблема, как от этого психотерапевту следует на невербальном уровне имажинаций перейти к технике *сновидений наяву*. Неопытного психотерапевта, а тем самым также и пациента это ставит в сложное положение. Здесь хорошо себя зарекомендовал простой, но эффективный тест. Он дает психотерапевту первое и в то же время ненавязанное представление о способности пациента реализовать символдраму. Именно непредвзятость и спонтанность облегчает переход от вербального к образному уровню. Тем самым образуются точки соприкосновения для введения техники *сновидений наяву*.

В чем заключается этот тест? В конце второго или третьего сеанса по сбору данных анамнеза я говорю пациенту, что мне хотелось бы провести с ним небольшой простенький тест. Я прошу его устроиться в кресле, в котором он сейчас сидит, как можно более удобно и свободно, как будто ему хотелось бы немного отдохнуть. Он мог бы вытянуть ноги, свободно положить руки на подлокотники, а голову положить на спинку кресла. Я жду некоторое время, пока он устроится как следует, и прошу его закрыть глаза.

Как правило, пациент уже настолько доверяет психотерапевту, что может выполнить это указание с удовольствием или с небольшим колебанием. Яркий свет в комнате я стараюсь приглушить. Затем я спрашиваю пациента: “Не могли бы Вы представить себе цветок?”. После короткой паузы я продолжаю: “А потом расскажите мне, что Вы себе представили.” При этом я исхожу из того, что

пациент с закрытыми глазами скоро начинает рассказывать о том, что у него появляется перед глазами.

Если же появляется длинная пауза, я прошу его сообщить мне, какие у него трудности. Как правило, пациент говорит о цветке. При этом неважно, как называется этот цветок. Это могут быть и цветы, рожденные фантазией, и цветы, названия которых пациент не знает. Я прошу описать мне цветок во всех подробностях, его цвет и что видно, если заглянуть в чашечку цветка, и т. п.

Во всех этих упражнениях я никогда не использую слово “видеть”. Я всегда говорю о “*представлении*”. Некоторые же пациенты, со своей стороны, думают, что они должны что-то “видеть”. Поэтому они бывают разочарованы, если имажинация - как феномен - оказывается непохожа на феномен зрения. Она гораздо более бледная, без правильных контуров, и их четкость вначале колеблется.

Если пациент использует слово “видеть”, я его поправляю. Если же он утверждает, что ничего не “видит”, я сначала прошу его подробно рассказать, что же вообще появлялось у него перед глазами. Тогда становится ясным, что из-за завышенного стремления к достижению он неудовлетворен не столь хорошо выраженным начальным образом. И тем не менее удивительно, как легко в этой непринужденной ситуации удастся намеренно представить цветок и детально рассказать об этом.

Теперь я делаю еще один шаг вперед - и прошу попытаться, в представлении, потрогать кончиком пальца чашечку цветка. Это позволяет выяснить, каков цветок внутри на ощупь. Я прошу описывать ощущения. Некоторые переживают эту сцену столь реалистично, что они поднимают руку и выставляют указательный палец. Тактильные ощущения также можно хорошо описать.

Обычно представляют красный или желтый тюльпан, красную розу, герберу (особенно популярную у женщин), подсолнух, иногда маргаритку.

Лишь в самых редких случаях невротическая проблематика пробивается в том, что уже в тесте цветка выражен экстремальный или ненормальный мотив. Ярко выраженным признаком нарушения я, например, считаю случаи, когда кто-то представляет себе черную розу или цветок из стали, или когда цветок через короткое время уже увядает, а листья обвисают. Об особой одаренности фантазией говорят фантастические цветы, которых не бывает в природе, или слияние двух цветочных мотивов в один. Все это я прошу описывать мне очень подробно.

Иногда, правда, крайне редко, бывает, что представление образа цветка не удается. Тогда следует спросить себя, не слишком ли подвержен пациент страху или не имеет ли он где-то в глубине скрытых опасений. Это может проявляться уже в том, что его закрытые веки дрожат, на них заметно беспокойное движение, или что он сидит скованно, в напряжении. Большая доля неприятных ощущений и тревожности исходит из актуальной ситуации. По всей видимости, имеет место “негативный перенос” пациента на психотерапевта.

Лишь изредка вместо цветов перед глазами появляется что-то другое. Конечно же, мы принимаем все, что вообще представляется. Это мы говорим пациенту уже в самом начале, давая задание представить цветок, как например: “Что бы еще ни появилось перед глазами, это тоже хорошо; расскажите мне, пожалуйста, обо всем об этом”.

Своеобразная, но нередкая форма нарушения заключается в том, что вместо одного цветка одновременно появляется сразу несколько цветов или же они могут сменять друг друга в поле зрения, так что трудно решить, на каком из цветков остановиться. Мы пытаемся добиться, чтобы пациент это вербализовал и

рекомендуем ему подождать, какой из цветков останется. Важно описать также эмоциональный тон, непосредственно идущий от цветка.

Тест я заканчиваю тем, что прошу пациента еще при закрытых глазах глубоко-глубоко вздохнуть - и открыть глаза.

Этот период имажинации, занимающий не более 5 минут, может повлечь за собой самые разные реакции. Когда пациент открывает глаза, видно, что ему стоит определенных усилий, чтобы вернуться из мира имажинаций в реальную ситуацию. Я обращаю на это внимание и обсуждаю данную реакцию. Я говорю пациенту, что он, по всей видимости, был “где-то очень далеко” или “в другом мире”. Пациент часто бывает под сильным впечатлением от эстетики или пластики цветка. Он удивлен тем, что неожиданно для себя сумел сделать, вообще не предполагая, как интенсивен мир его представлений (его фантазия). В качестве третьей реакции можно наблюдать, что успешно представленный и приятный мотив цветка отражается в настроении пациента. После того, как пациент откроет глаза и вернется к реальной ситуации, он слегка улыбается и имеет счастливое выражение лица.

Как правило, тест “цветок” представляет для пациента приятное переживание. Идее выбора цветка я благодарен коллеге из Мюнхена Гюнтеру Крапфу.

Здесь естественен переход от теста “цветок” к введению символдрамы. После теста “цветок” я тактично выражаю пациенту поддержку и похвалу. Я говорю:

- У меня сложилось впечатление, что Вы обладаете хорошим воображением; или, если так складываются обстоятельства:

- ...что у Вас живая фантазия. Это мы могли бы хорошо использовать для применения одного терапевтического метода. Я предлагаю проводить лечение и далее в форме *сновидений наяву*.

Если фантазии были выражены менее ярко, я говорю о его “хорошей предрасположенности к представлениям” или что-то в этом роде. Затем я ему говорю, что через несколько сеансов он разовьет у себя еще более четкие представления.

Рис. 3а. Типичное расположение кушетки в классическом сеттинге, как это сейчас практикуется в психоанализе.

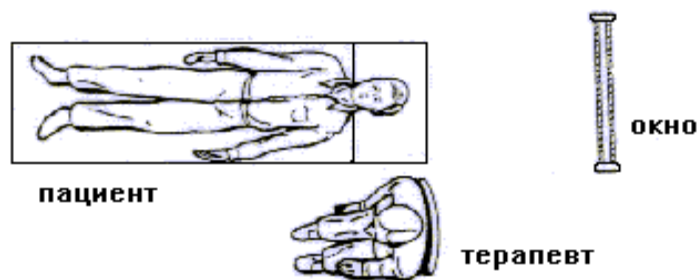

Рис. 3б. Положение пациента и психотерапевта в сеттинге *Кататимного переживания образов*.

Когда пациент приходит на следующий сеанс, первый по методу КПО, я напоминаю ему о тесте “цветок” и предложении продолжить лечение по этому методу. Я объясняю ему, что *сновидения наяву* будут появляться значительно лучше, если он приляжет на кушетку и, устроившись поудобнее, как можно глубже расслабится. Если у меня возникают сомнения, что из-за внутренних комплексов пациент, возможно, не сможет лечь на кушетку, я, в качестве альтернативы, прошу его продолжить *сновидение наяву* в удобном кресле. При работе с молодыми пациентками это иногда играет существенную роль из-за возникающего у них чувства, что они будто бы предоставляют себя в распоряжение мужчине-психотерапевту (нарушение *способности отдаваться*). Так как свое кресло я ставлю рядом с пациентом, то не следует забывать об этой возможности.

Если у меня складывается впечатление, что образные представления пойдут легко, я непосредственно начинаю с мотива *луга*.

Для фазы *сновидения наяву* я предпочитаю положение лежа на кушетке. На рис. **3б** показано расположение (сеттинг), которое предпочтительно для КПО. В противоположность сеттингу в психоанализе (рис. **3а**), психотерапевт сидит не позади пациента, а рядом с его головой (рис **3б**). Тем самым подчеркивается связь пациента и психотерапевта друг с другом, т. е. что психотерапевт сопровождает пациента как равного. Работа в *Кататимном переживании образов* понимается как коллективная работа над бессознательными конфликтами (сравни с разделом о ситуации переноса в *Кататимном переживании образов*). Выбирая место для пациента, необходимо следить, чтобы ему в лицо не светил свет от лампы или от окна. Во время сеанса со сновидениями наяву я стараюсь несколько затемнить комнату. Могут помешать также внешние звуковые раздражители. Важно создать

спокойную расслабляющую атмосферу. Это предполагает исключение телефонных звонков.

Начало лечения: технические вопросы

Информированность пациента

Очень часто спрашивают, в какой мере следует информировать пациента об еще незнакомом для него *Кататимном переживании образов*. При этом надо учитывать многое.

Необходимо учитывать образовательный уровень пациента. В принципе, желательно относиться к нему как полноправному партнеру. Нам хотелось бы, чтобы у него, по возможности, меньше складывалось “авторитарное” впечатление о нас, будто “мы заранее знаем, чем именно ему помочь”. Он должен как можно более точно узнать, как обычно протекает лечение, как оно действует и какие цели при этом можно достичь, а какие - нет. Правда, этот идеал широкого разъяснения психотерапевтического процесса ограничен тем, что пациент - при слишком когнитивной информации и при слишком когнитивном знании об интеллектуальных или даже научных взаимосвязях - склонен к тому, чтобы считать собственно эти знания (которые он может далее обогащать путем чтения соответствующей литературы) сами по себе эффективными. Тогда в ходе дальнейшего лечения он будет предпочитать оставаться на когнитивном, интеллектуальном уровне. А именно этого следует избегать. *Кататимное переживание образов* - это один из немногих психотерапевтических методов, где огромную роль играет именно переживание, в этом заключается его основная суть. У склонных к интеллектуализации пациентов следует опасаться именно этой формы защиты. Поэтому в случае пациентов с академическим образованием я сознательно избегаю давать слишком обширную вводную интеллектуальную

информацию относительно метода. В гораздо большей мере я говорю им о том, что З.Фрейд, а позднее К.Г.Юнг отмечали особое значение сновидений, которые они считали “королевским путем” к бессознательному. В соответствии с этим в сновидениях образно зашифровано бессознательное, но тем не менее оно выражено точно, осмысленно, и зачастую его без труда можно понять. Сновидение служит компенсацией бессознательной повседневной жизни. Человеческая фантазия также способна в творческой форме бессознательно решать проблемы. В ходе психотерапии при помощи *сновидений наяву* пациенту это становится все более и более ясно. Таким образом, в основном я пациенту говорю, что он сам все познает на собственном опыте, имея в виду связанную с этим осторожную позицию поддержки.

Позднее в некоторых сценах *сновидения наяву* я в определенном отношении иду навстречу явно интеллектуализирующим пациентам. Я объясняю напрашивающееся само собой и имеющее общее значение содержание образов, отмечаю множественную детерминацию символов, а так же говорю, что я могу предложить только наиболее общую отправную точку для интерпретации. Я отсылаю их к собственным ощущениям, их эмоциональным переживаниям и необходимости отмечать и собирать приходящие в голову мысли, чтобы понять предполагаемые взаимосвязи индивидуальной динамики. Когда я таким образом пытаюсь наглядно продемонстрировать этим пациентам множественность значения и глубину эмоциональной насыщенности символов *сновидений наяву* то, это часто сначала встречает непонимание у рационально настроенных интеллектуалов. Это в особенности относится к тому факту, что в сновидении наяву не действует закон противоречий. Поэтому таким пациентам я даю в ходе терапии последующие пояснения, например, о психологии первичного процесса,

работе сновидения и т. п., делая это понемногу и демонстрируя это на ярких примерах.

При этом все же важно, чтобы психотерапевт не слишком расширял вводные пояснения из-за опасности свести тем самым пациента на интеллектуальные рельсы. Однако я всегда подчеркиваю, что пациент в любой момент может задать вопрос, а также должен обладать мужеством это сделать. Тем самым я могу своевременно узнать, что осталось для него непонятным. Я могу поддерживать с ним диалог. Кроме того я избегаю, чтобы из-за часто существующей у пациентов покорности он безропотно принимал все, что происходит или что ему рекомендуют (и тем не менее, сохранял при этом внутренние возражения и оговорки). Длительные дискуссии, со своей стороны, также могут служить сопротивлению.

Значение концепции

Часто на первый взгляд возникает впечатление, что *Кататимное переживание образов* - это относительно легкий для освоения метод. Но чем больше клинического опыта приобретает обучающийся, тем больше он вынужден убеждаться, что психотерапия по методу КПО связана с рядом важных условий. Я назову и раскрою их в следующих четырех пунктах.

1. Наряду с излагаемыми в этой книге когнитивными знаниями, необходимая для использования КПО квалификация может быть приобретена только через большой практический опыт и самопознание в ходе прохождения учебной психотерапии по методу КПО в качестве пациента. В Германии и за ее пределами это дается на семинарах по повышению квалификации. При этом особенно важно, чтобы проходящий обучение кандидат сам провел определенное количество курсов

психотерапии под регулярным контролем супервизора. Это нужно прежде всего для того, чтобы познакомиться с протеканием терапевтических процессов (ср. **Приложение II**, с. 223).

2. Одно из самых частых недоразумений при изучении психотерапевтического метода возникает из-за того, что участники семинаров думают, будто успешное проведение психотерапии непосредственно зависит от знания метода. Стоит якобы только изучить метод, чтобы уже скоро они могли проводить психотерапевтические опыты. При этом не замечают, что КПО вплетено в массу психологических и психопатологических установок восприятия. Они основываются не только на описанном выше собственном опыте прохождения и проведения психотерапии, но и на накоплении солидных клинических знаний о различных психических, невротических и психосоматических нарушениях и их симптомах, которые невозможно понять, исходя только из их клинической картины. В гораздо большей степени начинающий психотерапевт должен обладать глубокими знаниями и пониманием движущих сил и обстоятельств бессознательной психодинамики личности и ее концепций. Эти знания соответствуют общей и специальной теории неврозов и психосоматических заболеваний. Основы этих знаний необходимы уже для сбора данных глубинно-психологического анамнеза и для компетентного ведения беседы до и во время терапии.

3. От роковых заблуждений будет застрахован лишь только тот, кто овладеет этими концепциями и сможет применять их на практике в каждом конкретном случае. Собирая данные о совокупности (так называемый *каталог симптомов*), выявляя вызвавшую заболевание ситуацию и актуальную социопсихологическую картину, а также при последующем исследовании коренящихся в детстве пациента генетических предпосылок полученный материал следует включать в некоторую

концепцию. Кроме того, создавая рабочую гипотезу, психотерапевт должен “читать вместе с пациентом” содержание его кататимных образов в их индивидуальном выражении и учиться распознавать их значение и взаимосвязи. Таким образом, он должен учиться следовать в ходе психотерапии “путеводной нити” психодинамического процесса развития, чтобы иметь возможность еще лучше понимать “топографию бессознательного” в КПО и согласовать, на основании этого, свои психотерапевтические действия.

Исходные положения прогноза психотерапии по методу КПО следует рассматривать в соответствии с показаниями *основной ступени* КПО психотерапии для данного конкретного пациента и согласовывать их со степенью опытности психотерапевта (ср. с. 209 - 212).

4. Следующая важная задача вытекает из того обстоятельства, что во время лечения психотерапевт находится в диадическом отношении с пациентом - они находятся в паре. Хочет он этого или нет, но психотерапевт включается при этом также и эмоционально; в результате, успех психотерапии сильно зависит от эмоциональных реакций и переживаний психотерапевта, а также от переноса и контрпереноса чувств между пациентом и психотерапевтом. На 22 занятии я на этом подробно останавливаюсь. Чтобы освоить эту область, психотерапевту необходимо также упражняться и иметь достаточно супервизий проводимого им лечения.

Введение психотерапии

После сбора глубиннопсихологического анамнеза, перед началом психотерапии необходимо преодолеть еще один определенный порог. Наблюдения и данные, полученные психотерапевтом от пациента, требуют оценки и выводов, чтобы

провести заключительную беседу о предстоящем лечении. Эта беседа служит главным образом трем целям:

1. Пациент должен сформулировать задачу лечения и ту цель, которую он перед собой ставит (сформулировать свой запрос).
2. Психотерапевт пытается выработать для себя окончательное заключение о прогнозе лечения.
3. Результат этих соображений сообщается пациенту: либо это выливается в предложение пройти лечение, связанное с определенными условиями, либо все ограничится только консультацией.

1. Запрос пациента и задача лечения

Нередко ожидания пациента от лечения сильно завышены. Пациенты надеются, что проблемы разрешатся через несколько дней, максимум через неделю. Работая зачастую с нетерпеливыми невротиками, необходимо ясно обговорить с ними временные сроки и составить предварительный план, включающий длительность лечения и частоту сеансов. Многие пациенты верят, что в процессе лечения вдруг произойдет что-то “необыкновенное”, в результате чего гордиев узел невроза будет разрублен - и они почти мгновенно освободятся от симптоматики и характерологических проблем.

Пациенты идеализируют также роль психотерапевта как “великого исцелителя”. Или звучат такие слова: “Доктор, Вы можете делать со мной все, только вылечите меня”. Это указывает на то, что пациент мало готов к требуемому активному сотрудничеству и к зачастую болезненному критическому рассмотрению себя самого. Чем дальше ожидания пациента от реальности, тем проблематичнее будет прогноз лечения.

С этим связано понятие цели лечения, которую следует выработать вместе с пациентом. Предпосылкой для этого служит то, что пациент информируется об ожидаемых терапевтических шагах, о применяемом методе и его результатах. Это опять же предполагает, что психотерапевт развил уже представления о прогнозе лечения. Понятие цели лечения сводится к тому, могут ли и с какой вероятностью быть излечены все или некоторые симптомы и нарушения поведения, которые пациент очень хотел бы устранить.

2. Заключение о прогнозе лечения

Заключение о прогнозе психотерапии по методу КПО зависит от ряда обстоятельств. Сюда относится готовность пациента выполнять требования лечения. По ней можно судить о важной мотивации пациента.

Тяготы, которые должен будет взять на себя пациент в ходе лечения, имеют финансовую природу, обусловлены проблемой времени, эмоциональным стрессом, проблемами семьи или профессиональной ситуации, а также количеством ожидаемых изменений собственных установок.

Следует обговорить *практические вопросы*: такие внешние условия психотерапии, как частота сеансов, их расписание, очередность отдельных периодов, ожидаемые перерывы из-за каникул. Эти вопросы необходимо обсудить для определения длительности всего лечения. Жесткое определение сроков психотерапии особенно важно в случае короткой психотерапии от 15 до 30 занятий [50]. Как минимум, две трети случаев лечения на основе методов *основной ступени Кататимного переживания образов* требуют не более 20 - 25 сеансов, поскольку цель лечения заключается в клиническом улучшении с ограниченным реструктурированием невротических установок характера. Потому я рекомендую четко обговорить с пациентом вопрос о сроках. При этом следует

подчеркнуть, что поиск специфического *фокуса конфликта*, на котором должна концентрироваться психотерапия, не является предпосылкой для хорошего прогноза даже в случае короткого лечения по методу *основной ступени* КПО. В этом заключается большое преимущество этого метода по сравнению с психоаналитической короткой терапией [50], [9], которое, по праву, особенно отмечал J.W.Roth [61, 62]. В этом отношении для психотерапии по методу КПО не нужно специально отбирать подходящие случаи, как при проведении психоаналитической короткой терапии, что безусловно свидетельствует о большом облегчении для показаний к применению метода *сновидений наяву*.

Частота лечения - это, как правило, один или два раза в неделю, возможно, с некоторыми изменениями в зависимости от внешних обстоятельств. В случае проведения только одного сесса в неделю лечение можно сделать более интенсивным, если пациент будет рисовать дома одну - две картины из своих *сновидений наяву*. Эти рисунки обсуждаются затем во время сессии [34]. Тем самым процесс лечения продуктивно продолжается в промежутках между сессиями.

Указанное начальное ограничение психотерапии не исключает дополнительную договоренность в случаях, когда складывается впечатление, что дальнейшее лечение необходимо или рекомендуется. Я имею в виду такие изменения, как продление психотерапии на определенное количество сессий или проведение нерегулярных сессий, в зависимости от потребности, в качестве либо продолжения психотерапии, либо только сопровождающей поддержки. Или же это может быть другая форма терапии, завершающая и дополняющая основную форму.

К подобной дополнительной договоренности следует обращаться только тогда, когда в основном уже выполнен изначальный план психотерапии.

Мотивация пациента к психотерапии - это следующий исходный момент для прогноза. Мало или совсем немотивированный перед началом психотерапии пациент вряд ли и потом будет более мотивирован. Рано или поздно он прекратит лечение. Или же он будет из-за своей уступчивости безуспешно продолжать его до тех пор, пока не появятся подходящие обстоятельства или психотерапевт даст повод к разрыву.

Каким же образом можно судить о мотивации?

- В какой мере решение пациента прийти к нам обусловлено третьей стороной?
- В какой мере он действительно внутренне страдает - в смысле *гнета страданий* (“внутренняя мотивация”)? Насколько, в его собственном понятии, ему мешают недуги или проблемы? Как они препятствуют его счастью в жизни и его социальной ситуации? Насколько велико давление косвенных обстоятельств, таких как отношения с работодателем, супругой или другими людьми, поставившими условие о лечении? - Причем если в результате болезни можно уйти на пенсию или поехать в санаторий, то прогнозы лечения ухудшаются.
- Мотивация сильно зависит от гипотезы относительно возникновения или причины болезни, которую построил для себя пациент. Уверен ли он сам, что существует исключительно только один психогенез? Кажется ли ему, что психотерапия - это правильное лечение? Или же имеет место обратное, т. е. он в этом сомневается или он, в основном, думает о соматическом происхождении заболевания? Если он соглашается с психологической причиной заболевания (в той или иной степени из-за своей уступчивости), но в глубине души все же сохраняет убеждение об органической причине заболевания, мотивация в конечном счете тоже останется слегка ограниченной.
- Пациенты, не имеющие ясных представлений о том, что они ожидают от психотерапии, мотивированы мало.
- В пользу большой мотивации говорит то, что пациент готов испытывать ради психотерапии определенные жертвы, как, например: длительные поездки к психотерапевту, проведение психотерапии во время отпуска или каникул, готовность к внутреннему развитию и перестраиванию, готовность временно

отказаться от ряда удобств или разорвать приятную зависимость (например, от родительского дома в случае вырастающих детей) и даже уехать из дома.

- Далее, в пользу хорошей мотивации говорит желание большей самостоятельности и собственной ответственности: созревание Я, с отказом от иллюзий, с желанием вести приспособленный к реальности образ жизни при мобилизации собственных сил.
- Иногда к одной форме психотерапии пациенты мотивированы особенно хорошо, а к другой, которую психотерапевт, возможно, считает более подходящей, - нет. (Например, групповая психотерапия вместо индивидуальной). В этом случае нужно проанализировать ожидания пациента. В какой мере с этим связаны иллюзорные ожидания, соображения удобства или тенденция не связывать себя? Или же имеет место противоположная ситуация - стремление подвергнуть себя полосе страданий как плате, которую нужно заплатить за психотерапию?

Упомянутые здесь исходные моменты относятся к понятию рабочего альянса психоанализа. Это понятие можно перенять для любой другой, ориентированной на конфликт психотерапии. Приведу следующую цитату.

”Рабочий альянс - это относительно свободное от невротичности рациональное отношение между пациентом и психоаналитиком, которое дает пациенту возможность целеустремленно работать в аналитической ситуации” [17].
Синонимы этого понятия: “действенный перенос”, “зрелый перенос”, “психотерапевтический союз”. Клинические признаки этого союза: добровольная готовность пациента работать по предложенному методу и его способность аналитически разбирать появляющиеся во время лечения неприятные и

травмирующие идеи. Союз заключается между разумным (взрослым) *Я* пациента и анализирующим *Я* аналитика [73].

3. Предложение пройти лечение или консультация

Предложение пройти лечение следует из итогового заключения, которое психотерапевт делает на основании всех данных и своего клинического впечатления. Сюда же относится большая часть его терапевтического опыта. Исходя из всего сказанного о мотивации пациента, формулировка прогноза лечения зависит от различных индивидуальных обстоятельств пациента. Прогноз определяют три фактора:

- 1) характер существующего заболевания, его симптоматика и тяжесть;
- 2) личность пациента, его установки и убеждения;
- 3) характер применяемой терапии.

Что касается последнего пункта, мы создадим довольно четкое впечатление о символдраме, зная, что короткая психотерапия (за не более чем 30 сеансов) может добиться существенных изменений в случае широкого круга заболеваний. В тяжелых и особых случаях рассчитывают на 50 - 60 сеансов, а в случае более длительного анализа людей старше 45 лет (так называемого *анализа характера*) речь, если необходимо, может идти о 100, 150 сеансах и более.

О двух других факторах можно судить, как говорилось выше, только после тщательного сбора данных. Очень подробные указания я привожу в моем большом учебнике [45].

В итоге, что касается предложения пройти лечение, то важнейшей, с моей точки зрения, стратегией является самостоятельное решение пациента, хочет ли он - после рассмотрения всех обстоятельств и возможностей лечения - пройти

психотерапию в предложенной форме. Начинающие психотерапевты часто совершают ошибку, когда пытаются убедить пациента, испытывающего сомнения в правильности лечения, и воздействуют на него своим желанием помочь - иногда совершенно вопреки его невысказанному мнению. Если же пациент после некоторого периода размышлений сам принимает решение, его мотивация усиливается, или же становится ясно видна недостаточность мотивации. Учитывая это, по окончании последней беседы я отпускаю каждого пациента с заданием хорошенько обдумать дома поставленные вопросы. После этого я прошу его сообщить мне в письме или по телефону, хочет ли он пройти предложенное лечение или нет.

Если прогностические признаки выражены не совсем однозначно или если пациент во время первой беседы сильно подавлен конфликтом и ищет поэтому новой возможности высказаться, я сначала предлагаю ему это сделать, чтобы прояснить картину. Похожим образом я поступаю, если пациент довольно любезно соглашается, а я же сам еще не определился. Если, несмотря на сомнительные прогнозы, у меня складывается впечатление, что, пройдя лечение именно по методу *Кататимного переживания образов*, пациент все же получит шанс, я предлагаю ему пройти *пробное лечение*, состоящее, быть может, из 8 - 10 сеансов. После этого как у него, так и у меня будет возможность решить, следует ли продолжить психотерапию или нет. Спустя указанное время, беседа, действительно, обязательно должна состояться. Так как *Кататимное переживание образов*, как правило, уже после нескольких сеансов приносит облегчение, а в определенных случаях даже дает улучшение симптоматики, то это может убедить пациента и мотивировать его на продолжение лечения.

Вступление, временная структура и протекание терапевтического сеанса

1. Трудности введения имажинации

Некоторые пациенты испытывают трудности, когда пытаются реализовать первый мотив. Это можно было бы считать нарушением, свидетельствующем о том, что данный человек не подходит для этого метода. Но это бывает только изредка. Поэтому психотерапевту нужно знать о возможных причинах этих трудностей и о том, как их можно преодолеть. Если после достижения расслабления вы предложили пациенту стандартный мотив и дали ему ясно понять, что будет также хорошо, если появятся другие мотивы, добавьте, что может быть, он сообщит вам о каком-нибудь возможном препятствии-нарушении.

В самых редких случаях воображаемый фон пациента действительно остается темным или черным. Узоры или краски образуют ту или иную картину, возможно, пока еще нечеткую и неясную. Пациенту не хватает мужества сказать об этом, потому что ему кажется, что нужно обязательно выполнить поставленную задачу. Иногда он видит сразу несколько образов одновременно, например, несколько цветов, и не может выбрать тот или иной. В этом случае ему можно помочь, если Вы еще раз попросите его сообщить обо всем, что он чувствует или воспринимает. Так, может быть, Вы узнаете, что ему мешают какие-то ощущения в теле. Нужно подбодрить его на описание даже каждого маленького, возможно, совсем незначительного впечатления. Иногда, однако, мотив, например, мотив *луга*, аффективно заполнен особенно негативно. Тогда следует попробовать с другим

мотивом. Оправдали себя два еще более надежных пути в случае, когда не удастся представить никаких образов.

1. Я прошу еще раз представить мотив цветка, который пациент представлял на предыдущем сеансе. После этого я продолжаю следующим образом. Я прошу после нового описания цветка проследить взглядом вниз по стеблю, чтобы установить то место, где находится цветок. Место я прошу мне точно описать. При этом существуют три возможности.

- а) цветок стоит в вазе. Я прошу пациента проследить взглядом дальше. Тут стоит какая-то мебель. После этого взгляд шаг за шагом осматривает данное помещение, которое следует теперь описать. При работе с неуверенными и несколько боязливыми пациентами становится видно, что вначале они держатся знакомых образов. Помещение - это их собственная комната, помещение в родительском доме или в доме бабушки и дедушки. Все равно, идет ли речь о реальном или фантазируемом помещении, можно попросить пациента взглянуть в окно и описать ландшафт. В конце концов я прошу его выйти из дома, чтобы пойти на природу. Таким образом можно привести его также и на луг;
- б) цветок стоит в саду. Скользящий кругом взгляд, вероятно, находит потом сад родительского дома или сад из детства - у бабушки и дедушки. Здесь может появиться спонтанная возрастная регрессия, т. е. пациент переживает себя в некоторой сцене своего детства. Это может стать вскоре темой воспоминаний*;

* У пациента с легко возникающими и пластическими фантазиями подобная модификация может произойти уже при первом проведении теста "цветок" благодаря стимуляции описанного расширения. Тем самым часть желаной уверенности в обращении с образами я придаю ему еще тогда, когда он находится в кресле.

в) стебель цветка кончается внизу в пустом пространстве. В таких редких случаях дальше ничего не получается. Тогда следует использовать описанную далее технику.

2. *Вторая переходная техника* менее прозаична. Я прошу лежащего на кушетке пациента во время первой попытки знакомства с символдрамой либо сразу же, либо после того, как не получилось представление того или иного мотива, представить себе следующее. Сначала он мог бы представить себе мой кабинет, в котором он лежит на кушетке. Потом он может мысленно встать и выйти из комнаты. При этом я описываю ему все дальнейшие шаги на пути, как обычно выходят через прилегающие помещения дома. В зависимости от складывающихся обстоятельств, я предлагаю ему различные возможности отправиться на природу (пешком, на машине, на трамвае и т. п.) и там, в более или менее знакомой местности, тоже найти луг. Это способствует процессу обучения - тому, как можно от реального окружения перейти в воображаемый мир фантазий. Но можно и не проводить это в таком полном объеме. Достаточно, например, во время прогулки по городским улицам образно представить себе людей и торговые лотки.

Интересно, что большинство сколько-нибудь мотивированных пациентов и, в первую очередь, кандидаты в психотерапевты, бывают потрясены успехом, когда им впервые удастся представление образов, сопровождаемое соответствующим эмоциональным тоном. Восприятие этого “таинственного мира внутренних образов” имеет особую силу убеждения. Это происходит независимо от того, можно ли понять или расшифровать содержание образов или нет. И наоборот, не очень удачное представление образов часто переживается как собственная несостоятельность или отсутствие важной способности. Последнее случается прежде всего на семинарах для врачей и психологов.

Обе описанные техники вступления я вряд ли буду продолжать на следующих сеансах, так как потом обычно уже удастся вводить мотив непосредственно. Из сказанного, однако, следует (и об этом никогда не следует забывать), что *введение пациента в Кататимное переживание образов*, как правило, связано с *процессом обучения*. Для среднего европейца непривычно с той же легкостью, с какой он думает или вербально общается, действовать на уровне образных представлений и одновременно сообщать об этом.

Этот процесс обучения занимает 2 - 5 сеансов. Благодаря этому пациент должен не только хорошо познакомиться со *сновидениями наяву*. Он должен научиться делать более тонким образное восприятие и наблюдение сопровождающих образы чувств на этом новом уровне переживаний. Позднее он должен узнать, как *сновидения наяву* расширяются, выходя из первоначального суженного поля зрения, и как он может действовать во все шире распространяющемся сценарии.

При этом мы, правда, сначала ждем, как будет развиваться этот процесс или, соответственно, какие дополнительные элементы образов появятся сами собой. Мы наблюдаем также, что он сделает в этих отчасти новых сценах. Вначале он, вероятно, может быть скорее пассивным, возможно, даже несколько беспомощным. Потом мы просим его бросить взгляд вдаль, например, описать границу луга или сада и посмотреть, что находится за ней.

2. Временная структура и ход сеанса.

В соответствии с одним из незыблемых правил психотерапии, я всегда после приветствия и после того, как пациент займет место, каким-то коротким, скорее обмолвленным замечанием побуждаю его заговорить о его *актуальной ситуации*. Я исхожу из того, что всегда существуют осознаваемые или латентные конфликты,

например, мелкие или более серьезные проблемы в семье, с партнером или на работе, входящие в соответствующий невротический образец поведения. Что касается психотерапии по методу КПО, то я считаю врачебной ошибкой, если пациент до начала фазы *сновидений наяву* не имеет возможности поговорить о том, что его эмоционально волнует в настоящий момент или что ему кажется важным со времени последнего сеанса. Он в любом случае должен иметь возможность вербально облегчить себя в том или ином отношении. Если речь вновь заходит об уже неоднократно описанных симптомах, я даю пациенту понять, что не вижу в этом основной упор нашей работы, и стараюсь поскорее направить его внимание на вызвавшие эти симптомы ситуации, разочарования или фрустрации, которые он пережил за это время или которые с этим связаны. Если необходимость высказаться у пациента очень велика, я спокойно выслушиваю его длинные высказывания. Когда динамические связи постепенно становятся отчетливее, я рекомендую ему попробовать представить существующую проблематику в *сновидении наяву* при помощи подходящего мотива. Чтобы лучше расслабиться, я прошу его лечь на кушетку.

В некоторых редких случаях необходимо учитывать то, что с какой-то актуальной проблемой связано принятие важных решений. В этом случае имеет смысл реально рассмотреть проблему с различных точек зрения, чтобы дать пациенту ясно увидеть свои чувства, свои намерения, понять все “за” и “против” какого-то решения. При этом следует избегать советов, даже если пациент об этом просит. Это свидетельствует о тенденции довериться совету компетентного специалиста вместо того, чтобы после уяснения всех обстоятельств самому принять свое решение. Лишь в исключительных случаях, когда пациент оказывается особенно неопытным (“пробелы опыта”), я предлагаю различные возможности решения. Это относится, прежде всего, к таким случаям, когда нужно

перестроить внешнюю ситуацию, потому что от этого зависит (дальнейшая) психотерапия, которая должна вырабатываться всегда вместе - на основе предложений пациента и психотерапевта.

В ходе психотерапии на основе метода КПО фазы психотерапевтических бесед эффективны тогда, когда они служат глубинно-психологическому уяснению существующих проблем или проблем предшествующего сеанса КПО - в связи с актуальными, характерологическими или генетическими проблемами (подробнее см. на с. 176).

По времени среднее соотношение между фазой беседы и фазой КПО в течение одного сеанса составляет одну треть к двум третям (1:2). Это соотношение возникает отчасти потому, что содержание сеанса КПО нужно проработать вербально. В ходе обычного сеанса фаза *сновидений наяву* занимает, как правило, от 20 до 40 минут. Возможны также и более короткие фазы. Более же длинные, напротив, утомляют пациента. Они имеют смысл только тогда, когда действительно сильно довлеющая и тяжело поддающаяся обработке проблема стремится к определенному завершению в КПО.

Теперь я хотел бы поподробнее остановиться на следующей затем заключительной фазе, так как здесь иногда возникают некоторые вопросы.

В ходе сеанса фаза *сновидений наяву* завершается специальным указанием “вернуться обратно”, как это было описано на с. 37. После того, как пациент откроет глаза, он медленно возвращается в реальный мир и должен после этого сесть на кушетке, свесив ноги сбоку. (Ко мне он повернут тогда боком под прямым углом.)

В этот момент становится особенно ясно, как важна церимония “возвращения обратно”. Часто пациент еще находится под сильным воздействием настроения и чувств, порожденных его регрессивными переживаниями *сновидений наяву*. Чтобы

снова сориентировать пациента в реальности, ему нужно время, хотя он и сохранял контроль реальности во время фазы *сновидения наяву*. Поэтому я рекомендую пациенту подождать еще минут пятнадцать в комнате для ожиданий или немного прогуляться. *Ни в коем случае* нельзя сразу же садиться за руль машины или пешком идти по улице с оживленным движением. Эта “внутренняя абсорбция” протекает у разных людей по-разному, но о ней никогда не следует забывать.

В связи с этим следует ответить на вопрос, в какой форме следует обрабатывать материал *сновидений наяву*. Казалось бы, вполне естественно оставить в конце сеанса регрессивный уровень и, используя когнитивную способность понимать происходящее, находясь, быть может, в положении сидя, обработать с рациональных позиций зачастую богатый материал *сновидения наяву*, как это принято в психоанализе. Например, можно было бы спросить, какие мысли и ассоциации приходят в голову в связи с отдельными частями *сновидения наяву*.

Однако, практика КПО показала, что эта техника может дать удовлетворительный результат лишь в очень редких случаях или вообще не удастся. На завершающей стадии измененного состояния сознания пациент - как описывалось выше - либо еще не способен к такой работе, либо может это только в очень ограниченной мере. Очень часто призыв когнитивно перестроиться воспринимается пациентом как нечто неуместное. У него может появиться чувство, будто психотерапевт явно не знает, что с ним в настоящий момент происходит.

Что же вообще должно происходить в последние 5 - 10 минут сеанса после завершения фазы *сновидения наяву*? Здесь невозможно установить жесткие правила. Нужно действовать индивидуально - в зависимости от реакции пациента. Лишь небольшая часть пациентов (составляющая *первую группу*) испытывает трудности, вспоминая теперь содержание *сновидений наяву*, особенно на первых

сеансах. В этом случае психотерапевт должен попытаться вместе с пациентом вызвать в памяти сцены только что пережитых им кататимных образов. Большинство же пациентов (составляющие *вторую группу*) по опыту знают, что они вновь смогут вспомнить основное содержание образов, даже когда они дома (или уже в приемной) будут писать обязательный протокол. В этом случае можно отказаться от полного повторения пережитого в конце сеанса. Я прошу тогда описать мне господствующее настроение и при помощи только нескольких слов дать этому настроению и сопровождающим его чувствам затихнуть - отзвучать в моем присутствии. Через совместное молчание, при внимательном отношении психотерапевта к пациенту, при помощи полного понимания замечания или почти без слов надо дать почувствовать пациенту, что психотерапевт понимает его и в таком состоянии. Для усиления психотерапевт может сказать: "Это Вас глубоко затронуло"; "переживания сейчас еще не утихли в Вас" - или: "Не торопитесь, чтобы все улеглось в покое".

Третья группа пациентов затронута эмоционально не так сильно. Эти пациенты хотели бы или получить какую-то информацию о деталях, или дают, по меньшей мере, повод поговорить об отдельных элементах образов. В этом случае я спрашиваю, что из этого пациент считает самым важным и что произвело на него наибольшее впечатление. По-возможности, я использую один из элементов образов для дальнейшей беседы. Если пациент очень хорошо знаком с методом, я спрашиваю его, не видит ли он какой-то связи между содержанием *сновидения наяву* и обсуждавшейся в начале сеанса проблемой - или какой-то другой проблемой. Ситуации бывают самые разные, и смена интеракций зависит от способности психотерапевта чувствовать состояние пациента в различных ситуациях (эмпатии).

Описанные действия психотерапевта касаются ситуаций, когда *сновидение наяву* на своей конечной стадии закончилось относительно гармонично. Тем не менее, эта ситуация выглядит иначе в тех редких случаях, когда КПО вызвало ряд отрицательных эмоций и настроений, которые еще не утихли: робость, неуверенность, депрессивные расстройства или растерянность. Эмпатически-чуткий психотерапевт в этом случае действительно понимает, что отпускает пациента после сеанса с оставшейся еще открытой проблемой. Психотерапевту, конечно же, не следует волноваться. *Я* пациента в большинстве случаев может скоро скомпенсировать беспокойство. Кроме того, оставшаяся открытой проблема тянет обычно за собой последующие терапевтически-продуктивные критические проблемы. На этом я особо останавливаюсь и рекомендую пациенту соответственно использовать эту сложную, но, с другой стороны, продуктивную, с точки зрения психотерапии, ситуацию. Было бы хорошо, если бы он записал все приходящие ему в голову за это время в голову мысли в связи с этой темой, чтобы впоследствии их обсудить. Но при этом должно быть точно определено время следующего сеанса. Если же у психотерапевта, напротив, складывается впечатление, что пациент останется до следующего сеанса сильно обеспокоенным и замкнутым на себя одного или даже может произойти декомпенсация, то психотерапевту нужно профилактически вмешаться. Он должен при помощи заключительного разъяснения или убеждения, что все будет хорошо, придать пациенту уверенности. Это делается с целью вновь усилить ослабленную вследствие КПО защиту *Я*. Этого можно также добиться и тем, что психотерапевт, поняв представляемую в образах конфликтную ситуацию, попытается показать относительность специфической особенности пережитого при помощи постороннего примера (наблюдения какого-то другого случая), своего примера (описания собственного опыта) или при помощи какого-то, скорее всего,

общезначимого пояснения. В дополнение к этому часто бывает полезным использовать защитный механизм интеллектуализации. Осторожно, но в непосредственной связи со значением обсуждаются образы, которые сильно взволновали пациента. Можно выделить их связь с уже знакомыми переживаниями в КПО или в реальной жизни пациента. Ослабляют напряжение, благодаря чувству участия психотерапевта, вопросы о банальных деталях повседневности - например, что пациент сегодня еще будет делать, с кем ему предстоит встретиться, как он думает провести вечер. В случае крайней необходимости, между сеансами можно предложить помощь по телефону (воспользоваться которой пациенту приходится только изредка). Благодаря таким психотерапевтическим вмешательствам в духе эмпатии, можно усилить *Я* пациента и при помощи символдрамы оказывать воздействие на избыточное беспокойство, которое редко бывает исключением.

Почти каждый пациент получает от меня задание написать протокол *сновидения наяву* на листке бумаги формата А4, оставляя широкие поля. На следующем сеансе, после обсуждения актуальной проблематики, я медленно вслух зачитываю протокол. Тем самым в это время осуществляется та часть обработки *сновидения наяву*, которую обычно ожидают в конце предыдущего сеанса. Я расспрашиваю обо всех мыслях, пришедших в голову в связи с отдельными частями и деталями протокола. Могут также всплыть возможные связи между образами предыдущего сеанса и обсуждавшейся вначале проблемой или же с проблемой, которая волновала пациента между сеансами. Таким образом, важен весь аспект переживаний реальных или внутренних конфликтов.

Вместо стереотипного вопроса: “Что Вам приходит в голову по этому поводу?” - я выбираю поочередно такие формулировки, как, например: “Что Вы думаете по этому поводу?”; “С чем бы это могло быть связано?”; “Что, по Вашему мнению, значит эта (или та) часть в Вашем образе?” Благодаря этим вопросам пациент

понимает, что для меня все это важно знать. Между двумя сеансами, в основном дома, у пациента затем появляются различные мысли по поводу волнующей его темы. Таким образом, обогащается материал и накапливаются знания.

Тем самым перед нами вновь возникает вопрос о *толковании содержания сновидения наяву на основной ступени* КПО. Психотерапевт всегда должен оставаться в этом отношении сдержанным. В конечном счете, пациенту вряд ли можно помочь посредством интеллектуального знания многопланово детерминированных символов. Разъяснение, к которому так стремится пациент, зависит гораздо больше от него самого. На вопросах, появляющихся у него благодаря его собственной интуиции, благодаря мыслям и идеям, возникающим у него в связи с тем или иным элементом образа, пациент учится все больше приближаться к значению имажинаций, даже если речь идет только о предположениях и догадках. Что касается последних, то пациента зачастую нужно особо подбадривать их делать. Тактика психотерапевта полностью отвечает сказанному выше. В случае настойчивых вопросов пациента о значении символов и образов можно сказать, что толкование содержания образов, сделанное даже самим психотерапевтом, очень легко может пропустить самое важное ядро индивидуального содержания образа. Поэтому значение образов лучше оставить неопределенным. Для открывающихся пациенту взаимосвязей важнее его мысли в ходе продолжающейся психотерапии. Если же не удастся добиться такой ясности, как ожидалось, то, в принципе, в этом тоже ничего плохого нет. Ведь действие кататимных образов на *основной ступени* КПО происходит преимущественно на уровне переживаний.

Правило сдержанно относиться к интерпретациям должно препятствовать усилению таких защитных механизмов, как интеллектуализация и рационализация.

В моем учебнике по всему методу [45] подробно описываются более тонкие стратегии, связанные с толкованием образов. Их фундамент закладывается на *основной ступени* КПО в осторожном когнитивном разьяснении их чувств. Конечно же, их можно дополнить мыслями и фантазиями пациента, а также всеми приходящими ему в голову идеями. Это важнейший инструментарий метода. Дальнейшие технические указания, в связи с этим, я приведу на 17 занятии (с. 162) при рассмотрении ассоциативного процесса.

Наряду с написанием протокола сеанса, пациенту, как уже говорилось выше, нужно нарисовать дома один или два выбранных им образа КПО. Затем, на следующем сеансе, изображения обсуждаются. Таким образом, пациент проявляет дополнительные творческие способности и способствует терапевтическому процессу также и в свободные промежутки между сеансами, как это показали К.Кулесса и Ф.Юнг [34].

Следующий вопрос касается того, должен ли психотерапевт во время сеанса вести протокол. Вопреки распространенной ранее практике, большинство умудренных опытом психотерапевтов сегодня от этого отошли. Тот, кто это еще делает, говорит, что это служит поддержкой памяти. Мне же все-таки кажется, что это, скорее всего, служит также собственной защите психотерапевта, чтобы не слишком втягиваться в эмоциональный мир пациента. Описанное З.Фрейдом [15] “равномерно распространяющееся (или свободно парящее) внимание”, которое необходимо для эмпатического сопровождения (которое, в свою очередь, необходимо для понимания более тонких содержательных и эмоциональных нюансов *сновидения наяву*), легко может быть при этом потеряно. Необходимая регрессия в мир пациента останется недостаточной, если из-за концентрации на написании протокола психотерапевт будет оперировать, скорее, на когнитивном уровне вместо сопереживающего эмоционального уровня. Вместо этого я, с

согласия пациента, включая кассетный магнитофон, говоря при этом, что таким образом я могу посвятить все свое внимание пациенту. Если пациенту это подходит, то это может представлять для него даже некоторое преимущество, так как я даю пациенту кассету для составления им протокола представления образа. При помощи этого пациент дополнительно воспринимает дома разнообразные тонкие детали как своего *сновидения наяву*, так и изменения своего настроения, которые, в свою очередь, служат выражением его чувств и эмоционального состояния и которые могли бы быть забыты при составлении протокола по памяти. Прослушивание магнитофонных записей официально предусмотрено для супервизии в рамках получения психотерапевтического образования (см. Приложение II, с. 223)

14 занятие

Ведение и определение структуры *сновидения наяву* I

Ведение и определение структуры КПО на *основной ступени* характеризуется двумя моментами:

- *Сновидение наяву* проводится в основном в символическом облачении, что, однако, в принципе не исключает представления реальных сцен, как описано на с. 153. Таким образом психотерапевт придерживается покровительственного стиля ведения *сновидения наяву*. Он осуществляется с целью отвода аффективно сильно беспокоящих или подавляющих реакций, а также таких, которые переживаются как опасность. Это, однако, не означает, что психотерапия должна быть теперь подчеркнута поддерживающей или совсем прикрывающей конфликты.

- Непосредственно фокусирующие конфликтные сферы и тем самым вступающие с ними в конфронтацию техники используются только в случае более длительного лечения и для пациентов с сильным Я, которым подходит такая техника.

Фокусирование и конфронтация (как показано на с. 219, пункт 2) - это преимущественно методы *средней ступени* КПО.

Приводимый далее обзор дает представление об отдельных позициях ведения и об определении внутренней *структуры сновидения наяву* на *основной ступени* КПО.

Если сравнивать с *разговорной психотерапией* по К.Роджерсу [60], то обсуждаемую технику нельзя отнести к понятию “поведение терапевта”. Речь здесь идет о стратегиях вмешательства (интервенции), которые основываются на психотерапевтически-эффективных компонентах КПО, а не на “поведении терапевта” как таковом.*

* В моем большом учебнике [45] я показываю более широко, в какой степени на *основной ступени* КПО можно использовать технику *базисного поведения* разговорной психотерапии.

Обзор

1. Общий стиль ведения (с. 127)
2. Образ действий в связи со стандартными мотивами (с. 134)
3. Образ действий, принимая во внимание фиксированные образы (с. 137)
4. Терапевтическая работа с фиксированными образами (с. 142)
5. Решение повседневных проблем (с. 150)
6. Творческое раскрытие и ассоциативный метод (образ действий) с возрастной регрессией (с. 158)
7. Бесконфликтные сцены и удовлетворение архаических потребностей (с. 184)
8. Ориентация на отдельные психотерапевтические факторы (с.193)
9. Перенос и контрперенос (с. 200)

1. Общий стиль ведения

Стиль ведения на *основной ступени* КПО характеризуется дружелюбно-сдержанной установкой психотерапевта. Как я уже демонстрировал, он дает толчок отдельным мотивам. При этом его позиция скорее выжидательная, ни в коем случае не напирательная, прежде всего оставляющая пациенту свободу действия. В своих инициативах он, прежде всего, осторожен, скорее, сдержан. Ему следует избегать занимать руководящую позицию путем призывов к совершению действий в *сновидении наяву*, например, предпринять то или это. Следует обратить внимание на описанный на с. 119 процесс обучения пациента во время его первых шагов в *сновидениях наяву*. В соответствии с ним, стиль ведения во время первого сеанса иной, чем впоследствии - в полностью развернувшейся психотерапии.

Вначале первостепенное значение имеют вопросы о деталях содержания образов или об элементах настроения и эмоций. Какие-то действия в панораме при этом предлагаются, но только очень осторожно. Кроме того, психотерапевт должен уметь при необходимости оказывать более структурирующее воздействие и при этом, в случае крайней необходимости, использовать также радикальное вмешательство (интервенцию), как, например, “кормление и насыщение”. Эти вмешательства (интервенции) могут быть также направлены на то, чтобы побудить пациента выполнить какое-то определенное задание. И наоборот, в некоторых случаях они могут быть нужны психотерапевту, чтобы быстро отвести от чего-то внимание или не допустить того, что может повредить пациенту в этой сцене.

Психотерапевт должен показать пациенту, что ему интересны воображаемые им образы. Но это должно делаться не столько интеллектуально или научно, сколько быть выражением внутреннего сопереживания происходящему, при определенной сочувствующей теплоте и открытости. Чтобы это выразить, имеет смысл регулярно подавать простые, преимущественно невербальные сигналы. Для этого также имеет смысл соответствующим образом останавливаться на словесных высказываниях пациента в описаниях образов. Благодаря этому пациент узнает о близости психотерапевта к нему, о подлинности своих взглядов, своей установки и своих убеждений. Как ни странно, но как раз молодые и очень старательные психотерапевты часто забывают эти коммуникативные сигналы и высказывания, что создает у пациента чувство, что его не понимают и бросили одного. В вызывающих страх, критических или опасных сценах особенно важно, чтобы психотерапевт проявил свое *ангажирующее внутреннее соучастие*.

Особенно важно дополнительно сформировать вербально не выраженный пациентом эмоциональный тон, сопровождающий *сновидение наяву*. Он может выражаться в содержании сцены или в своеобразии смены настроений,

вставляемых пауз и т. д. Вербализация сопровождающих чувств и аффектов пациента, которые сам он часто воспринимает совсем не так отчетливо, должна побудить его обращать на это внимание. Самое простое, хотя и несколько прямолинейно, будет спросить: “Как Вы себя чувствуете?”

Более тонкой и менее мешающей была бы другая вопросительная реплика относительно какой-то определенной сцены, например: “Вам страшно?” - или: “Это жутко... Вы себя сейчас хорошо чувствуете?” - и т. п. Если психотерапевт не так точно формулирует эмоциональный тон, как его переживает пациент, то, как правило, пациент поправляет психотерапевта. Лишь очень редко такое вмешательство (интервенция) переживается пациентом как что-то суггестивное. Достигаемое таким образом более близкое приближение к сознанию уменьшает гнет негативного аффекта или негативного чувства, и даже может его нейтрализовать, т. е. действует благодаря этому облегчающе. Это может очень помогать в сценах, вызывающих, например, страх, или в случае других, несущих негативные эмоции, сцен КПО. Ликвидируется преобладающий застой (стагнация) как чувств, так и сценического содержания образов. Хотя эта форма “вербализации эмоционального содержания” и является важным инструментом при ведении символдрамы, но то, как и когда ее применять, зависит от эмпатического проникновения, прочувствования в соответствующий контекст переживания пациента, чтобы ничего не повредить и чтобы это психотерапевтическое вмешательство было уместным.

На семинарах мне часто задают вопросы о поведении психотерапевта. Например. спрашивают, много или мало нужно говорить, должен ли пациент рассказывать о переживаемых образах непрерывно или только с перерывами, не мешают ли вопросы психотерапевта и т.п. Универсальный ответ на эти вопросы дать невозможно. Психотерапевтические воздействия (интервенции) будут

различными в каждом отдельном случае, в зависимости от развития *сновидения наяву* и его эмоционального характера. Главное, на что можно ориентироваться при соответствующем своеобразном вмешательстве (интервенции), - это сочувствующая и внутренне сопровождающая идентификация психотерапевта с соответствующей сценой *сновидения наяву*. В определенном смысле, это как бы *ключ ко всем ситуациям* вообще. На научном языке это называется “эмпатией”. Под этим понимается временная пробная идентификация с пациентом - с целью пережить то, что в этот момент эмоционально происходит с ним. Подобного рода идентификации для того, чтобы понять что-то, занимают важное место и в нормальных межличностных отношениях. Они основываются на способности целостного (архаического) восприятия другого человека через имитирующую идентификацию. Благодаря возникающей при этом большой близости, или, скорее, тесной связи, единению, становятся похожими эмоциональные восприятия и возникает высокая степень эмпатии. Это как бы участие в *сновидении наяву* пациента. При этом психотерапевт, опираясь на описания пациента, рисует в своем собственном мире представлений сцены образов пациента.

Точно так же его чувства вступают в резонанс с чувствами пациента, передаваемыми совокупностью сигналов пациента. Они могут входить в сценарий *сновидения наяву*, проявляются через динамику настроения или мимических и телесных выражений. Но если начинающий психотерапевт будет следовать этой инструкции постоянно, то при определенных обстоятельствах развитие может пойти по опасному и разрушительному пути. Это нужно своевременно обнаружить. Ибо с ним может произойти то, что он целиком уйдет в эту идентификацию с пациентом и “потеряет” тем самым свое собственное *Я* и управление им, потому что уже едва ли сможет воспринимать его. Тем самым он теряет также свою способность объективно наблюдать и следить за *сновидением*

наяву, а также мысленно вести его и, в случае необходимости, также изменять его структуру.

Правило эмпатического сочувствия следует поэтому дополнить одним важным принципом: речь каждый раз может идти только о *временной идентификации*. Хотя для эмпатического сопереживания и важна большая внутренняя близость, в последующее время психотерапевт должен все-таки снова отойти от близости к пациенту и вернуться к своему собственному, рефлексирующему *Я*. Между близостью и рефлексирующей дистанцией существует, таким образом, волнообразное движение. Хотя, как может показаться, осуществить это довольно трудно, опытному и искушенному психотерапевту это все же, как правило, довольно хорошо удается. Во время фазы *временного дистанцирования* психотерапевт может критически оценить полученный благодаря эмпатии материал восприятия и проверить его в контексте своих терапевтических знаний и концепций, а также сделать из этого выводы для дальнейшего ведения психотерапии. Уже если психотерапевт просто принимает решение, нужно ли ему в данном месте *сновидения наяву* выжидающе промолчать, подать ли ему короткий сигнал, усилить ли эмоциональный оттенок или какой-то элемент образа, задать ли какой-то целенаправленный или конфронтрующий вопрос, - все это будет результатом описанной выше дистанцированной оценки происходящего. Но действительно должным образом реализоваться и быть как бы “скроенной” в соответствии с актуальными внутренними сценами пациента она может только тогда, когда ей предшествует временное эмпатическое сопереживание.

Способность к эмпатическому сочувствию в описанной форме различна у разных людей. Встречаются психотерапевты, с самого начала обладающие естественной способностью к этому. Прочие, часто более интеллектуализованные и научно настроенные люди, напротив, привыкли проводить *сновидение наяву*

преимущественно на когнитивном уровне. Но тем самым они лишь с трудом удовлетворяют требованиям эмпатии и сочувствующей близости. Небольшая группа - в основном это особенно интересующиеся психотерапией - имеет тенденцию к противоположному образу действий. Хотя эти психотерапевты обладают очень хорошим даром сопереживания и думают (или делают это бессознательно), что, благодаря длительной эмпатической близости или, иными словами, идентификации, они смогут особенно благоприятно способствовать психотерапии, здесь все же возникает проблема недостаточного размежевания по отношению к пациенту, или, иначе говоря, проблема “сверхидентификации”. В моем большом учебнике [45] я подробно излагаю эту тему. Препятствует сверхидентификации описанный выше волнообразный переход (ундуляция) между временной, как бы пробной идентификацией при эмоциональном сближении и последующим дистанцированием для проверки общего состояния.

В связи с этим некоторые технические стороны поведения психотерапевта оказываются неприемлемыми. Некоторые молодые психотерапевты, например, считают, что во время фазы *сновидения наяву* следует самим закрывать глаза, точно так же расслабляться и самим ярко представлять образы *сновидения наяву*. Это легко может привести к тому, что такие психотерапевты будут впадать в сильную регрессию вместе со своими пациентами. Они создают тогда свои собственные эмпатически аналогичные или отличные от представляемых пациентом образы *сновидения наяву*. Тем самым они теряют способность к когнитивно контролирующему ведению пациента и к структурированию *сновидения наяву*. Так, неопытный психотерапевт может оказаться в ситуации, когда он, работая с сильно депрессивным пациентом и слушая становящиеся все более печальными описания соответствующих образов, со своей стороны, становится все спокойнее, тише и пассивнее не замечая этого, теряет контроль.

Описанную здесь интеракционную динамику, как правило, можно ясно понять только при прослушивании магнитофонной записи сеанса. И уже совсем обязательно это происходит при прослушивании этой записи на супервизионной группе и обсуждении ее в ходе дискуссии.

Мне хотелось бы отметить еще один аспект стиля ведения в КПО. Он связан с теорией научения. Всегда имеет смысл позитивно подкреплять и ободрять пациента, притом особенно в тех случаях, когда у него возникают трудности в осуществлении какой-то задачи в стандартном мотиве, например, в следовании вдоль ручья. Здесь также помогают и тактичные, приветливые отзывы, которые не всегда должны иметь характер похвалы. Это же относится к началу первого упражнения, быть может, уже в цветочном тесте, если у кого-то возникают трудности с представлением образов. Такой недостаток должен быть всегда “повернут положительно”. Вместо того, чтобы сказать: “У Вас явно еще чего-то недостает”, - следовало бы сформулировать так: “Для начала, если учесть, что это было совсем без подготовки, у Вас все получилось очень даже хорошо”. И дальше можно рассказать о предстоящих теперь следующих учебных шагах.

Что же касается тех сопровождающих сигналов психотерапевта, которые следуют за сообщениями пациента и дают ему понять, что его слушают, то я тогда тоже выхожу за рамки ни к чему не обязывающих междометий-подтверждений, типа “у-гу” или “вот как”, и говорю что-то вроде: “Да, я понимаю”; “да, вот видите” и т. п. Я также повторяю что-то уже сказанное до этого пациентом, но подчеркнуто использую это для поощрительного подкрепления вместо того, чтобы использовать это как сигнал близости. Это подкрепление можно еще более усилить, например: “Будьте внимательны к тому, что сейчас произойдет”; “это, ведь, важно”; “это мне кажется интересным”; “Вам, наверное, стоило бы поподробнее на этом остановиться”. Ясно, что эти “знаки подкрепления”, как я их

называю, ведут к тому, что определенные элементы образа или эмоциональные моменты, на которые психотерапевт таким образом акцентирует его внимание, приобретают большое значение и для пациента. В определенных условиях, он бессознательно будет направлять возникающие у него образы *сновидения наяву* в основном в направлении этих усиленных, подкрепленных элементов.

Таким образом, психотерапевт должен четко представлять себе эти тонкие процессы управления и постоянно контролировать их. Он должен знать при этом также и свои собственные предпочтения и тенденции, т. е. в каких направлениях он предпочитает работать, чтобы держать их под контролем.

Бывают ситуации, когда пациент сам предпринимает действия, направленные против его *Я*. Я имею в виду отважные попытки вскарабкаться на гору или агрессивные действия против символических существ, в отношении которых существует угроза, что они станут опасными. На *основной ступени* КПО необходимо, по возможности, избегать подобные ситуации, и особенно во время короткой психотерапии. Формулировки, при помощи которых психотерапевт пытается воспрепятствовать осуществлению этих намерений пациента, могут легко переживаться им как неодобрительные или порицающие. Вместо этого лучше использовать осторожно-сдержанные высказывания, как, например: “Я не уверен, что это правильно” (например, поймать и побить животное). Можно сказать и еще более осторожно: “Мне казалось бы, что...”; “я бы здесь лучше предложил сделать то-то и то-то”; “почему бы Вам не попробовать...?” Во всяком случае мы избегаем тона приказа или указания, типа: “Теперь сделайте то-то и то-то”; “пойдите теперь вдоль ручья” и т. п.

Напротив, зрелым и самостоятельным пациентам, о которых у нас складывается впечатление, что они вполне могут продолжать дальше *сновидение наяву*, исходя из собственных побуждений, мы уже скоро можем задать вопрос, что бы им,

например, хотелось сделать на лугу. Или же мы предлагаем таким пациентам выбрать, что им больше хотелось бы рассмотреть или куда пойти. Тем самым мы хотим предоставить пациенту свободу выбора и дать возможность осуществить какую-то из своих потребностей. Мы хотим ему показать, что мы ему тоже доверяем делать что-то похожее. Часто это бывает проверкой, сможет ли пациент проявить активную инициативу, или же останется, скорее, пассивным и будет ждать (может из-за несамостоятельности), пока структуру представляемых образов определит психотерапевт.

Обсуждая отношение к психотерапевту, не следует забывать отмечаемое З.Фрейдом *правило абстиненции*. Упрощенно говоря, оно гласит, что в период лечения психотерапевт не имеет права вступать ни в какие личные или интимные отношения с пациентом. Я считаю важным разъяснить выводы из этого правила, ибо сегодня слишком часто не понимают его значения или, наоборот, с легкостью нарушают. Это, однако, может повредить психотерапии и в конце концов привести к неудаче.

Мне хотелось бы нагляднее показать, что мы имеем в виду, говоря об абстиненции.

- Не вступать с пациентом ни в какие личные отношения означает избегание любых светских связей, как, например, приглашений, участия в общих мероприятиях и т. п. Психодинамическое обоснование этого заключается в том, что с личным сближением для психотерапевта может быть связана психологическая ситуация искушения и, тем самым, неконтролируемые эмоции контрпереноса. И, безусловно, не может быть сомнений, что на следующем сеансе психотерапевт будет иначе обращаться со своим пациентом, если он встречался с ним на какой-нибудь вечеринке и между ними завязался разговор, если они танцевали и, может быть, оба имели эротические переживания или, наоборот,

испытывали в отношении друг друга непрязненные чувства. То же самое относится к пациенту. У него появляются ожидания совершенно другого рода по отношению к его психотерапевту, если тот не будет ограничиваться исключительно своими задачами как психотерапевт и нейтральный, неподкупный помощник.

- Не заниматься лечением знакомых и близких - это правило требует от психотерапевта и кандидата в психотерапевты не предлагать представлять образы в символдраме ни партнеру, ни братьям и сестрам, ни их родственникам. Не считая отдельные поверхностные эксперименты, такие действия следует считать врачебной ошибкой. Еще на заре развития психотерапии стало ясно, что врачебные действия со знакомыми или родственниками не могут быть свободны от эмоциональных побуждений. От этого страдает способность психотерапевта делать как диагностические выводы, так и принимать важные для психотерапии решения. Под сомнение ставится также техническая надежность в применении психотерапии, в особенности в случае такого крайне чувствительного метода психотерапии, как КПО. Искушение, однако, часто бывает большим, потому что такой психотерапевт верит, что обладает, благодаря КПО, инструментом, при помощи которого он мог бы помочь близкому ему человеку. Но при этом он должен отдавать себе отчет, что как раз направленные против него импульсы его партнера, ребенка и т.д. этим подавляются или вытесняются. И часто это как раз те побуждения, которые могли бы быть особенно важны для психотерапии.

2. Образ действий в связи со стандартными мотивами

Этот образ действий представляет собой основную технику в ходе *сновидения наяву* на *основной ступени* КПО. Эта техника имеет такое же важное значение, как само представление отдельных стандартных мотивов с целью осуществления

связанных с этим задач психотерапии. Стил ь руководства психотерапевта при этом свободный. Каждому мотиву отведен соответствующий психотерапевтический сеанс. При этом часто спрашивают, нужно ли сохранять определенный порядок в очередности стандартных мотивов. Практически невозможно, да и бессмысленно прогонять все пять мотивов *основной ступени* КПО за один сеанс. В течение одного сеанса следует представлять и прорабатывать не более одного мотива. Если, например, мотив луга представляется скудным, к нему можно присоединить мотив ручья. Если из-за нехватки времени не удастся за один сеанс исчерпать какой-то мотив, то впоследствии вполне возможно его продолжить. В особенности это относится к мотивам, требующим много времени, таким, как, например, следование вдоль по течению *ручья* или осмотр *дома*. Последовательность мотивов не должна быть жесткой. Очень хорошо, если психотерапевт опирается в кататимной панораме на спонтанно возникший мотив, чтобы сразу же поточнее его изучить. Нет такого общего правила, чтобы получить как можно больше имажинативных образов или чтобы быстро и лихо закончить стандартные мотивы. Этот таящийся в пациенте аспект достижения, обусловленный его домашним воспитанием и повседневным окружением, психотерапевт, по возможности, должен стараться не усиливать. Это не значит, что мы через некоторое время не дадим пациенту возможность проиграть действительно с начала до конца тот или иной мотив. Такое же важное значение имеет и свободное представление индивидуального образного сюжета, опираясь на основной мотив. Глубину внутреннего участия и, следовательно, настроения и эмоциональную затронутость в связи с представляемыми сценами *сновидения наяву* я считаю во многих отношениях важнее, чем оценку значения полноты имажинативного впечатления. Степень развиваемого во время фазы *сновидения наяву* переживания, с одной стороны, конечно же зависит от длительности сеанса. Однако, с другой стороны,

нужно учитывать также индивидуальный психический темп для каждого отдельно взятого пациента. Особенно это касается способности представлять образные фантазии и имажинации, а также их описывать. Люди со, скорее, инертным и вязким темпераментом переживают символдраму также медленнее. Стало, однако, ясно, что в таких случаях и пациенты также нуждаются в некотором терпении и положительной обратной связи со стороны психотерапевта, получая благодаря этому значительно больше пользы от психотерапии, чем сначала предполагали. Из этого, а также из множества других наблюдений я вывел для себя правило, согласно которому при обучении методу *Кататимного переживания образов* будущих психотерапевтов мы сознательно должны избегать описания стандартного или среднего и типичного протекания КПО. *Каждый пациент разворачивает сновидения наяву в своем индивидуальном стиле.* Задача психотерапевта - принять стиль пациента и настроиться на него.

Это правило становится еще более очевидным в приложении к прямо противоположным пациентам, для которых характерны особенно живой темперамент, высокая находчивость и способность быстро соображать. Благодаря этому такие пациенты быстро разворачивают и развивают *сновидение наяву*.

Эта относительная быстрота - а при определенных условиях также связанная с этим цветовая насыщенность, с которой пациент представляет образы основного мотива, - разумеется, еще ни в коей мере не говорит, что ей соответствуют и подобающие эмоциональные переживания. Но, несмотря на быстроту или даже именно из-за нее, можно повредить ожидаемому результату психотерапии, так как более глубокие чувства затрагиваются лишь незначительно. Восхищение, например, красивыми образными картинками позволяет этим пациентам не обращать внимания на более глубокую эмоциональную вовлеченность. При этом их *Я* терапевтически затрагивается меньше, чем *Я* более скромных пациентов с

менее шикарными сценами *сновидения наяву*. Как правило, такие пациенты имеют более сильную истерическую структуру и в большей мере вытесняют или отвергают эмоциональную задействованность, чем это вначале полагал психотерапевт. Пациенты тоже вскоре начинают чутко понимать, что нравится психотерапевту и что ему хочется услышать. Их старательное исполнение своей роли позволяет им быстро установить хорошее взаимопонимание с любым психотерапевтом, например, когда неосознаваемо живо раскрывается их наполненное фантазиями сновидение. Лишь спустя продолжительный период развития психотерапевт, в конце концов, обнаруживает в этих, разумеется относительно редких случаях, что такое исполнение роли гораздо меньше проявляется на глубоких психических нарушениях этих людей, чем казалось сначала.

Таким образом, в этих случаях устанавливается положительное отношение переноса с обеих сторон. Психотерапевт должен постараться как можно раньше распознать и проанализировать свой очень положительный контрперенос (ср. с. 201). С технической точки зрения, ему бы здесь следовало направить свое внимание особенно на детали в образах. О них нужно расспрашивать и просить как можно более ясно и трезво их описать. Возникающие чувства должны быть как можно более четко вербализованы. Пациенты из этой группы склонны как раз к тому, чтобы, вместо описания деталей, описывать все с большой помпой, некоторым образом “гениально”. Нередко они перепрыгивают в образе от одного к другому, а небольших, похожих на реальность шагов, например, при подъеме в гору, они, наоборот, пытаются избегать. И как по мановению волшебной палочки, они потом вдруг оказываются на вершине горы.

Однако этот, показанный здесь несколько утрированно, истерический стиль в более смягченной форме может быть даже плодотворным. Но оценить это в

конкретном случае сможет только опытный психотерапевт. Вначале нам придется принять во внимание этот полный фантазий стиль переживаний, позволяя пациенту раскрывать себя таким образом.

С точки зрения очередности и последовательности пяти стандартных мотивов *основной ступени* КПО, это также означает, что не нужно каждый раз настаивать, чтобы пациент действительно скупуплезно точно выполнял поставленные перед ним задачи. Впрочем, с другой стороны, сколь бы важным не казалось здесь творческое расширение структур основных мотивов КПО (ср. с. 158), необходимо разработать также и временно оставленные мотивы, чтобы избежать односторонности. Позднее в рамках *ассоциативного метода* психотерапевту открывается больше свобод (ср. с. 163). Здесь же, вначале, мы все же пока еще исходим из академических принципов ведения *сновидения наяву*.

15 занятие

Ведение и определение структуры *сновидения наяву* II

3. Образ действия с учетом фиксированных образов

При проведении пациента через указанные стандартные мотивы особо важную роль играет учет конфликтных моментов. Легче всего их увидеть в ранее упомянутых фиксированных образах. Особенно отчетливо это видно в мотивах препятствия-недопущения. Они в наиболее явной форме выражают невротическую проблему и имеют первостепенное диагностическое значение. Они дают психотерапевту ориентир, в определенном отношении как бы узловой пункт или

центр внимания, которые ему нужно отметить, зарегистрировать и на который ему рано или поздно следует направить внимание пациента.

Говоря об основополагающем понятии фиксированных образов, мы понимаем под ними такие сцены, содержание которых характеризует их стереотипность. Можно вновь и вновь возвращаться к таким сценам, а их содержание будет оставаться прежним. Это явно застрявшие, бессознательные динамические конstellации (стечения обстоятельств), представляющие определенную проблему. Таким образом, в своей неподвижно застывшей форме они являются как бы эквивалентами невротического очага нарушения. Так же, как и при образовании психогенных симптомов, они возникают в результате компромисса между напорающим импульсом, побуждением и защитой от него, причем зачастую - в сложной и многоплановой формации.

В ходе наших дальнейших наблюдений мы выделили еще и другие признаки, которые часто отличаются от стереотипных, повторяющихся сцен фиксированных образов, которые мне хотелось бы теперь рассмотреть в отдельности. Так, в ландшафте или в других образных формациях нередко обнаруживаются противоречия, каких не бывает в обычном мире. Например, с одной стороны леса на деревьях - осенние листья, а в другом месте - зеленые летние листья. Нередко это - нереальные элементы и формы, которые мы не встречаем в природе, например, гора из пластмассы и стали. Сцены, имеющие особое семантическое содержание, могут быть также отмечены отрицательным эмоциональным тоном. Имеется в виду страх и тревога, холодность или особая возвышенность тона. Или же это могут быть формы, напоминающие о чем-то сюрреалистически-гротесковом. Определенную роль может играть также смутное чувство чего-то ужасного, неопределенный страх и т. п., хотя это состояние и трудно описать, перечислив свойства этого состояния. Пациент учится отдавать себе отчет о

господствующем эмоциональном тоне и сообщать о нем при помощи упомянутой вербализации эмоциональных элементов образа. Психотерапевт, имеющий большой опыт чтения *сновидений наяву* и хорошо знакомый с символикой образов, сможет постепенно проникнуть в самые тонкие разветвления несущих конфликт элементов образа. В этом заключается целое искусство, которое благодаря этому можно освоить.

Опишу теперь несколько характерных фиксированных образов или мотивов препятствия-недопущения, которые в качестве невротических признаков можно встретить в отдельных стандартных мотивах на первых сеансах. Потом я остановлюсь на том, как впоследствии с ними дальше следует обращаться и как их терапевтически можно использовать, чтобы дать пациенту возможность разобраться в своих бессознательных конфликтах.

На примере *течения ручья* можно легко изучать мотивы препятствия-недопущения, когда вначале, хотя бы на протяжении некоторого отрезка пути, удастся проследить за течением ручья, а потом это становится невозможным. Ручей может исчезнуть в большом отверстии в земле, чтобы после некоторых поисков снова выйти на поверхность через многие сотни метров. Ручей может заканчиваться в каком-то пруду или деревенской луже, в запруде, из которой, как видно, он больше не вытекает. Но так как цель следования ручья заключается в сохранении непрерывности и постоянства течения именно благодаря дальнейшему прослеживанию течения воды, психотерапевту не следует отказываться от попытки каким-то образом еще, пусть даже незначительно, побудить пациента поискать продолжение ручья. Мы просим его, таким образом, поискать с другой стороны деревенской запруды какой-нибудь маленький вытекающий ручеек. Мы наводим пациента на мысль, что, собственно говоря, здесь что-то должно было бы вытекать. Более неприятная ситуация, когда ручей вдруг преграждает бетонная

или деревянная стена, или же когда ручей становится все мельче и исчезает, просачиваясь в песок, а дальше продолжается сухое русло ручья. Часто при этом особенно характерна последовательность препятствий подобного рода: сначала это только сужение ручья, потом появляется большой водоем, водохранилище - и больше из него ничего не вытекает.

Ведение *сновидения наяву* предполагает, что в случае появления препятствия пациенту всегда дают найти какой-то выход, который соответствовал бы природе данного мотива. При этом определенную роль, естественно, также играют энергия и активная мотивация пациента в стремлении найти этот выход. В мягкой форме определенное суггестивное воздействие может заключаться в том, что психотерапевт дает почувствовать пациенту свою убежденность, что, благодаря внимательному рассмотрению деталей и благодаря поиску, все же появится возможность преодолеть препятствие. Необходимо также признавать непреодолимые границы, даже если это сначала разочарует пациента.

Пример (15)

Яркий наглядный пример подобного препятствия-недопущения течения ручья произошел во время лечения уже упоминавшегося ранее студента-физика, страдающего неврозом навязчивых состояний. Сначала он увидел бурный поток. Вода быстро неслась на расположенный уступом в центре ландшафта порог, где она мощным водопадом падала вниз. Попытка увидеть конец водопада не удавалась. Вместо этого становилось ясно, что здесь была глубокая впадина, и вода должна была падать бесконечно далеко. Падая, вода испарялась, не достигая следующего, более глубокого уровня.

Это обстоятельство нужно было для начала просто принять к сведению. Должен признаться, что это произвело на меня очень сильное впечатление и не менее сильное впечатление на моего пациента. Впрочем, ему самому казалось даже несколько грандиозным, какие величественные картины природы он смог мне описать. С символической точки зрения, энергия водного потока растворялась в себе самой. Это как бы указывало на то, что все, в конце концов, было тщетным, напрасным, бесконечным, колоссально трудным и уже больше неповторимым в условиях данного ландшафта. Это, между прочим, очень архаичный пример, указывающий на очень раннее нарушение (связанное со структурой Я). Предыстория пациента давала достаточно оснований для такого нарушения именно на первом году жизни. Это, однако, не мешало лечению, и в ходе длительной психотерапии удалось значительно помочь пациенту.

Другим вариантом проявления мотива препятствия-недопущения при прослеживании течения ручья может быть парадоксальность, когда, отрицая реальность, ручей течет, поднимаясь вверх, или волнами то поднимается на пригорки, то спускается с них. Из этого, по меньшей мере, можно сделать вывод, что такой человек не очень серьезно относится к физическим законам природы, поэтизирует или как-то иначе искажает реальность, то есть склонен предаваться иллюзорным представлениям.

Одно из условий стратегии ведения *сновидений наяву* предполагает, что через определенные промежутки времени пациента - при помощи стандартных мотивов - нужно всегда вновь подводить к мотивам препятствия-недопущения, иначе говоря, к фиксированным образам, правда, делая это осторожно и без прямой и слишком резкой конфронтации. Психотерапевтическая работа заключается здесь в точном описании наблюдаемых деталей, в попытке описания вызванного этим образом эмоционального тона пациента или элементов настроения мотива ландшафта. И

наконец, пациент должен попытаться (возможно, при помощи поддерживающих указаний психотерапевта) отыскать, путем собственных пробных действий, как лучше всего можно было бы преодолеть соответствующий мотив препятствия-недопущения, препятствия. Сводя все это к одному правилу, можно сказать, что, как правило, всегда помогает, если обратить внимание пациента на какую-нибудь лежащую поблизости деталь, которую, в связи с этим мотивом, он должен очень точно рассмотреть и описать. За этим может тогда легко последовать феномен преобразования, и каким-то образом может найтись (может быть, после неопределенного высказывания-предложения психотерапевта) какая-то возможность неожиданного для психотерапевта решения или выхода. Следовательно, не психотерапевт должен находить решение и делать конкретные предложения по решению проблемы. Ему следует ждать соответствующего данной ситуации решения, которое, как правило, и появляется (при определенном терпении психотерапевта). Делается это путем тонкой работы с какой-то деталью фиксированного образа. Для пояснения приведу следующий пример.

Пример (16)

Пациентка ползет через низкий туннель. Справа к ее ногам в туннель втекает ручей, сырость которого неприятна. Она ползет дальше, видит, как перед ней постепенно появляется отверстие, до которого она и добирается. Я прошу ее осторожно глянуть вниз, и она видит, как вода падает глубоко вниз по скалам. Тогда она садится на корточки и не знает, как ей пробираться дальше. Я прошу ее оглядеться вокруг и спрашиваю, нет ли где-нибудь вокруг этого пролома возможности спуститься. Она говорит: “Нет”. После этого я прошу сначала ее очень точно и со всеми деталями описать водопад. Шаг за шагом ей это удается.

Она наслаждается природной красотой водопада. В качестве следующего шага я прошу ее обследовать взглядом лежащий ниже более глубокий уровень, на который падает вода. В результате это тоже удастся, и перед ней открывается в целом зеленый, плодородный и приятный ландшафт, хотя и с бурным ручьем. Она чувствует теперь себя лучше, а напряжение казавшейся вначале опасной и уязвимой ситуации смягчилось. Теперь я опять попросил ее посмотреть на отвесные скалы слева и справа, чтобы, может быть, все же найти возможность для осторожного спуска. И это теперь тоже происходит: она обнаруживает, что прямо около пролома выбито несколько ступенек и протянут трос, за который она может держаться. Она медленно спускается по этим грубо выбитым ступеням, которые затем превращаются в небольшую тропу.

Конечно же, от мужества и решимости пациентки зависит, захочет ли она последовать по этому неудобному и трудному спуску. Другой, быть может, мог бы, испугавшись, от этого отказаться. Однако, по сути, у нее вряд ли нашелся бы какой-то другой выход. Я немного подбадриваю ее, говоря, что в крайнем случае она могла бы вновь вернуться обратно. Впрочем, ряд признаков уже наверняка свидетельствует о том, что здесь есть испытанный спуск.

Помощь такого рода психотерапевт должен оказывать трезво и здраво - таким образом, чтобы у пациента возникало доверие, и, в то же время, чтобы она соответствовала реальности. Психотерапевт формулирует свои высказывания так, как если бы данная сцена происходила совершенно реально перед глазами пациентки, со всеми своими нюансами. Этому моменту я придаю большое значение. Цель при этом состоит в том, чтобы побудить пациента при подобных пробных действиях в этой квазиреальной сцене к полным ответственности за себя, взрослым поступкам. Таким путем он учится подходящим образом обходиться с реальностью, действовать в ней и утверждаться в ней самому. Поэтому в

Кататимном переживании образов мы в принципе избегаем предлагать пациенту магические, иллюзорные или чудесные решения, за исключением очень ранних фаз психотерапии.

Естественно, что если фаза *сновидения наяву* на каком-то сеансе завершится мотивом препятствия-недопущения или фиксированным образом, то это не очень ободрит пациента, и он будет чувствовать себя как бы в безвыходной ситуации, не имея решения проблемы. Поэтому психотерапевту нужно, в целом, стремиться к доведению сеанса непосредственно до решения задачи. Хотя это и не является непременным условием, но все же предпочтительнее отпускать пациента с некоторым переживанием успеха. Завершающее возвращение к исходной сцене образа, например, к изначальному лугу после восхождения в гору, позволяет сравнить конечную сцену с начальной. Тем самым можно зарегистрировать *феномены преобразования* в положительном и отрицательном направлении. Они дают пациенту и психотерапевту представление, каким образом бессознательно прорабатывался прошедший сеанс.

4. Психотерапевтическая работа с фиксированными образами

При столкновении с мотивами препятствия-недопущения и фиксированными образами психотерапевту может показаться соблазнительной попытка предпринять активное, конструктивное решение проблемы. Желая помочь пациенту облегчить его задачу или показать ему свою власть, у начинающего психотерапевта может возникнуть соблазн слишком прямо (явно суггестивно) вмешаться или действовать слишком инструментально (при помощи технических вспомогательных средств). Пациента же, напротив, следует вести как можно менее суггестивно. В крайнем случае психотерапевт должен только делать предложения

и структурировать. Уже в вопросе, следует ли нам оказывать пациенту непосредственную (инструментальную) помощь, мы стали очень сдержанными и осторожными, пытаюсь вместо этого путем проясняющих указаний побудить пациента к детальному описанию или помочь ему путем конкретизирующих либо подбадривающих формулировок (см. выше). *Технические инструменты* мы предлагаем только в виде исключения. Особенно это относится к разрушающим действиям, направленным на преодоление тяжелых препятствий. Отвергаются, например, заряд пороха, динамит, мина или ручная граната, как и любые другие взрывные устройства. Отказ от использования технических инструментов обусловлен двумя причинами. С одной стороны, пациент попадает тем самым в зависимость от нас, и психотерапевт слишком легко может войти в роль мага сновидений. С другой стороны, мы не хотим показывать пациенту образец подобного поведения, обучая его стремиться к нетерпеливым, агрессивным или нереалистичным (т. е. иллюзорным) решениям проблемы. То, что мы рекомендуем ему в *сновидении наяву*, он потом очень легко переносит также в свою реальную жизнь и пытается решать там межличностные проблемы при помощи похожих невротически-нетерпеливых и недальновидных, а также авторитарных установок и действий. Речь идет о том, чтобы усилить навыки зрелого *Я* пациента благодаря тому, что я предлагаю ему искать дифференцированные, отвечающие реальности возможности решения. Это усилие должно в значительной мере соответствовать структуре бессознательной мотивации пациента, его взглядам и его жизненному опыту, которые психотерапевт, однако, не может сразу полностью охватить из-за их сложной структуры. Директивные мероприятия часто имеют ошеломляющий характер.

Некоторые же пациенты, со своей стороны, также склонны к лихим решениям или “насильственным действиям”, чтобы быстро и эффектно преодолеть мотивы

препятствия-недопущения. Как правило, это приводит к скоропалительным кажущимся успехам или даже к усилению защиты и сопротивления, которые как раз и выражаются в мотивах препятствия-недопущения. Приведу характерный пример этому.

Пример (17)

Начинающий психотерапевт, специализирующийся по методу КПО, проводит лечение 23-летнего пациента, страдающего неврозом с навязчивой структурой, испытывающего трудности в контактах с другими людьми. Пациент увидел себя на лугу, окруженным забором из колючей проволоки на небольшом, квадратном наделе. При внимательном рассмотрении он не обнаруживает никакой калитки или чего-то подобного, чтобы можно было выйти. С диагностической точки зрения, он находится в нередком для пациентов с навязчивой невротической структурой состоянии: они чувствуют себя сильно стесненными, как бы скованными своей внутренней или внешней ситуацией.

Здесь перед психотерапевтом возникает вопрос (и у него, к сожалению, нет достаточно времени на размышление): что ему следует делать в подобной, возможно, безобидной, но, может быть, и затруднительной ситуации. Во всяком случае, он не решится закончить сеанс в таком фрустрирующем состоянии. Пациент находится посреди угрюмого ландшафта. Сцена производит на него довольно сильное впечатление, и пациенту кажется, что он как бы заперт. Однако явной опасности нет. У нашего молодого коллеги возникает жажда немедленных действий, и, руководствуясь лозунгом: “Препятствия существуют для того, чтобы их преодолевать”, - он поистине лихо приступает к делу, предлагая пациенту инструментальную, суггестивную помощь. Он дает ему в его образе ножницы для

резьбы по металлу, чтобы пациент мог просто разрезать проволоку. Сначала эта попытка имела успех. Но результат все же оказался иным, чем оба они предполагали: забор неожиданно превратился в высокую, мощную стену - высотой около 2 м. Бессознательная психодинамика невротического стеснения явно оказалась сильнее, чем ее можно было бы преодолеть при помощи этого простого инструментального акта (что подтверждает сказанное выше). Но, не оценив этого и не увидев в этом признака усиления сопротивления, наш коллега (в определенной мере следуя своему импульсивному порыву) попытался ввести тогда следующее техническое средство. Он внушает пациенту, что теперь у него есть лестница и он должен перелезть по ней через стену. Пациент, с одной стороны, по необходимости, а с другой, послушно следуя предложению психотерапевта, выполняет это указание. Однако в этот момент стена вырастает до бесконечности, и через нее теперь невозможно перелезть.

В результате пациент и психотерапевт в одинаковой мере оказываются в безвыходном положении.

Приведенный пример показывает, как часто не удается достигнуть ожидаемого результата, если пытаться преодолеть мотивы препятствия-недопущения чисто техническими средствами, т. е. непосредственно инструментально. Эффект оказался прямо противоположным, а именно - драматически усилились механизмы защиты. За мотивом препятствия-недопущения скрывается глубококоренящаяся психодинамика, а ее как раз и нельзя преодолеть одним инструментальным воздействием.

Из этого репрезентативного для похожих случаев примера можно извлечь важный урок, как поступать с мотивами препятствия-недопущения. Любое прямое и наступательное действие против них всякий раз будет терпеть неудачу, если психотерапевт в каждом конкретном случае детально не продумывает величину и

глубину, а также значение этих защитных структур. Суть дела здесь в том, какое значение в общей системе защиты *Я* пациента имеет в этот момент рассматриваемый мотив препятствия-недопущения. Во всяком случае, в приведенном примере он имеет особо важное значение, так как представляемое здесь сильное сужение уже давно глубоко интегрировано в структуру характера пациента.

Но, несмотря на сбор анамнеза и данных психотерапии, психотерапевт часто не полностью представляет себе бессознательную структуру мотивации пациента. Поэтому имеет смысл описанная выше *стратегия маленьких шагов* и обращения к творческим началам пациента, включая работу с деталями.

Что же касается самих механизмов защиты, то изложенная позиция основывается на знании, что механизмы защиты выполняют важную защитную, предохранительную функцию прежде всего для самого же пациента. Поэтому он не может сразу же и быстро от них отказаться. Если речь идет о реактивном образовании, т. е. о приобретенной манере поведения, коренящейся в невротической структуре характера, то от них тем более невозможно отказаться. Поэтому защитные образования часто имеют экзистенциальное значение для человека. Разумеется, это не исключает, что в ходе психотерапии по методу КПО они могут постепенно разрешиться - зачастую примечательным образом - и мобилизовать подавленные витальные импульсы.

Мне бы хотелось ограничиться данным примером, чтобы обосновать, почему инструментальное техническое воздействие на мотив препятствия-недопущения, с психотерапевтической точки зрения, редко приводит к ожидаемой цели. Это относится и к такому варианту преодоления мотива препятствия-недопущения, как волшебная палочка. Этот прием исходит из техники *сновидений наяву* французского исследователя R.Desoille [8]. К.Thomas [78] перенял мотив

волшебной палочки на высшей ступени аутогенного тренинга. Однако он, очевидно, недооценил, что таким образом врач не только предлагает пациенту магическое решение, но и как бы одалживает ему в форме волшебной палочки свою собственную фаллически-мужскую силу (которой, как видно, недостает пациенту). В сценах КПО такие решения часто производят чрезвычайно драматичное воздействие, но все же оказываются несостоятельными в плане желаемого нами органического развития психотерапевтического процесса, так как ведут по пути иллюзорного, инфантильного решения проблемы, втайне ожидаемого многими невротиками. Описанное выше, обусловленное реальностью решение проблемы, которое несет зрелое Я, они забывают из-за невротического нетерпения, или же оно им оказывается вообще чуждым.

Что же можно было бы предпринять в нашем примере, с точки зрения более эффективной техники психотерапии?

Психотерапевт мог бы направить своего пациента, как уже упоминалось выше, детально заняться рассмотрением доставляющего неприятность фиксированного образа. Пациенту следовало бы, таким образом, более детально и точно рассмотреть забор из колючей проволоки и исследовать эти детали, как это и сделал бы он в реальной жизни. Прежде всего следовало бы более подробно обговорить с пациентом, как относиться к преодолению данного препятствия, и даже можно было бы обсудить с ним детали какого-то возможного решения. Из этого психотерапевт узнает о внутренней установке пациента по отношению к данной проблеме. Настроен ли он оптимистически - или же склонен к смирению и пессимизму? Боится ли он чего-то или готов к рискованным действиям? Психотерапевту следовало бы также побудить пациента подумать, какие собственные предложения по решению проблемы могли бы прийти ему в голову. В нашем примере психотерапевт мог бы вставить замечание об ожидании того, что

из ситуации сужения забора мог бы быть выход. Или же в еще более сильной форме: психотерапевт мог бы сказать, что он представить себе не может, что из этого положения нельзя найти выход.

Если сформулировать это более осторожно, то можно сказать: “Мне все-таки кажется, что...; я не могу себе представить, что...; Вам все-таки нужно попробовать, не получится ли...?”

И наконец, психотерапевт может напомнить в этом случае о том, что в похожих положениях, будучи детьми, мы пробовали приподнять нетуго натянутую колючую проволоку, чтобы под ней проползти. Может быть, где-то он сможет найти место сплетения двух концов колючей проволоки - там ее можно было бы раскрутить. Эти действия зависят от активности *Я* пациента, которую психотерапевт не может подменить. Он не должен в определенном смысле “подталкивать” его что-то сделать. Во всяком случае, такие попытки следует начинать каждый раз наименьшими и самыми деликатными средствами, принимаясь за какую-то определенную деталь, чтобы ее выделить. Так как обычный пациент, как правило, не знаком с описываемой здесь техникой, ему требуется руководство (инструктаж) психотерапевта. Спонтанные тенденции пациента редко бывают хорошей путеводной нитью для прорабатывания мотивов препятствия-недопущения. Они реагируют, исходя из своей невротически искаженной установки.

Мне хотелось бы пояснить еще одно техническое решение в приведенном выше случае замкнутости пациента с навязчиво-невротической структурой. Предположим, что описанная до этого техника не увенчалась успехом и пациент остался и дальше запертым на своем наделе. Психотерапевту остается тогда только один выход: прервать переживание образов - это, с психотерапевтической точки зрения, разочаровывающий и неудовлетворяющий конец. В качестве альтернативы

можно было бы спросить пациента об эмоциональной стороне этой мрачной и несчастной ситуации. Пациент должен был бы сконцентрироваться на преобладающем чувстве замкнутости, невозможности вырваться наружу и т. п. - и подробно это описать. С психологической точки зрения, это означает: он должен признаться себе и своему психотерапевту, что оказался в положении, из которого не может найти выход, и следовательно, что он так же слаб и беспомощен. С определенной осторожностью, *cum grano salis*, то же самое можно сказать и о психотерапевте. Признание подобного рода психотерапевту следует принять совершенно нейтрально как объективное понимание существующего в данный момент прозаического факта. Готовность пациента признать эту открывшуюся в ходе сеанса так называемую слабость следует считать его силой и осторожно похвалить. В то же время он должен также показать свое понимание и сочувствие в этой сложной ситуации. Тем самым он добивается укрепления Я, которое можно подкрепить в последующей беседе. Если пациент сам достаточно опытен и коммуникабелен, то происходящее в образе сужение может быть взято под контроль - может быть, лучше еще во время самого состояния расслабления. Возникновению ассоциаций можно способствовать при помощи вопросов о похожих безысходных эмоциональных ситуациях последнего времени, т. е. из реальности повседневной жизни, а также из более раннего опыта, насколько еще можно вспомнить.

Вопрос о настроении и эмоциональном тоне сцены устанавливает при этом связь с латентными воспоминаниями. Тем самым удручающий образ *сновидения наяву* мог бы найти свое место в системе уже хорошо знакомых переживаний. Этого было бы достаточно, чтобы указать пациенту также и на явно присутствующую в этом образе центральную проблему его невроза. Беседа такого рода принадлежит к уже упоминавшемуся типу редукции негативных аффектов и помогает в случае,

если проблема с фиксированным образом не может сразу же найти облегчающее решение.

Этим способом я как бы немного предвосхитил ассоциативную технику *средней ступени* КПО, направленную на поддержку приходящих в голову идей и ассоциаций. Более подробно я это обсуждаю на с. 160 - 163.

Подводя итог, можно сказать: мотивы препятствия-недопущения как эквивалентные невротические формы защиты и сопротивления проявляются не так уж часто и не только в относительно характерной форме. В качестве целевого момента психотерапевтического процесса их можно осторожно, но в то же время эффективно прорабатывать, используя определенные тактические приемы. По этим изменениям легче всего можно наблюдать развитие психотерапевтического процесса. Прежде всего, это видно по феноменам преобразования. Отчасти фиксированные образы имеют поверхностный характер и очень быстро преобразуются сами по себе или в ходе психотерапии. Отчасти же, однако, они глубоко коренятся в человеке в качестве интроектов, т.е. центральных значимых лиц, или в качестве стабилизирующих механизмов защиты *Я*.

Завершая это занятие, мне хотелось бы высказать общее замечание относительно предлагаемой психотерапевтической стратегии в обращении с фиксированными образами и КПО в целом. Речь идет о неоднократно отмечаемых репрезентациях (представителях) сопротивления и защитных механизмов, служащих пациенту защитой от бессознательных импульсов и страхов. Как и в повседневной жизни, в глубинно-психологической терапии защита и бессознательные импульсы часто противостоят друг другу. Здесь следует, кстати, напомнить, что при этом они находят друг с другом компромисс в случае образования симптома или при символическом представлении в КПО.

В ходе психотерапии можно выбрать две возможные стратегии.

1. Ущемленный защитой импульс можно поддержать, т. е. он усиливается при помощи соответствующих воздействий (интервенций) психотерапевта. Например, можно спросить пациента или обратить его внимание на этот импульс, можно подбодрить пациента, чтобы он освободил его. Это может произойти, когда этот импульс входит в сознание или когда он отражается в его действиях. В желаемой форме это удастся лишь в весьма ограниченном виде. Скорее, существует опасность, что из-за усиления вытесненных страхов и импульсов усилятся сдерживающие их механизмы защиты. Это похоже на то, как если бы зажатого, ограниченного в своей активности пациента подбадривали бы все же ударить-таки кулаком по столу. Но это не удастся, будь то из-за страха перед последствиями или из-за большой зажатости вообще. Только в совершенно определенных условиях сильный прорыв аффекта может иногда оказать разряжающее действие в смысле отреагирования. Однако это уже другая тема и здесь не обсуждается.

2. Опыт КПО параллельно с опытом психоанализа учит, что *первостепенное внимание* психотерапевта не должно относиться к стремящимся спонтанно осуществиться в КПО импульсам, соответственно желанию пациента. Это желание заключается у него в наивной тенденции проявить себя во всей полноте вследствие состояния расслабления, разгрузки. В первую очередь внимание должно уделяться механизмам защиты и их последующему прорабатыванию, т. е. мотивам препятствия-недопущения и фиксированным образам. Я вспоминаю о формах запруживания течения ручья, с постоянно повторяющимися попытками найти на этом месте решение, чтобы вода все же могла течь дальше. Затем я имею в виду пациентку, которая сначала безнадежно смотрела сверху на водопад, а потом, после того, как она занялась деталями сцены, постепенно все же нашла спуск. Работать над фиксированными образами, таким образом, гораздо важнее, чем над воплощающим импульсы материалом. Провал попытки усиления импульса

особенно ярко виден на примере пациентки, окруженной забором из колючей проволоки. Попытка разрезать забор специальными ножницами соответствует усилению импульса - стремления выбраться наружу, осуществляемого здесь посредством подачи этого “технического инструмента”.

Мой подход состоял, напротив, в уже упоминавшейся детальной работе с репрезентацией сопротивления, в данном случае с колючей проволокой. Таким образом, я концентрирую внимание на сопротивлении и акцентирую тем самым его критическое рассмотрение. Тогда, как показывает опыт, помехи и ограничения сами собой ослабевают, что и продемонстрировано на этих примерах. Тогда импульс напрямую находит возможность миновать ослабленное сопротивление и достичь своей цели. Тем самым прежде недоступные для использования стабильные образные конгломераты фиксированных образов переводятся постепенно в гибкое, изменяемое состояние, т. е. в переменные, изменяющиеся образы. Достигнутая степень свободы проявляется на следующем сеансе КПО в преобразовании мотивов препятствия-недопущения и в описанном выше синхронном преобразовании. Я имею в виду, например, изменение открывающейся на вершине горы панорамы по мере продвижения лечения. В этом заключается верный признак того, что началось внутреннее переструктурирование, т. е. преобразование *Я* и его защитных структур. В определенных условиях за этим следует улучшение симптоматики и нарушенного социального поведения пациента. Это иллюстрируют более ста казуистических (выполненных без привлечения статистики и использования психологических тестов) описаний случаев [4, 28, 45, 46, 76].

(5) КПО помогает решению повседневных проблем

1. Трансфер символических пробных действий

Создавая метод КПО, мы опирались на глубинно-психологическую теории сновидений, согласно которой необходимо прежде всего содействовать раскрытию бессознательного символического материала. Самому пациенту не так легко понять значение своих образных представлений, которые избегают резкого раскрытия конфликтов. В результате они стремятся активизировать механизмы защиты, например, такие, как интеллектуализация. Как известно, это в целом соответствует преимуществам проективных методов. Кроме того, образно символические структуры еще имеют преимущество в том, что они охватывают широкий диапазон множества значений, в том числе подчиняясь принципу *сгущения* и *амбивалентности*, а также *компромиссного образования* между защитой и импульсом (между инстинктивным побуждением и необходимостью его сдерживать). Отсюда становится понятной высокая степень эмоциональной обязательности символики КПО, т. е. ее зависимости от закономерностей внутренних эмоциональных переживаний.

Трансфер (перенос) символических пробных действий на реальное поведение пациента основывается на накопленном за несколько десятилетий опыте использования КПО, а также на более новых теориях, описывающих техники использования имажинаций, о которых речь еще впереди. Для такого трансфера необязательно нужны дальнейшие психотерапевтические шаги путем вмешательств (интервенций) или техник, которые активно воздействуют на

повседневное поведение пациента. При правильном использовании КПО трансфер происходит, скорее всего, отчасти спонтанно. Здесь совершенно явно представлено бессознательное самодостижение способного к обучению Я. В связи с этой проблемой мне уже много лет постоянно задают вопросы мои коллеги-психотерапевты: “Каким образом мы переносим переживания в КПО на изменение невротического поведения?”

Ответ дают теоретические результаты исследования имажинаций [27], согласно которым, психика принимает воображаемый мир почти точно таким же образом, как и реальный мир. Прежде всего это касается поведения при научении.

Практическое использование этого известно на протяжении ряда лет на примере “ментального научения” в спорте и на примере “замаскированной поведенческой терапии”. В КПО к этому добавляется и то, что пациент находится в измененном состоянии сознания. Образные представления и решения проблем в имажинациях оказывают, в соответствии с этим, обратное суггестивное влияние на Я.

Приведу наглядный пример трансфера символического пробного поведения из нашей повседневной жизни. Читателя не должно удивлять необычно короткая длительность психотерапии в данном случае. Здесь речь идет об одном из тех редких случаев подострой кризисной ситуации, когда симптомы можно компенсировать при помощи КПО настолько быстро и скоро, что на это потребовалось всего 4 сеанса.

Пример (18)

17-летний гимназист, родившийся и выросший в ГДР, после переселения, вместе со своей семьей, в ФРГ заболевает на фоне аутистического пубертатного кризиса. Врачи подозревают у него начинающуюся гебефренную шизофрению, что нельзя

полностью исключать. Неразговорчивый, замкнутый и с застывшим лицом он рассказывает, запинаясь, историю своей жизни. Он жалуется на резкие головные боли, органическую причину которых установить не удастся. Будучи до переселения довольно хорошим учеником, в новой школе он оказывается полностью несостоятельным. Симптомы появились 4 месяца назад, сразу же после переселения.

В *Кататимном переживании образов* спонтанно появилась пещера у подножия горы. Я попросил пациента понаблюдать за входом в пещеру на расстоянии (как мы обыкновенно делаем, работая с мотивом опушки леса). Спустя некоторое время оттуда вышел великан со свирепым лицом, похожий на духа Исполиновых гор Рюбецаля. Однако он в нерешительности останавливается у входа в пещеру и, в конце концов, подает пациенту знак подойти к нему. Я побуждаю его последовать за великаном. Тот ведет его в пещеру и показывает ему там свой собственный мир: ландшафт с рекой, с виноградниками, кладовыми и хлевом полным коров - почти что маленький, роскошный рай. Я советую пациенту спросить великана о причинах его ухода от мира. Великан отвечает, что бежал сюда, потому что его сторонились и потешались над ним.

На следующих трех сеансах переживания образов, длительностью по 50, минут я побуждаю пациента вывести великана из пещеры обратно в мир людей. Сначала великан встречает крестьян на поле. Преодолев скованность (сопротивление), он был готов помогать в работе. Входя в близлежащую деревню, он сначала в нерешительности остановился. Я прошу описать мне детали и побуждаю великана войти. Потом он совершает более продолжительные прогулки по деревням и городам. Всякий раз, когда появляются скованность, страх или боязнь, я прошу описать эти состояния и даю подбадривающие указания. В ходе этих экскурсий образ великана раз от разу уменьшается. Один раз, сжавшись до размеров ребенка,

он улегся в детскую кроватку пациента в его прежней квартире. Я даю ему отдохнуть. С еще большей энергией и силой он вскоре вновь появляется среди работающих крестьян.

На третьем сеансе пациент сообщает о примечательном синхронном преобразовании. В то время как прежде река была тесно зажата двумя скальными мысами, теперь они расступились. Вдоль ничем не стесненной реки протянулась широкая дорога, а рядом появилась гостиница. В плане нарушений общения и трудовой деятельности пациента мне теперь кажется важным распространить этот процесс также и на более оптимальное поведение общения. Великану, который тем временем сжался до размеров нормального человека, я советую в КПО наняться коридорным в гостинице. Там ему встречается много людей, которые приходят и уходят, а он им помогает. В этих ситуациях, которые воспринимаются пациентом на полном серьезе, великан завоевывает доверие. Живущий прежде в уединении и никем не признанный великан становится человеком, который принимает на себя хотя и скромную, но все же уважаемую и социально нужную роль.

После четвертого сеанса пациент сообщает, что головные боли почти совсем исчезли. Психически он теперь не только производит впечатление более открытого, более разговорчивого и эмоционально более раскованного человека, но и впервые установил более близкие отношения со сверстниками в своем новом классе. Вскоре после этого он даже участвовал в федеральных спортивных соревнованиях и опять начал приносить домой хорошие оценки.

В этой экстремально короткой психотерапии прежде всего ясно отразились аутистичная замкнутость и далекие от жизни ожидания пациента, связанные с желаниями всеисилия и всемогущества (великан), а также с отказом от столкновения с конкурентами. Несмотря на это, все же удивительно, что за синхронным преобразованием в КПО (река) вскоре следует непосредственное

изменение реального поведения. Клиническая картина при первом обследовании была довольно примечательной, тем более примечательно было изменение поведения благодаря психотерапии. Знакомый с психоанализом человек видит, что здесь затрагивается только совершенно определенная часть незрелого *Я* проходящего пубертатное становление пациента. При этом, однако, явной коррекции одновременно подвергаются его объектные отношения.

Возникшая ситуативно в результате смены социальной среды (переселения) реакция оставалась после проведенной психотерапии компенсированной в течение года. Потом молодой человек обратился вновь в связи с предстоящими ему экзаменами на аттестат зрелости, а именно - с легким психогенным параличем руки. Глубоколежащие части конфликтной проблематики пациента, конечно же, не могли быть проработаны за 4 сеанса. Но, к сожалению, он не был мотивирован продолжить психотерапию по методу КПО.

Для полноты следует отметить, что продемонстрированный в данном примере трансфер изменения поведения на уровень реальной жизни ни в коей мере не происходит всегда и столь непосредственно. Чаще внешняя адаптация отстает, или же шаг за шагом можно видеть только небольшие частичные результаты, которые в течение длительного времени могут вообще не наступать.

Подобные клинические примеры непосредственной реакции на символдраму имеют высокую степень очевидности. Но этим, однако, еще ничего не сказано о психодинамических процессах и о том значении, какое они имеют для желаемого клинического процесса исцеления.

2. Прямое представление реальных ситуаций

Представление самих реальных ситуаций долгое время оставалось на заднем плане из-за того психотерапевтического эффекта, который оказывала символдрама. Однако при помощи данной, описываемой на следующем примере техники можно добиваться весьма быстрых и позитивных решений проблемы и изменений поведения. Это подтвердили также указанные вначале теоретические результаты и другие практические исследования. Здесь на первый план снова выходит острая психотерапевтическая проблематика. Она исходит из реальных сцен. В противоположность теории поведенческой психотерапии, которая в нарушении поведения и, следовательно, в симптоме уже видит невроз и отвергает бессознательные процессы, мы и в описываемой здесь технике следуем основополагающей концепции символизма. Ибо представляемым реальным сценам также присущ широкий смысл. Он включает прежние аналогичные структуры переживаний.

Но в реальных сценах эти генетические составляющие непосредственно и осознанно не проявляются. Поэтому в ходе психотерапии мы отодвигаем их на задний план или задеиствуем только тогда, когда с ними устанавливается ассоциативная связь.

Представление реальных сцен может предложить решение многих проблем. В противоположность первостепенному раскрытию бессознательных констелляций и их постепенному прорабатыванию, когда шаг за шагом они становятся все более осознанными (как, например, в предыдущем примере с великаном), здесь действуют другие предпосылки: проблема должна быть либо уже известна пациенту из его реальной жизни, или грозить нависнуть над ним. Эта проблема должна быть представима в форме конкретной сцены. Чаще всего речь идет о встрече с одним или несколькими людьми. Эта встреча, как правило, наполнена страхом, или имеются какие-то другие коммуникационные затруднения. Она

может происходить и в прошлом, что тоже может способствовать разрешению психотерапевтических трудностей. Решения проблемы могут также затрагивать сложное обращение с каким-то животным или с каким-то природным образованием, например, с горой (на которую можно слишком высоко забраться или на ней заблудиться) или с частью горы. Или это может быть достижением какого-нибудь сложного результата в спорте или искусстве. В этом отношении использование описанной техники имеет чрезвычайно широкое и вполне плодотворное поле применения. Это направление ни в коей мере до конца еще не исследовано, и я могу коснуться его лишь в ограниченном объеме.

Большой сектор прорабатывания - это *фобические ситуации*, такие как волнения, испытываемые перед выходом на сцену или публичным выступлением у актеров, музыкантов или ораторов, которые часто приводят в качестве примера. В образах человека помещают на сцену, на которой он оказывается на виду многочисленной публики.

Технически мы следуем здесь в КПО методике работы с фиксированными образами. В качестве первого шага мы просим, вплоть до деталей, описать полную страха ситуацию, вызывающий страх предмет. Затем в дискуссиях с пациентом (во время имажинации) мы ищем способ, как создать у него более доверительные отношения со сценой. Особенно эффективно это получается, если дать ему сначала *отступить*, - только потом он может постепенно, осторожно приблизиться к ситуации и т. д.

Опытному читателю ясно, что здесь мы таким образом приближаемся к подходу поведенческой психотерапии. Независимо от поведенческой психотерапии - когда ее еще не существовало - мы уже очень давно использовали постепенное приближение к вызывающему страх объекту (конфронтация символов, [39]). По этой методике можно добиться определенной градации дозирования страха. В

психоанализе освобождение страхов под защитой и покровительством психотерапевта издавна считается психотерапевтически-эффективным. Если речь идет об обращении с вызывающими тревогу людьми, то в качестве особого случая можно инсценировать в фантазии ролевую игру.

Пример (19)

32-летняя женщина, с высшим образованием, давно испытывает трудности в отношениях с партнерами. У пациентки явно депрессивная основная структура, с трудностями самоутверждения. В клинику, где она работает, недавно приняли новую сотрудницу, которая уже при первой встрече стала оспаривать у пациентки запланированный перевод на новую работу в поликлинику - и вообще вела себя очень самоуверенно и экспансивно. Она утверждала, что перевод обещал ей заведующий отделением. Это противоречило сведениям моей нерешительной пациентки, которая чувствовала, что в результате интриги ее оттеснили в сторону.

Я предлагаю в КПО ролевую игру, для того чтобы в пробном действии разыграть необходимое, на мой взгляд, выяснение отношений с конкуренткой. Я прошу представить сцену в столовой за обеденным столом, где обычно можно случайно встретиться. Сначала я прошу внимательно наблюдать и описывать появление, поведение и эмоциональное воздействие “конкурентки”. Затем я прошу припомнить, каких похожих светловолосых, экспансивных женщин ей приходилось встречать раньше. Пациентка вспоминает об аналогично доминировавшей однокласснице, которая в течение долгого времени ей очень досаждала и притесняла. Связанные с этим сцены предстают в КПО при мягком отреагировании. Затем я возвращаю пациентку к исходной сцене в столовой,

спросив, каким образом ей хотелось бы выяснить свою позицию в ситуации конкуренции и защитить свои права.

Первые попытки были нерешительными, слова подбирались невпопад, а при выяснении, что сказал заведующий отделением и т. п., суть конкретной аргументации была еще не до конца ясна. Несколько раз - и всегда по-новому - я предлагаю ей воображаемую ролевую игру с прямой речью для того, чтобы во всем разобраться. Обсуждавшиеся с ней в предыдущем образе шансы улучшились. Последним шагом стала подводящая итог ясная и одновременно энергично произнесенная аргументация. Мимика противницы теперь отражает явное отступление, с ослаблением форсированного самоутверждения.

Эта ролевая игра длилась в КПО около 20 минут. На следующем сеансе пациентка, с некоторым триумфом, сообщила, что она разобралась со своей коллегой, обе вместе поговорили с заведующим отделением - и вопрос был решен в ее пользу.

Комментарий. С психодинамической точки зрения, мой метод кажется мне последовательным: представление типичной сцены встречи, дифференцированное восприятие партнера, дифференцированное восприятие возникающих чувств и ассоциаций, связанных с ключевой фигурой из прошлого, при короткой проработке тогдашней ситуации конкуренции (сцены КПО, отреагирование); затем возврат к актуальной ситуации и совместная выработка сценария выяснения отношений в КПО, с конкретным (более зрелым) разрешением ситуации конкуренции. Меня поразило, что обычно нерешительная, легко смиряющаяся с поражением пациентка без особых трудностей смогла перенести воображаемую ролевую игру в реальную жизнь. Вспомогательными факторами были: моя активная, решительная манера ведения и предложения сформулировать

аргументацию. Тем самым я как бы дал ей на время часть моего Я; иными словами, она его интроицировала.

Реальные сцены встречи могут затрагивать также отношение к начальнику, собственную семью или партнера. Их также можно найти в прошлом и, как в реальности, проиграть, используя средства зрелого Я, а при необходимости и довести до удовлетворяющего завершения при помощи корректирующего решения проблемы. Это может привести к сильному облегчению и освобождению от травматических ситуаций, которые постоянно вновь дают о себе знать в настоящем времени.

Пример 20 показывает такую работу над реальной ситуацией прошлого.

Пример (20)

31-летний врач вспоминает об ужасных сценах школьных времен, которые ввергали его в бессильную ярость и отреченность, подрывая его чувство собственного достоинства. Его мать имела обыкновение всякий раз, когда ей казалось, что он недостаточно хорошо убрал свою комнату, вываливать на пол все из шкафа, ящиков стола и книжных полок. Вернувшись тогда домой, он обнаружил в своей комнате полный хаос. Мать потребовала сделать самую тщательную уборку. В серии сеансов КПО я прошу вновь представить эти давние сцены и подвожу его к вопросу, каким образом он мог бы преодолеть свое бессилие и научиться противостоять матери. Он находит множество версий. Один раз он жалуется, в КПО, постоянно сдержанному, нерешительному отцу, который ни разу не попытался помирить мать и сына; позднее он объединяется с ним; в другой раз он смог в полный голос высказать свои претензии матери, потребовал

восстановить порядок и пригрозил уехать из дома (в значительной мере он сделал это теперь - при помощи мужества его более зрелого Я).

На него самого эти сцены производили очень сильное впечатление. Он отреагировал прежние отчаяние, горе, ярость и гнев. Эта короткая серия сеансов включилась в более долгий курс психотерапии, но в тот момент значительно способствовала поддержке его самосознания и его уверенности. Это отразилось как на его работе, так и в отношениях с женой. В другой работе [45] я описал эту технику также как “коррекцию ранних объектных отношений”.

Техника представления реальных ситуаций имеет еще и другие преимущества. С ее помощью легко можно привлечь материал из прошлой жизни, который иначе не удавалось получить столь жизненно и пластично. Возврат в родительский дом, сцены встречи с родственниками, например, за обеденным столом в кругу семьи, способствуют чувствительности и пониманию семейной интеракционной динамики. В этом может заключаться разновидность ретроспективной семейной психотерапии.

Даже имажинация банальных повседневных ситуаций может переживаться эмоционально намного интенсивнее и выразительнее, чем в действительности. Благодаря этой технике испытуемый получает ответ на вопрос: “Как мое окружение бессознательно действует на меня?” Множество вытесненных прежде конфликтов и обстоятельств или же, наоборот, положительные сцены и поддержка воспринимались как что-то поддерживающее и подбадривающее. Эту способность углубленного переживания в состоянии расслабления, которая наступает в КПО даже без индукции гипноида, О.Фогт [79] уже очень давно, в 1895 г., назвал “микроскопом психики” для гипноза.

(6) Креативное раскрытие и ассоциативный метод

1. Спонтанное креативное раскрытие

Эта глава, на которую я много раз ссылался, имеет большое значение. Психотерапевт позволяет пациенту уже на *основной ступени* КПО отклониться от стандартных мотивов и их задач и пойти в *сновидении наяву* собственным спонтанным путем. Следовательно, совсем не обязательно выполнять один мотив за другим строго в изложенном порядке, при котором пациент остается точно фиксированным на поставленном задании и его выполнении.

На многих семинарах, в рамках техники *основной ступени* КПО, открывалась ранее опробованная возможность слегка активизировать креативные (творческие) способности при *Кататимном переживании образов*. Пациент, как и добивающийся решения проблемы художник или ученый, может en miniature спонтанно или при помощи некоторых упражнений найти активные решения и развернуть свою фантазию. Совместно с Эрикой Ландау [36] я занялся исследованием этого вопроса, и мы обнаружили, что в ходе разворачивающегося психотерапевтического процесса КПО у пациента появляется все больше творческих наклонностей. Это проявляется уже в том, что *сновидение наяву* по своему содержанию становится шире, красочнее и более насыщенным действенными импульсами. При этом в обращении с фиксированными образами

или мотивами препятствия-недопущения находится все больше творческих решений.

Другая форма креативного раскрытия заключается в самостоятельной активности пациента в кататимной панораме, проявляющейся независимо от основного мотива и выраженной более экспансивно.

Креативный потенциал проявляется на образном материале в *двух феноменах*:

А. Психотерапевтически наиболее продуктивное креативное раскрытие протекает относительно спокойно и направлено прежде всего на расширение панорамы, которое происходит само по себе и развивается все сильнее, а также на обогащение панорамы элементами природы и увеличение количества людей и животных. В конечном счете оно проявляется в тонких, отдельных психотерапевтических шагах. С их помощью пациент все лучше постигает, что структуры, фиксированные на мотивах препятствия-недопущения, больше раскрепощаются и начинают конструктивно и самостоятельно разрешаться. Это позволяет наблюдать в ходе психотерапии креативный процесс обучения. Не в последнюю очередь его также инициирует открытость и высокая оценка психотерапевтом расширения кататимной панорамы и появляющихся попыток решения проблемы. На последующих ступенях КПО креативное поведение при решении проблемы распространяется на межличностные отношения, будь то преимущественно в символическом облачении, например, на мотиве ландшафта (ср. **пример 10**, с. 74 - 75) или в реальных сценах, как описано выше.

Б. Пациент сам формирует заданный ему *кардинальный мотив*. В этом случае психотерапевт должен сохранять за пациентом свободу и позволить ему еще более отклоняться от заданной темы. Например, начав с мотива луга, пациент может предпринять какую-то прогулку или, следуя вдоль ручья, остановиться на каких-то

деталях, или пойти внутрь ландшафта. Можно отклониться от заданной темы и отвлеченно рассказывать, какие мысли и ассоциации, из своего личного опыта, приходят в связи с этим мотивом. Используемый здесь собственно ассоциативный метод - это техника *средней ступени* КПО, на которой я еще подробно остановлюсь в следующем разделе.

Как же психотерапевт со своей стороны может способствовать креативному раскрытию *сновидения наяву*? Это - важный вопрос при вовлечении на первых сеансах пациентов, испытывающих трудности с самораскрытием. Пока психотерапевт действует преимущественно в рамках академической инструкции, существует опасность подавления спонтанного раскрытия. Если после представления основного мотива - например, луга, ручья, подъема в гору, дома и т. д. - психотерапевт просто предоставляет пациенту свободу и оставляет за ним пространство для раскрытия роящихся в голове дополнений, образов и поведенческих желаний, то становятся ясно видны освобождающиеся творческие импульсы. Далее психотерапевт может сделать еще один шаг и побуждать фантазии пациента в особо подходящие для этого моменты. Я, например, часто это делал после представления мотива луга, задавая вопрос, что бы ему теперь хотелось сделать или что могло бы доставить ему удовольствие.

Во многих местах панорамы можно побудить пациента расширить сценические впечатления одной только просьбой осмотреться вокруг и дать возможность психотерапевту узнать о деталях впечатлений от ландшафта. Для этого подходит даже растительность на лугу, вопрос о животных вокруг и за пределами луга. Путь в гору также предлагает пациенту изменчивое окружение с различными видами (о чем часто следует спросить вначале, так как многие не знают о значении широкого рассмотрения природы в КПО). Наконец, в высшей степени разнообразные грани ландшафта предлагает обзорная панорама с вершины горы по четырем сторонам

света и с соответствующим разделением на передний, средний и задний план. Пластичный пример приведен на **рис. 1** и **2** (с. 80 - 81).

Внешний вид дома точно так же, как и его внутренняя часть, может вызывать многогранные креативные импульсы формирования (гештальт-образования). При этом вполне креативными результатами считаются также и курьезные конструкции дома, - как, например, “дом духов” одной тяжело больной пациентки или уникальный, даже “невозможный” интерьер.

Особенно интересны спонтанные креативные попытки решения, связанные с мотивами препятствия-недопущения, как было показано в предыдущем разделе. Я имею в виду фокусировку фиксированных образов, с концентрацией на мелких деталях, а также решение проблем на материале фиксированных образов. Последующие феномены преобразования и направленные на решение проблемы образы всегда бывают креативными.

*Креативные способности проявляются далее в том, что у небольшой группы особо одаренных фантазией пациентов открывается склонность более или менее **многоглаголююще** самостоятельно **развивать** свои **собственные фантазии**. В этом случае психотерапевту еще удастся то тут, то там распознать кардинальные мотивы *основной ступени* КПО.*

Эти пациенты обладают способностью самостоятельно развивать сценический ход событий в КПО. Наиболее ярко это становится видно, когда они еще осмысленно включены в контекст всего сценария или в рамки затрагиваемого круга проблем.

2. Ассоциативный метод

Заимствованный у *средней ступени* КПО ассоциативный метод [45] принципиально расширяет психотерапевтический спектр исходной техники *основной ступени* КПО. Тем самым в психотерапевтическом процессе открывается новая степень свободы. Для психотерапевта, работающего по технике *основной ступени* КПО, благодаря этому также расширяется психотерапевтическая постановка цели.

Ввиду сегодняшних требований к *Кататимно-имагинативной психотерапии*, из системы подготовки психотерапевтов нельзя более исключать ассоциативный подход при работе с подходящими для этого пациентами. Это имеет прежде всего два основания.

1. Сегодня психотерапевт гораздо чаще, чем в прежние десятилетия, при использовании техники *основной ступени* КПО сталкивается с пациентами, неудовлетворяющимися одним только представлением стандартных мотивов в начале сеанса и следующим за этим креативным расширением. Эти люди неохотно и не без некоторого усилия заставляют себя концентрироваться на жестко заданных образах и их длительном рассмотрении. У них сам собой запускается “фильм” сценического продолжения. В некоторых случаях он даже спонтанно форсируется. Таким образом, это более или менее быстрый или более или менее оживленный ход развития образа, нередко даже ни в коей мере сценически уже не связанная последовательность отдельных элементов образа, которые могут поразить психотерапевта. Психотерапевт *основной ступени* КПО должен быть подготовлен к подобным случаям и знать, какие феномены его ожидают. Поэтому он должен обладать основополагающими знаниями, чтобы как можно лучше использовать позитивные аспекты этого раскрытия.

2. Во время подготовки к печати этого издания *Кататимное переживание образов* было признано в Германии направлением психотерапии, оплачиваемым через

систему медицинского страхования, в соответствии с Директивами Федерального объединения больничных касс в области психотерапии от 1987 г. Это нашло отражение в требованиях к системе повышения квалификации для получения дополнительной специальности “психотерапевт”. Тем самым возникла необходимость удовлетворить запросы также и той части изучающих КПО психотерапевтов, которая - в отличие от полного обучения для получения квалификации “психотерапевт, специализирующийся по методу КПО” - могла бы удовлетвориться минимальными требованиями при повышении квалификации, в соответствии с требованиями Врачебной палаты.

Теперь психотерапевт может научиться прорабатывать открывающиеся в КПО конфликты дополнительно ассоциативно-когнитивно, как минимум в определенных пределах. Это хорошо скажется на лечении проявлений невротического развития личности и невротических симптомов у пациентов.

Как известно, на заре психоанализа З.Фрейд [15] ввел технику свободных ассоциаций, чтобы вызывать у пациента поток бессознательного материала без использования гипноза (который он применял прежде). В качестве гипотезы, по меньшей мере, можно предположить, что, благодаря обогащению КПО приходящими в голову мыслями и идеями, например, по поводу некоторых элементов образа, в соответствии с закономерностями саморегулирующегося процесса обрисовывается ядро бессознательного конфликта и, как говорил З.Фрейд (1914 г.), “сначала медленно, почти неминуемо, в чистейшем образовании отыскивается патогенное положение”. Естественно, в психоанализе существует также и техническое предположение, что пациент действительно в состоянии собирать мысли и идеи, появляющиеся у него по поводу какого-то конкретного образа. Хотя этому и можно научиться, но в действительности в

форме цепочек ассоциаций это встречается все же достаточно редко и только у очень хорошо “натренированных” пациентов.

Что же касается принципа ассоциативного метода в *Кататимном переживании образов*, то он заключается в естественной попытке перенести свободные ассоциации на уровень образного сознания. При этом оказывается, что при представлении образов, как и при развертывании мысленных ассоциаций, аналогично разворачиваются целые цепочки образов, которые точно так же постепенно направляются на конфликт. Такое использование ассоциативной символдрамы, зачастую в сочетании с более обязывающим пробным действием (в смысле активного отреагирования в фантазии), очень хорошо себя зарекомендовало. Очень подробно я это излагаю во 2 главе моего большого учебника [45].

Следовательно, можно принять, что мы рассматриваем две категории ассоциативного раскрытия на двух различных уровнях:

- на уровне образного сознания и
- на уровне приходящих в голову мыслей и ассоциаций.

На продвинутом этапе КПО в процессе психотерапии подходящих для этого пациентов оба уровня могут смешиваться друг с другом. Для знакомых с КПО пациентов, в особенности если они находятся на имажинативном сеансе, преобладающей формой являются ассоциации на уровне образного сознания. Мысленные ассоциации отступают, как правило, далеко на задний план. Стимулируя спонтанно приходящие в голову идеи, опытный психотерапевт умеет направить ассоциации на некую тему, на какой-то установленный в КПО фокус конфликта. К этому вопросу я еще вернусь позднее.

Психотерапевт может “запустить” ассоциативную технику в КПО только в самых редких случаях. Это уж совсем не получается с пациентами, перед глазами которых устанавливаются неподвижные образы (по причинам, которые здесь невозможно разобрать более подробно). В соответствии с нашими ожиданиями относительно *основной ступени* КПО, такие пациенты детально описывают мотив ландшафта, а также, быть может, и исходящий от него эмоциональный тон. В этом образе они будут передвигаться или, в ответ на нашу просьбу-побуждение, посмотрят вокруг себя, совершат прогулку или выполнят поставленную нами задачу, например, проследят за течением ручья, осмотрят дом и т. п. Если интерес и внутренняя активность больше, они могут изменить или развить далее образ, отправиться в исследовательскую экспедицию, на разведку или на прогулку и т. д. К этому психотерапевт бывает готов после достаточного обучения на *основной ступени* КПО.

Знание ассоциативного метода и вопрос, каким образом с ним работать, затрагивает, однако, именно ту группу пациентов, которые спонтанно развертывают сценические проявления, продолжающиеся и без нашего участия. При этом могут переживаться целые истории, имеющие, например, сказочно-лирический характер, в которых конфликтный материал отыскивается сам собой и которые при этом даже могут сталкиваться с драматическим обострением конфликтной сцены. Другой формой ассоциативного метода может быть спонтанное появление сцен из раннего детства (возрастная регрессия, ср. с. 178). Труднее управлять динамическими формами фрагментирования содержания образов. Но сначала я приведу магнитофонную запись более длинного ассоциативного развертывания. Она должна помочь читателю понять эту форму ведения психотерапии, полностью отличную от обычной формы ведения на *основной ступени* КПО.

Ассоциативный пассаж и фрагментированная форма

Мне хотелось бы заранее указать на некоторые технические *детали*, характерные для ассоциативного метода. После появления образа луга пациентка сама образно представляет сценически разворачивающуюся историю переживания. Психотерапевт лишь немногими знаками сигнализирует о своей заинтересованности и своем присутствии. По возможности, он задает вопросы с целью побудить пациентку к более точным описаниям, спрашивая о содержании образов и о сопровождающих их чувствах. Таким образом, *вопросы служат для прояснения*. Однако в этом психотерапевт тоже относительно нерасточителен. Только в определенные моменты - прежде всего, когда появляется страх, - психотерапевт осторожно оказывает пациенту поддержку в его образах, а также вербально (*ангажирующее внутреннее соучастие*), пытаясь его как-то подбодрить и, соответственно, защитить - или же вызывая конфронтацию с каким-то фиксированным элементом образа. Напротив, помощь он предлагает редко или вообще этого не делает. *Основопологающая идея ассоциативного метода* - это рост самостоятельности становящегося более зрелым пациента. От того, как психотерапевт проходит обучение в системе повышения квалификации, и от его опыта зависит, насколько в редких, но все же иногда неожиданно возникающих ситуациях он сможет контролировать свои собственные страхи (идентификация в контрпереносе) и какие действия он будет предпринимать, чтобы провести пациента, поддерживая его *Я*, сквозь такое, кажущееся иногда даже рискованным, развитие событий.

Подобного рода пассажи встречаются в следующем КПО только в двух сценах. Первая, вызывающая страх и наполненная конфликтом сцена - это появление грозы с тяжелым ливнем. Во второй сцене появляются запертые в клетки агрессивные собаки, которых пациентка, несмотря на опасность, пытается покормить.

Пример (21)

В этом примере нет необходимости приводить картину болезни и биографию пациентки. Можно сказать только, что ей 22 года и она не замужем. Она работает продавщицей в книжном магазине и страдает неврозом навязчивых состояний с очень сильно выраженной, мешающей ей, болезненной страстью к умыванию (навязчивое мытье). Она выглядит моложе своего возраста, производит впечатление девочки-подростка, ведет себя весело и активно-бодро. Таково ее поведение и в больнице. Во время описываемого здесь сеанса психотерапии в КПО впервые появляются, в соответствующем символическом облачении, более сильно нагруженные конфликтом элементы, а также явно выраженные агрессивные импульсы.

- Попробуйте представить себе луг или любой другой образ, который мог бы у Вас появиться, и расскажите об этом.
- Собственно, я, скорее, смотрю как бы вниз с горы на очень глубокую долину.
- Да.
- И сама по себе это не очень хорошая погода, очень промозглая, моросит дождь; с другой стороны спуск очень крутой, и внизу в долине очень много домов, но это как-то... они как бы в окружении.

- Угмм.
- Я все время думаю: Как вообще туда попасть?
- Угмм.
- Сейчас я поднимаюсь на самую вершину горы и смотрю оттуда вниз. Вокруг луг и деревья, и много зелени, погода сама по себе великолепная. Но эти дома, там внизу, кажутся мне такими мрачными, - я не знаю, с чего бы это. Кого это только может при... привлекать - это мне непонятно.
- Не могли бы Вы их сосчитать?
- Так: 6... 7 домов совсем примыкают тут друг к другу.
- Угмм.
- Совсем темные и развалившиеся, очень грязные, этому ландшафту они вообще не подходят!
- Угмм.
- Хотя этой дыре они подходят во всяком случае, но не этому ландшафту.
- Да. Дома старые, новые?
- Да, старые - старые, развалившиеся.
- Угу. Какое впечатление это на Вас оказывает?
- Настоящее запустение, все пришло в упадок.
- Есть ли здесь еще люди?
- Не, я не вижу.
- Или что-нибудь, что делают люди -
- Слышен лай собак.
- Да.
- Да, совсем ужасно лают собаки, много собак. Они в большом зверинце, это все различается еще довольно смутно.
- Угмм.

- Они кидаются все время на эту проволочную сетку, - они построили здесь такую проволочную клетку, и эти прыгают на нее, во что бы то ни стало стремятся из нее вырваться. А лай ужасный, но не видно ни одного человека, кто бы о них позаботился, - может, там, внизу, тоже совсем никого нет.

- Угмм.

- Я это не знаю.

- Идет ли дым из труб?

- Не, сейчас лето, дыма нет.

- Так?

- Да нет, никакого дыма нет.

- Поле?

- Поля тут совсем нет. Нет также никакого - никакого ... никаких ... никакого сада, совсем ничего, тут просто дома.

- Угмм.

- Почти по линейке рядом друг с другом. Короткие расстояния друг от друга, но -

- Угу, а между ними?

- Между ними опять-таки тоже только трава и кусты, и больше вообще ничего. Ни души, вообще никого!

- Что, совсем никого рядом?

- Да! Я вообще не знаю, к чему бы это. Тут нет совсем никаких тропинок, тут нужно пробираться сквозь высокую траву.

- Приходит ли Вам в связи с этим что-нибудь в голову?

- Не, у меня так темно перед глазами -

- Тропа!

- Не, тропинок нет, и так темно.

- Да?

- Обычно у меня никогда не бывает так темно перед глазами.
- Сейчас опять прояснится, посмотрите. Сейчас Вы опять все очень четко увидите, все становится четче -
- Да, теперь над этими всеми домами и надо всей долиной по-настоящему сгущаются облака.
- О да, о да.
- Теперь вдруг сразу стало совсем темно.
- Да, тень -
- Тень... Это больше, чем тень. Это похоже, как во время ливня, или что сейчас будет.
- Да, наблюдайте за этим очень точно.
- Солнце вдруг исчезло, но совершенно внезапно.
- Угмм.
- Небо затягивается все плотнее.
- Да.
- При этом дома становятся все ужаснее.
- Да, ага.
- Собаки, они звереют! Они... это совсем ужасно.
- Да.
- Страшно, что сейчас одна вырвется.
- Ага.
- Очень большие овчарки, выглядят устрашающе.
- Да, и Вы наблюдаете все время дальше.
- Теперь начинается дождь - очень большими каплями начинает идти дождь.
- Угмм.

- Погода, однако, совсем испортится дождем, просто так и льет, - если остаться тут стоять, промокнешь до нитки.

- Взгляните-ка на небо.

- Оно совсем темное, нельзя вообще ничего различить, нельзя, как если бы небо было целиком затянуто совершенно серой пеленой. Нельзя, значит, вообще различить облака в этом смысле, это все совершенно серое.

- Да.

- Становится по-настоящему черным!

- Угмм.

- Я чувствую, это... это... это опускается все больше вниз, как будто небо все сильнее опускается вниз.

- Да.

- Это еще сильнее давит на все, это на самом деле ужасно.

- Да.

- Это настоящий кошмар. Попробую сейчас, собственно говоря, спуститься туда,

- Да.

- Хочу посмотреть, есть ли там кто-нибудь.

- Это было бы очень хорошо.

- Значит, мне здесь хотелось бы скатиться вниз, так как здесь жутко круто, и само по себе это не так уж легко, но я... я это делаю.

- Да.

- Но я не решаюсь подойти дальше, потому что я боюсь собак.

- Гмм! Ну что ж, подойдите тогда настолько близко, насколько Вы можете решиться.

- Да, дома - у них вообще нет окон!

- Ах.

- Сверху я не могла этого разглядеть.
- Угмм.
- Вообще нет окон, на самом деле это только коробки. Крыша совершенно плоская.
- Да.
- Как у коробки, удивительно... Не понимаю, к чему бы это. Выглядит как бункер или что-то такое.
- Угмм, угмм.
- И очень толстые - толстые стены, по-настоящему мощные камни. Хотя это и кажется развалинами, но я думаю, что это должно быть, тем не менее, еще чрезвычайно прочным.
- Гм, это ведь должно быть там построено с какой-то целью.
- Да, и для чего? Прежде всего зачем здесь собаки? Перед каждым домом такая клетка с такой собакой.
- Их ведь кто-то должен кормить.
- Я не вижу ни одного человека. Рискну-ка посмотреть, что за домами.
- Да.
- Я слушаю, прислушиваюсь, но я не могу услышать человеческий голос.
- Дверь, или вход?
- Совсем ничего. Это настоящая коробка - ни спереди, ни сзади никакого входа.
- Посмотрите-ка теперь очень внимательно на все дома.
- Да, тут они построены похожими друг на друга, как две капли воды. Они выглядят, действительно, как... как специально так наставленные.
- Может быть, это совсем не жилые дома?
- Да, очевидно, - сверху так казалось.

- Да-а, посмотрите-ка вокруг пошире - что вокруг или что Вам хотелось бы сделать?
- Хм, это... Я боюсь, вдруг сюда должен кто-то прийти.
- Угмм.
- Здесь ведь кто-то должен где-то быть, ведь кто-то привел сюда собак.
- Точно!
- Само по себе это ведь невозможно, но никто не приходит! Ну-ка я покричу...
- Да.
- Никто не приходит. Собаки становятся все неистовее. Кажется, они скоро лоптнут от ярости.
- Хм, хм.. что же они делают?
- Они все время кидаются на этот - эту решетку или проволочную сетку - или как там ее?
- Да.
- Они кидаются на нее и лают, и кусают ее, они хотят из нее вырваться, но, к сожалению, у них это не получается.
- Их же несколько...
- Что значит “к сожалению”? Для меня это “слава Б-гу”.
- Ну, как же, к сожалению! Им ведь тоже можно посочувствовать.
- Да, собак мне чертовски жаль, там, в клетке. Сейчас я смотрю, решаюсь понемногу подойти поближе, потому что я вижу, что все довольно стабильно, что они совсем не могут оттуда вырваться... У них даже нет никакой миски или чего-нибудь поесть. Как же они живут? Кто бы мог их тут запереть?
- Что Вы имеете в виду?
- Хм... С одной стороны, это отвратительные звери, но мне их как-то ужасно жаль.

- Да.
- Они, действительно... Лучше всего, если бы я, конечно, не боялась, я бы здесь как-то открыла дверь.
- Да.
- Но... я так сильно боюсь...
- Угмм.
- Если я их открою, то потом такая... такая собака набросится на меня, если ее ничем не кормили...
- Они ведь могут быть Вам благодарны, если Вы их оттуда выпустите.
- Да, если я на это решусь... Я бы с удовольствием это сделала, - мне их, действительно, ужасно жаль.
- Да.
- Ну, может, я возьму большую палку или...
- Да, угмм.
- Тогда, в случае чего, я, пожалуй смогу защититься. Тогда я, пожалуй, выпущу для начала одну.
- Да.
- Это, наверное, тоже можно было бы сделать... Пара камней: если они нападут, то я бы, пожалуй, могла в них кинуть. Но тогда они расвирепеют еще сильнее, этого тоже делать нельзя. Или мне надо сначала найти для них что-нибудь поесть.
- Да, это было бы совсем не плохо, а?
- Да.
- Сначала дайте им что-нибудь поесть.
- О, сейчас это сложно. Мне тогда надо сначала попытаться туда подняться. Надо пройти - еще совсем немного - в деревню.
- Да.

- Там я что-нибудь куплю.
- Спросите все-таки у людей, что находится позади, позади деревни.
- Не могу решиться, не знаю почему.
- Ага.
- Я просто не решаюсь спросить.
- Куда Вы идете?
- Да, я тут захожу в мясную лавку, покупаю мясо для собак, все на меня так смотрят! Почему я покупаю для собак? Как будто они о чем-то догадываются, но ни один человек ничего не говорит. Я не могу решиться как следует спросить. Я покупаю столько, сколько могу унести.
- Угмм.
- Сначала они смотрели в недоумении, теперь они глядят очень испуганно - они как раз видят, в каком направлении я иду.
- Да!
- Да, теперь я опять спускаюсь туда, вниз к собакам, очень осторожно.
- Сколько их?
- О, примерно пять собак, они в клетке, и я ставлю каждой целую грудку мяса - я купила целую кучу.
- Да.
- Собаки тем временем заняты мясом.
- Да.
- Теперь я в первый раз пробую выпустить одну.
- Угмм.
- При этом я немножко боюсь, но все равно, ведь самое плохое, что она со мной может сделать, это сожрать меня.
- Угмм.

- Я открываю дверь, и у меня сперва такое чувство, что она бросится на меня! Но она вдруг кидается на мясо.

- Угмм.

- Она так набросилась на мясо, что Вы даже не можете себе представить!

- Хм, хм.

- Как будто ее полгода не кормили. И ест и - бежит к другой клетке и сжирает также мясо у другой собаки!

- Угмм.

- И все больше, сожрала все.

- Так, так.

- Но совсем быстро, вот какая проворная!

- Им нужно было гораздо больше, чем Вы думали.

- Так много я совсем не могла принести!

- Да, ну ничего.

- Да, но ведь теперь я не могу выпустить других собак.

- Что теперь делает первая собака?

- Она несется прочь, но не спрашивайте, как.

- Куда?

- По направлению в гору.

- Откуда Вы пришли?

- Да, потом в эту деревню.

- Ах да? Пойдите за ней.

- Угу, люди такие: некоторые стоят на улице, как это принято в деревне, один там стоит и болтает, другой в саду; итак - когда они увидели собаку, они все убегают... и у меня такое чувство, что они все сейчас запирают двери, им страшно. А собака бежит все время дальше, я больше не могу за ней поспевать.

- От чего же? Следуйте все время за ней! Вы возьмете велосипед и поедете за ней.
- Она несется, однако, как... Эта собака сумасшедшая!
- Да, да, но, тем не менее, мы не хотим терять ее из глаз.
- О, но тут мне придется жутко мчаться. Она мчится все дальше.
- Да.
- И потом вдруг опять... - в гору.
- Да-а.
- Тут горный домик, и тут она бросается на дверь, и лает, и рычит, и неистовствует тут у двери, как сумасшедшая.
- Да.
- И внутри я слышу голоса, и пытаюсь заглянуть в окно, собака ничего мне не делает.
- Да.
- Теперь я могу отважиться приблизиться к собаке.
- Ага.
- Я вглядываюсь в окно, там мужчина. Он выглядит ужасающе. Такой по-настоящему растрепанный и... и как преступник.
- Вглядитесь-ка поточнее!
- Совсем, ...действительно злое и... противное лицо.
- Да.
- И - его глаза!..
- Да, взгляните ему в глаза, взгляните-ка пристально!
- Гневные, совсем холодные.
- Да-а.
- Глаза застывшие... Теперь я знаю, что он делает: он берет ружье!
- Ага.

- Ведь ему сейчас страшно. Тогда мужчине придется что-то сделать с собаками.
- О да, ага.
- Собака - она тявкает, и лает, и кидается на дверь, и дверь распахивается.
- Да.
- Собака - она... она кидается на мужчину. Он кричит - и это настоящая борьба.
- Хм, будьте внимательны.
- И... он застрелил собаку насмерть.
- Действительно?
- Хм, еще добивает ее.
- Угмм. Это кобель или сука, Вы можете это разобрать?
- ...Сука.
- Хм, он ее застрелил?
- Да-а.
- И?
- Она умерла сразу же. Мужчина тоже весь забрызган кровью. На это совершенно ужасно смотреть.
- Он тоже ранен или что?
- Да, ведь собака его до этого уже покусала, они ведь сначала друг с другом боролись.
- Да, да.
- А потом он улучил подходящую минуту и - смог еще в нее выстрелить.
- Угмм, да.
- Мужчина выскакивает с ружьем. В направлении меня - я спряталась. Ведь я стараюсь, чтобы меня не видели.
- Угмм.

- У него такой мотоцикл, и он мчится - вскакивает на него и мчится в направлении, откуда и прибежала собака.

- Да.

- Он едет туда... А там наверху, на лугу... он ведь не может спуститься вниз, и тут он должен идти пешком, он идет вниз по склону.

- А Вы быстро идете за ним и освобождаете собак?

- Я прячусь позади.

- Вы не можете отпустить собак?

- Не-е, это... Я с этим не справлюсь, он же далеко передо мной.

- Нет? Ах так, я думал, Вы можете это быстро -

- Не-е.

Комментарий. Останавливаться на деталях психодинамики не входит в задачи моей демонстрации. Появление дождя могло быть, по-видимому, связано с тенденцией к наказанию, а запертые собаки связаны, видимо, с отколовшимися агрессивными импульсами. У пациентки сама по себе возникла естественная мысль успокоить собак, накормив их. Это соответствует и *режиссерскому принципу кормления* в КПО, который ей, конечно же, был незнаком. А в связи с появившимся мужчиной она ассоциирует пожилого, похожего на бродягу мужчину, которого она однажды испугалась в темном купе поезда. Она также увидела в нем некоторое сходство со своим отцом, которого, мертвецки пьяного, она должна была иногда дома раздевать по приказанию матери.

Этот пример характерен для хорошо организованного ассоциативного процесса пациентки, плодотворного как в диагностическом, так и в психотерапевтическом отношении. Конфликтные моменты могут быть преодолены при поддержке психотерапевта. Ситуации стресса, удивление и недоумение, ужас и страх могут быть пережиты и выстраданы. Такое освобождение защитных импульсов и их

осторожное прорабатывание открывает важные психотерапевтические возможности. Благодаря этому, *Я* испытывает поддержку и подкрепление.

Очевидно, что в этом психотерапевтическом примере проявляется некоторое самораскрытие личности, - по меньшей мере, некоторых ее компонентов. Например, я имею в виду агрессивные импульсы, которые впервые проявляются в образах и пробных действиях в КПО данной пациентки. Однако, выраженного нарушения процесса и управления *Я* не наблюдается. Я имею в виду упомянутые отклонения в ходе психотерапии, на которых здесь остановлюсь еще лишь вскользь, а также *фрагментированную форму течения психотерапии*, которую я сейчас коротко охарактеризую, так как это относится к проблеме ведения.

В таких экстремальных случаях установление какого-то стандартного мотива, который можно было бы спокойно рассматривать, оказывается иногда уже затруднительным. Воображаемая сцена развивается от одного короткого пассажа к другому, внезапно как бы перескакивает. Такие пассажи образуют определенную внутреннюю последовательность или же более отрывочно следуют друг за другом короткими фрагментами. Как только психотерапевт пытается вмешаться, хотя бы в форме намека, образ обрывается и возникает другой. Таким образом, психотерапевт вскоре чувствует себя вынужденным полностью воздерживаться от какого бы то ни было воздействия. Он чувствует себя в значительной мере выключенным из ожидаемого диалогического процесса. Ему ничего не остается, как через определенные промежутки времени давать сигналы, что он внимательно слушает. Во всяком случае, он всякий раз оказывается в затруднительном положении именно тогда, когда он пытается, в соответствии с техникой *основной ступени* КПО, “удержать” пациента на каком-то элементе образа, чтобы поточнее его рассмотреть или вообще воспринимать его в его эмоциональном тоне.

Естественно, существует много вариантов, занимающих промежуточное положение между такими отрывочными сценическими переживаниями и последовательным сценарием, как в нашем примере. Однако при средней степени выраженности, а также в экстремальной форме уже в начале сеанса КПО трудно вообще представить образ. Мы вспоминаем в этой связи о том, что техника, предписывающая исходить при переживании образов от стандартных мотивов, основывалась отчасти на том, что это - стартовая позиция, чтобы запустить *сновидение наяву*. “Вхождение” у пациентов с оживленной ассоциативной образной продукцией может, однако, ограничиться и неструктурированным началом в форме относительно неопределенных заданий - в виде намека. После установления состояния расслабления можно, например, сказать: “Может быть, для начала Вам стоит исходить из картины ландшафта, подходящей сейчас Вашему настроению,” - или: “Если Вы хорошо расслабились, пусть у Вас сейчас просто появятся образы, возникающие сами собой,” - или: “Подождите, что появится в образах, и понаблюдайте, как можно внимательнее, эти образы; опишите мне эти образы, а также и чувства, которые с ними связаны.”

Таково вхождение в переживание образов. Решение следующего вопроса - как следует строить ведение КПО и психотерапевтическое воздействие - зависит от понимания особенностей пациента.

Как правило, это люди с чрезвычайно сильными нарушениями. Они не только одарены яркой фантазией, но и зачастую страдают неврозом с сильной истерической или нарциссической структурой, сопровождаемым очень ранним структурным дефицитом в развитии *Я*. Среди прочего, патологичность проявляется в том, что они находятся в сильном внутреннем напряжении или длительном эмоционально-аффективном возбуждении. Такое возбуждение побуждает их как бы быстро “перескакивать” с одного образа на другой, чтобы

таким образом снять напряжение. Если исследовать эти отрывочные фрагменты при помощи последующего разбора магнитофонной записи, то в экстремальных случаях становится видно своеобразное перескакивание от одного короткого образа к другому, обусловленное, очевидно, быстро включающейся защитой. Это заметно по тому, как после одного образа быстро надвигается следующий. Первую сцену нужно еще продолжать, а это в итоге не получается. Особенно отчетливо такой внезапный “скачок” виден именно тогда, когда психотерапевт спрашивает о какой-то детали образа или о сопровождающем его эмоциональном тоне. То же самое происходит, когда он пытается предложить интерпретирующую помощь, как бы осторожно он это ни делал. Это может быть вызвано даже одной только попыткой вербализовать эмоциональное переживание при помощи какой-то реплики.

Другими словами, большая часть того, что я рекомендовал прежде в качестве правильного (регулярного) стиля ведения *сновидения наяву*, здесь больше не имеет силы. Из всего сказанного становится ясно, что в принципе речь здесь может идти о внутренне очень напряженных, беспокойных или даже хаотичных людях. Следует думать, что их внутренняя торопливость и беспокойство отчасти могут быть определены также и чрезвычайно высоким уровнем притязаний. Некоторые пациенты полагают также, что тем самым они должны что-то предлагать психотерапевту, что-то ему демонстрировать. Поэтому их сцены КПО часто интересны благодаря причудливым и кажущимся сюрреалистическими образам, полным фантазии.

Поэтому в редких случаях фрагментированной формы протекания психотерапии простой принцип гласит: как можно меньше воздействовать, лучше всего не структурировать и не направлять. В гораздо большей степени такого человека нужно сначала - предоставив ему полную *свободу действий* - подвести к тому,

чтобы при всей своей впечатлительности и внезапных скачках, даже при фрагментировании содержания образов, он произносил вслух, т. е. вербализировал, все, что ему представляется. Все принимается: любая причуда и бессмысленность образов, любой оттенок эмоциональной холодности или эмоциональных вспышек, слезы, возможное мягкое, кроткое или слишком сентиментальное настроение и т. д. Это может продолжаться в течение нескольких или многих сеансов. Во всяком случае, цель - постараться удержать отдельные образы для точного рассмотрения - не достигается и воспринимается только как мешающая и ограничивающая. Как показывает мой опыт, оправдывает себя четко соблюдаемое терпение и остающаяся неизменной благожелательная позиция психотерапевта. В подавляющем большинстве таких случаев поле имажинаций затем все же организуется на луге, постепенно все лучше. Медленно, иногда требуя большого терпения психотерапевта, структурируются затем и более длинные непрерывные сцены. От сеанса к сеансу они постепенно дополняются, превращаясь в конфликтную картину. Такая картина проглядывается в общем-то уже и раньше, если искать в кажущихся еще бессмысленными, скачкообразных сценах обобщающий их тематический контекст. Образы в различных оттенках и деталях вращаются, в основном, вокруг одного центрального конфликтного момента. Для пациента описанная возможность представлять образы под благожелательно-всепозволяющей защитой психотерапевта и при его внимании означает эмоционально-аффективную разгрузку и освобождение, она становится действительно психотерапевтически-действенной и эффективной. Таким образом, терпеливое ожидание оправдано, пока преобладает позитивный контрперенос психотерапевта.

Конечно же, сложно побудить таких пациентов написать потом протокол или говорить об этом материале. Вместо этого я прошу после овладения некоторым

навыком КПО попытаться тематически обобщить различные образы, сведя их к какому-то кругу проблем. При определенных обстоятельствах уже последующее обсуждение служит для того, чтобы попытаться образовать такой круг тем.

Для работы с этими, конечно же, относительно редкими пациентами в большой степени необходим психотерапевтический опыт, уравновешенность и уверенность. Своей манерой держать себя, которую пациент воспринимает на невербальном уровне, психотерапевт также должен придавать спокойствие, уверенность и стабильность.

19 занятие

Ассоциативный метод и возрастная регрессия

Меня часто спрашивают, в связи с ассоциативным методом: можно ли допускать, чтобы пациент дольше задерживался на реальных бытовых воспоминаниях? Ведь, содержание образов часто кажется слишком банальным и как бы выводится из глубины эмоционально окрашенного переживания образов.

Хотя в принципе я с этим соглашаюсь, однако тем, кто занимает такую позицию, я рекомендую проверить, укладывается ли еще соответствующий образ в по меньшей мере свободный контекст с изначально выделенным конфликтом. Ведь, как известно, даже банальные бытовые образы (или как раз именно они) и могут выражать глубокие конфликты. Если, однако, вербальные ассоциативные пассажи останутся, в конце концов, без эмоционального ангажмента, то связь образа с конфликтом станет сомнительной - в плане описанного выше отклонения в течении психотерапии. В этом случае пациента тогда без труда можно спросить, в чем еще он теперь видит связь между только что сказанным и конфликтным

содержанием исходного образа. Для обеих сторон это быстро проясняет ситуацию. Тогда пациент сам по себе возвращается к образу, или же психотерапевт предлагает ему представить образ снова. Он может использовать и такую простую формулировку: “А что у Вас происходит сейчас?”

Вопрос возвращения на уровень образов в ситуациях сильного наплыва фантазий ставит психотерапевта в затруднительное положение. Если сеанс приближается к концу, то я сообщаю об этом пациенту. Мы договариваемся тогда о продолжении на следующий раз, чтобы оставить еще время назаключительную беседу (короткую). Но если времени еще остается достаточно, то дается возможность дальнейшего развития образных или вербальных ассоциаций, даже если они сильно отклоняются в сторону и даже образуют фантастические “завитки”. Само по себе это не исключает того, чтобы я при помощи небольших сигналов способствовал подобным креативным и полным фантазии раскрытиям. Высказывание неодобрения или попытки подавить импульсы пациента оказываются безуспешными. С психодинамической точки зрения, следует учитывать, что сильные отклонения от основной темы могут быть выражением сопротивления. Но и тогда всегда стоит не только “позволять” пациенту такие экскурсии, но даже мягко его в этом поддерживать. Иногда бывает особенно полезно, при работе прежде всего с подростками, предложить экстравагантные, крайне нарциссические экскурсии, вплоть до полета сквозь звездное пространство, превращения в ракету, агрессивно врезающуюся в суперновую звезду, и т. д. При такой тактике психотерапевтического воздействия пациенты рано или поздно обязательно находят обратную дорогу на землю - и тем самым к реальности. Другими словами: не нужно волноваться, если пациент в своих фантазиях сам уклоняется от темы и тем самым явно следует какой-то латентной, настоящей потребности - будь то даже только для импонирующего (нарциссического)

самопредставления. Предоставление свободы действий или даже указанное усиление и поддержка приводят к “динамическому насыщению”, которое скоро вызывает завершение подобного пассажа.

Завершая этот раздел, мне следовало бы предупредить о недоразумении, которое, возможно, может здесь возникнуть у читателя. Дело обстоит не так, будто бы я в принципе советую продолжать сеанс КПО или в целом проводить психотерапию по этому методу в течение длительного времени на одной только базе образного протекания спонтанных ассоциаций в форме кинокадров. Я, правда, исхожу из либерального положения, что каждый пациент должен развивать свое собственное, индивидуальное *сновидение наяву*. Несмотря на это, я пытаюсь по указанным причинам или в случае, если намечается насыщение, вернуть пациента к образному представлению конфликтных моментов. Рано или поздно необходима дополняющая и точно так же важная интеграция подобного материала, как и когнитивное языковое определение раскрывающегося конфликта, включая переплетающиеся более тонкие эмоциональные ответвления. Хотя представление образов само по себе многопланово, все же в результате может недоставать четкости выражения вербальных формулировок. Но как раз в вербальном разъяснении, как вышестоящем уровне, заключено большое значение самопонимания через понятийное определение переживания. В тех местах, где мне кажется необходимым ввести подобное разъясняющее когнитивное осмысление в качестве небольшого отступления-вставки, не слишком при этом мешая, я даже в какой-то момент прямо прерываю вопросом цепочку ассоциаций и прошу вербализировать господствующее чувство, например, при неоднократно возникающем конфликтном моменте.

Более продвинутая техника заключается в том, что в заключение психотерапевт оказывает психотерапевтическое воздействие во время представления образов или

при вербально-мысленной ассоциации. В качестве примера приведу ситуацию, когда пациент стоит на распутье и, как парализованный, застыл в чувстве нерешительности. Здесь я прерываю и спрашиваю, знакома ли ему в повседневной жизни - может быть, даже в настоящий момент (или по прошлому опыту) - аналогичная ситуация или, еще лучше, похожее чувство и, если знакома, то откуда. Переходом между этим фокусированием и кристаллизацией вокруг него приходящих в голову мыслей и образов может быть прежде всего концентрация на сформулированном им эмоциональном тоне. Если он был четко воспринят, я использую, как описывалось выше, такие высказывания, как: “Может, Вам знакомо похожее чувство (похожий конфликт, похожая ситуация) и в Вашей повседневной жизни?” Или: “Я могу допустить, что Вам и прежде - может быть, даже в детстве - когда-нибудь приходилось переживать похожее чувство (похожий конфликт, похожую ситуацию).”

Данная техника - это уже часть прорабатывания КПО и требует не только психотерапевта, поднявшегося в своей квалификации над уровнем *основной ступени* КПО, но и пациента, уже давно знакомого с техникой *сновидений наяву*, продвинутого в своем развитии и тем самым способного к ассоциациям. Я упоминаю здесь об этом, чтобы дать полную картину. Подробное изложение этого прогрессивного и отчасти более сильно структурированного метода читатель найдет в большом разделе моего большого учебника [45], посвященном ассоциативному методу *средней ступени* КПО.

Если право работать с ассоциативной техникой в целом сохраняется в основном за опытным психотерапевтом, то с пациентами, которые хорошо спонтанно ассоциируют, уже достаточно рано то тут, то там сами собой открываются возможности “небольших прогулок” или отступлений в этом направлении.

Спонтанное ассоциативное раскрытие готовит для психотерапевта еще одну специфическую неожиданность: *возрастную регрессию*, которую впервые исследовал в 1961 г. G.Barolin [3]. Под этим понимается образное представление сцен из детства, которые могут вызываться в сознании с различной степенью выраженности. В явно выраженной форме пациент может переживать себя сам более молодым, может назвать свой возраст и видит мир действительно из перспективы ребенка этого возраста. Иногда в течение одного сеанса возрастная регрессия происходит одновременно на различные возрастные ступени. Эта регрессия может вести вплоть до периода становления речи (пример в моем большом учебнике [45], с. 150). Пациент может быть также только зрителем какой-то сцены из своего более младшего возраста - либо наблюдая в ней себя, либо, еще более дистанцированно, наблюдая какую-то раннюю сцену как бы извне.*

Еще одна специфическая, но более теоретическая проблема заключается в вопросе, являются ли эти регрессивные сцены адекватным повторением действительности или представляют собой продукты фантазии с символической валентностью. Также и в этом вопросе подробную информацию можно найти в моем большом учебнике [45]. Здесь следует только сказать, что встречаются обе формы (о чем знал уже З.Фрейд) и что бывают также смешения между реальными и символическими ирреальными элементами образа. Приведу далее пример возрастной регрессии.

* Понятие "возрастная регрессия" происходит от английского "age-regression". Это понятие не имеет ничего общего с понятием регрессии в психоанализе [42]. Эти "age-regressions" стали известны уже давно под влиянием самогипноза, гипноза и гипноанализа. Но и F.Alexander [1] описывает явный регресс, возвращение на более ранние возрастные ступени в ходе психоаналитической терапии. Его определение этого понятия следует принять во внимание также и в КПО: он различает а) регрессию в психическую травму и б) регрессию в состояние до психической травмы. Последняя означает возврат в бесконфликтную сферу переживаний в смысле "детского рая". Обе формы встречаются в КПО. Последняя форма тесно связана с "удовлетворением архаических потребностей", например, в форме орального успокоения или нарциссически-симбиотической гармонии, которые я описываю в следующей главе.

Пример (22)

Находящийся на стационарном лечении в моем отделении 19-летний пациент неожиданно реагирует на маловажную для него самую проблему страхом, беспомощностью и неприятным ощущением давления на грудь. Сильно этим обеспокоенный, он обращается к своему психотерапевту. В КПО его просят сконцентрироваться на ощущениях и вернуться в детство, пока ему не вспомнится похожая ситуация, когда ничтожное событие имело неожиданно большие последствия. Спустя несколько минут он сообщает, что, когда ему было 8 или 9 лет, он бросил на голову соседскому мальчику большой кусок торфяной пыли. Тот с криком убежал. Спустя 2 дня умерла мать этого друга, уже давно болевшая раком. У него было сильное чувство вины. Он думал, что описанное событие стало причиной смерти соседки, так как его мама все время его предупреждала, чтобы из-за болезни этой женщины он вел себя на улице спокойно.

Фокусирование достигалось здесь концентрацией на остро проявляющихся телесных ощущениях, дополненных, как уже говорилось, структурой актуальной конфликтной ситуации. Выявление этих взаимосвязей способствовало дальнейшему появлению свободно приходящих в голову мыслей и образов, а также позволило проработать симптоматику страха, возникавшую до этого бессознательно.

Целенаправленная установка возрастной регрессии должно проводиться только значительно продвинутым в своей квалификации психотерапевтом. Благодаря описанному фокусированию открывается ряд интересных идей и стимулов для понимания ранней детской психической травмы (при этом существует опасность вызвать очень архаический материал), для выяснения семейной динамики на различных возрастных ступенях и для возможности попытаться скорректировать

инфантильные объектные отношения. Чтобы получить более подробную информацию, необходимо обратиться к большому учебнику [45] и дальнейшему образованию в системе подготовки психотерапевтов по методу КПО.

С психодинамической точки зрения, *ассоциативный метод* открывает пациенту *различные перспективы, составляющие*. Я уже упоминал, что, благодаря менее протекционной позиции психотерапевта, для пациента открывается большая степень свободы. Увеличивается самостоятельность пациента в смысле усиления его *Я*, с повышением самоответственности, например, посредством нагрузок в форме вызывающих страх сцен или же сцен одиночества - вплоть до предельного переживания чувства заброшенности. Открытие этого *широкого поля деятельности* становится для пациента полезным особенно тогда, когда становятся видны регрессивные тенденции и тенденции (симбиотической) зависимости. Далее следует назвать *экспансивную перспективу, составляющую* хотя вначале оно, возможно, и испробуется пациентом лишь с осторожностью. Оно важно прежде всего для пациентов с навязчивой структурой и страдающих неврозом навязчивых состояний. В этой связи - и вообще в ассоциативном методе - все большее значение приобретает *перспектива, составляющая пробных действий*. Осторожные подбадривания, при помощи подкрепляющих невербальных или вербальных психотерапевтических воздействий, оказывают при этом поддерживающее и подбадривающее действие. Повторю еще раз, что все это относится к ассоциативному расширению образа, а также к имажинативному уровню действий и - дополняюще - к вербально-мысленному уровню приходящих в голову ассоциаций.

Работа с этой, уже неоднократно упоминавшейся группой очень активно представляющих образы пациентов показывает, что ассоциативный метод проводится в КПО с самого начала относительно без проблем, если психотерапевт

следует приведенным здесь указаниям. *Ловушка* или даже *граница* на пути применения этой техники заключаются в стиле ведения. Я описываю его подробно на 21-м занятии. Но все же я должен здесь оговорить в обобщенной форме некоторые аспекты, чтобы обозначить проблему. Лучше всего это, пожалуй, сделать, если я здесь сформулирую в упрощенной форме три важных момента стандартизованного стиля ведения. В процессе развития КПО я придавал важное значение тому, чтобы начинающий психотерапевт мог уже относительно рано в программе своего обучения приобретать опыт работы с пациентом (под контролем супервизора). Конечно же, это предполагает, что у пациента с сильными негативными чувствами, экстремальными и архаическими сценами и похожими прорывами посредством данной психотерапевтической техники образуется определенное защитное заграждение в отношении возможных чрезмерных наплывов. Это удовлетворительно удавалось также и при помощи отточенной техники *основной ступени* КПО. Но, несмотря на заданные возможности для раскрытия и развития образных представлений, я называю эту технику мягко протекционным, то есть защищающим, покровительствующим воздействием. Защите пациента могут служить следующие три момента.

- Для проекции конфликтов предлагается стандартный мотив в качестве ядра кристаллизации.
- Хотя пациенту в рамках креативного раскрытия и дается поле деятельности, оно все же остается ограниченным. Обоснование заключается, прежде всего, в выборе разворачивающегося только на поверхности земли мотива и в очень осторожно предлагаемых заданиях.
- Особый характер, а именно переменно протекционный, имеет поведение психотерапевта в духе приветливого, готового прийти на помощь и защитить

стиля ведения, который поддерживает описываемый далее исполненный доверия анаклитический перенос (ср. с. 205). Защита, приспособленная к соответствующей ситуации, может быть усилена посредством более сильно структурированного стиля ведения, в особенности в случае появления в панораме КПО критических ситуаций. - Психотерапевт сам может чувствовать себя относительно уверенным в этой атмосфере. Пациент довольно константным образом переносит свое доверие и доброжелательность на психотерапевта. Репертуар представляемого материала и индивидуальные образы базовых мотивов *основной ступени* КПО остаются обозримыми, и начинающий психотерапевт уже в течение нескольких первых случаев работы со своими пациентами собирает обозримый арсенал психотерапевтического опыта.

Эта ситуация приобретает важное значение при работе по ассоциативному методу с активно представляющими образы пациентами, но вместе с тем становится более запутанной, неясной. Если психотерапевт не обладает достаточным собственным опытом или еще не приобрел его, рано или поздно эта ситуация может поколебать его уверенность в восприятии и контроле его чувств контрпереноса, включая страх.

В заключение мне хотелось бы коротко прокомментировать сказанное.

Чем больше психотерапевт ослабляет протекционную позицию и ограниченность на стандартных мотивах или совсем ее нарушает, тем шире раскрываются свободно развивающиеся образные ассоциации (прежде всего у активно представляющих образы пациентов). Психотерапевт обнаруживает тогда, рано или поздно, некоторую границу, которая характеризуется двумя моментами.

- Течение образов заходит в такие области, к которым не подготовлен ни пациент, ни психотерапевт. При этом открываются все возможности для негативной динамики, как, например, появление со стороны пациента задиристых и агрессивных импульсов против важных символических образов в форме человека или животного. В связи с этим или независимо от этого могут освобождаться аутоагрессивные импульсы, которые в образах могут угрожать пациенту, вызывать реакцию паники, или при которых он оказывается в сценах депрессивной беспомощности и одиночества. Другими словами, психотерапевт, по своей ли инициативе или нет, оказывается объятым образно представляемыми страхами и теряет тем самым потенциал ведущего. Это, в свою очередь, вызывает неуверенность у пациента, так что в худшем случае это может грозить тем, что два потерявших уверенность человека могут очутиться в тупике. Описывая здесь этот очень редкий, но все же время от времени иногда встречающийся случай подобного драматического обострения, я хочу специально обратить на это внимание. Ведь нет ничего хуже, чем когда хороший, корректно используемый психотерапевтический метод дает противоположный результат по сравнению с тем, что он мог бы дать, а именно: приводит психотерапевта в уныние и вызывает у пациента сопротивление и ненормальные реакции.
- Негативные чувства контрпереноса могут возникнуть у психотерапевта и в результате того, что он переживает своего пациента негативно из-за развития у него ассоциативной свободы, фантазий или чего-то подобного в этом роде, что психотерапевт, со своей стороны, не позволил бы, что он переживал бы как преувеличение, бессмысленность, фантастику, оторванную от реального мира, и т.д. и что бы он отверг по причине своих собственных принципов.

Мне не следует здесь еще раз подчеркивать необходимость основательного, доходящего вплоть до уровня *средней ступени* КПО образования по системе подготовки психотерапевта по методу символдрамы, связанного с соответствующим собственным опытом в ходе своего учебного анализа и с прорабатыванием отношения перенос-контрперенос.

Подводя итог, можно сказать, что ассоциативный метод представляет собой важнейшее техническое средство психотерапевтического воздействия, примыкающее к *основной ступени* КПО. Он эластично подводит психотерапевта к обширной и многоплановой технике *средней ступени* КПО. Техника ассоциативного метода дает пациенту больше свободы, расширяет независимость от ведения психотерапевта и предоставляет тем самым самостоятельность - в плане представляемых образов и приходящих в голову мыслей. Психотерапевту она позволяет накапливать больше опыта и уверенности в обращении с КПО. Он может учиться контролировать собственный контрперенос и наблюдать чувства переноса у пациента. Описываемый на 21-м занятии анаклитический перенос теперь больше не имеет первостепенного значения. Психотерапевт в гораздо большей степени *предоставляет пациенту все больше* подходящего для него *ведения*, нередко даже своенравного и упрямого характера. Отношение психотерапевт-пациент сравнимо теперь с отношением ребенка, который в своем развитии вырастает из фазы раннего детства и в своем радиусе активности поведения все больше отдаляется от родительской фигуры психотерапевта, вступая на путь собственных открытий. Однако без уверенности и опыта психотерапевта это в конечном счете не удастся.

20 занятие

(7) Бесконфликтные сцены и удовлетворение архаических потребностей

Разбираемая в этом разделе стратегия ведения *сновидения наяву* восходит к ранним психоаналитическим разработкам [14]. В сновидении и в сновидении наяву раскрываются не только конфликты и нерешенные проблемы, но и тенденции желаний и их осуществление. Первая концепция *Кататимно-имажинативной психотерапии* исходила из теории конфликта, в соответствии с генеральной линией развития психоанализа. Пациент должен был переживать в образах такие сцены, которые несли в себе конфликт и проблемы (фиксированные образы), причем дозировано, приемлимым для него образом и, в то же время, регулярно. Ему нужно было их объяснить, сделать более близкими, он должен был вместе с психотерапевтом искать решения конфликта всегда, когда это казалось необходимым и целесообразным. Другими словами, мы вращались преимущественно в бессознательной и подсознательной сфере конфликтов, как это было описано в предыдущих главах.

В ходе долгой истории метода *Кататимного переживания образов* и его постепенного развития из области клинической эмпирики появилось сомнение, является ли эта стратегия, концентрирующаяся исключительно на конфликте, всегда исключительно правильной. Для некоторых пациентов, в особенности для пациентов с тяжелыми нарушениями (т. е. с нарушениями структуры *Я*, со слабым *Я* или с психосоматическими нарушениями) стратегия работы с конфликтным материалом казалась не только односторонней, но и скорее ослабляющей *Я*. К этому добавились данные клинического опыта, когда, наряду с несущими проблемы фиксированными образами, иногда появлялись также и совершенно

противоположные образы, которым пациенты придавали очень большое значение. Имеются в виду бесконфликтные сцены в КПО особого рода. Для них характерно повышенное внутреннее участие, вовлеченность пациента, например, в какое-то эстетическое переживание, ощущение очень приятного самочувствия, появление приятного, приподнятого, часто даже блаженного настроения и т. п. Эти настроения могут отразиться также и во встречах с людьми, которые оказывают положительное эмоциональное воздействие, например, излучают успокоение и расслабление. Другая область - это чувство единения с природой. Сюда относятся *мотивы воды* и частая потребность что-то делать с водой, источником, ручьем, рекой или морем. Пациенты пьют, освежают водой лицо и тело, они купаются или плавают в ней и т. д. Связанное с этим удовлетворение относится к глубоко лежащим и сильным регрессивным потребностям. Обращение с водой совершенно явно принадлежит к прототипам разбираемых в этом разделе возможностей удовлетворения и успокоения. Прослеживание этого воздействия *сновидения наяву* и аналогичное наблюдение всего хода психотерапии в рамках бесконфликтных сцен и приятных переживаний удовлетворения концентрировалось в материал особого содержания, собираемый независимо различными психотерапевтами. Его обобщение и обработка привели к открытию *второй составляющей* метода *Кататимного переживания образов*, в противоположность к первой, ориентированной на конфликт составляющей.

Вначале я думал, что иногда спонтанно появляющиеся в процессе техники *основной ступени* КПО бесконфликтные элементы образов имеют самовознаграждающее значение. Поэтому я рекомендовал следовать желанию пациента, если он, например, захочет прилечь, поспать на солнечном летнем лугу (символика рая) или если при обзоре возвышающей душу панорамы с горы у него развивается соответствующее настроение. В то время я рассматривал это, с точки

зрения теории научения, как естественное “усиление, подкрепление” (“Reinforcement”). Казалось разумным, таким образом, везде, где для этого был повод, предоставлять пациенту это вознаграждение.

В контексте глубиннопсихологической теории эти бесконфликтные сцены не могут, конечно же, восприниматься иначе как механизмы защиты относительно конфликтного содержания образов или относительно страха и депрессивной беспомощности, одиночества. Чтобы больше не останавливаться на теоретических деталях, уже сейчас следует сказать, что здесь, *с одной стороны*, определенную роль несомненно играют механизмы сокрытия конфликтов. *С другой стороны*, эти отношения все же более сложные и затрагивают новую *теорию первичного нарциссизма*, на которой здесь подробнее я останавливаться не имею возможности (см. [56], [45]).

Радикальный переход к нашим новым представлениям об удовлетворении архаических потребностей и последовательном допущении бесконфликтных сцен произошел в связи со случаем короткой психотерапии, состоящей из 15 занятий, где пациентка имела разносторонние нарушения [81]. Здесь я привожу в сокращенной форме тот самый случай, который и позволил впервые увидеть психотерапевтическое значение “второй составляющей *Кататимного переживания образов*”.

Пример (23)*

Пациентке было 39 лет, она была замужем и имела двоих детей. Поводом для обращения за консультацией к нам послужили *уртикарные угри (Acné excoriée)*, в

* Случай входил в описанную выше программу исследований Н.-М. Wächter и V. Pudel 1980 г. [82]. Лечение проводилось по технике *основной ступени* КПО.

течение года выступающие уже на лице и сильно на спине. Она также страдала от нарушений сна, заболевания желчного пузыря, спастических болей в подложечной области живота. У нее было депрессивное расстройство настроения. Она была нервной, легко возбудимой, и ее охватывало навязчивое опасение, что она должна умереть. Большинство симптомов существовало уже в течение 9 лет и было вызвано рождением второго ребенка. Когда она ехала тогда в роддом, она думала, что там умрет. Когда собирался глубиннопсихологический анамнез, пациентка не смогла сообщить ни одного релевантного факта. Актуальные конфликты отвергались, пациентка привыкла скрывать их во всем. Ее поведение производило впечатление чего-то ученически-детского. Записанный ею протокол напоминал школьное сочинение, а в КПО это несколько по-детски наигранное впечатление подтвердилось, когда она пустила плыть по ручью бумажный кораблик, бросала в реку камешки и т. д.

Для КПО были характерны мотивы луга и другие образы ландшафта, которые были исключительно приветливыми, усеянными цветами, залитыми солнечным светом, то есть не только лишены проблем, но прямо-таки воплощением “детской книги с картинками”, как это называли участники одного из моих семинаров. Ей нравилось полежать на лугу, она наслаждалась приятными сценами или засыпала. Осматривая дом, она нашла на чердаке копну сена, в которую улеглась спать. Когда она представляла сцену со своей семьей на природе, кругом царила одна лишь гармония и радушие. Все попытки выявить стоящую за этим проблематику оставались безуспешными. Таким образом, пациентка была недоступна психотерапии, ориентированной на работу с конфликтом. Я проводил супервизию этого случая, как и всех других, входящих в программу исследований, которые проводил Н.-М. Wächter. Он представил мне этот случай как “неподходящий для нашей программы”.

У меня возникла гипотеза, что пациентка явно следовала сильной внутренней потребности, когда она не только затушевывала, скрывала конфликты, но и по неизвестным нам причинам бессознательно инсценировала в явно завышенной (идеализированной) форме разнообразные переживания, приносящие ей удовлетворение. Я посоветовал коллеге, у которого сложился скорее негативный контрперенос в отношении этой неподходящей для психотерапии пациентки, занять позицию предоставления свободы действия и подождать, в какой форме будет развиваться дальше *сновидение наяву*. Стил КПО и установка пациентки, тем не менее, не изменились вплоть до конца психотерапии. По окончании 15 сеансов, в соответствии с предварительной договоренностью, ее амбулаторное лечение было прекращено.

Результат психотерапии оказался для нас в значительной мере неожиданным. Субъективно пациентка чувствовала себя исключительно успокоенной и избавленной от напряжения. Спастических недомоганий в подложечной области живота и желчном пузыре больше не было, сон существенно улучшился, перепады настроения также были меньше и короче. Исчезло даже навязчивое опасение, что она должна якобы умереть. Проявления *уртикарных угрей* частично отступили, по сравнению с данными прежних осмотров. В течение проводившегося затем более трех лет наблюдения рецидива обнаружено не было. В соответствии с этим, исследования при помощи психологического тестирования показали уменьшение психосоматических жалоб (Гиссенский опросник), существенно понизились показатели невротической тенденции (по Бренгельманну) и явно проявляющегося страха (по Тейлору).

Комментарий. Для нас было очень важно, что существовавшая здесь в течение 9 лет психосоматическая симптоматика подверглась устойчивому улучшению, благодаря подобной избегающей конфликты *Кататимно-имагинативной*

психотерапии. Еще более поразительным было то, что, в соответствии с клиническим опытом, удалось оказать радикальное воздействие на очень упорный симптом навязчивого страха.

Между тем ряд других психотерапевтов может также рассказать о похожих случаях, протекавших в бесконфликтной среде, некоторые из которых, несмотря на очень короткую продолжительность (10 и менее сеансов), привели к заслуживающим особого внимания хорошим результатам и выдержали контрольные испытания (ср. [45], [82]).

Мы должны сделать *вывод, что составляющая бесконфликтных сцен и/или удовлетворение архаических потребностей* - как бы их ни называли - представляют собой *существенно важный, новый психотерапевтический компонент метода Кататимного переживания образов*. Представляется целесообразным развивать далее этот подход и систематически его исследовать.

Исходя из психоаналитически-теоретических позиций, мы наблюдали содержание *сновидений наяву*, которые можно было бы отнести к регрессии либо на первично-нарциссическую фазу переживания, либо на более орально окрашенную, изредка анально акцентуированную фазу удовлетворения. Некоторые теоретические пояснения я привожу в этой связи в других работах ([23] и, особенно, [45]).

Я не могу здесь слишком растягивать тему удовлетворения архаических потребностей, какой бы важной она ни была. *Где бы ни встречались элементы кататимной панорамы основной ступени КПО*, психотерапевт должен быть к этому подготовлен и *знать, что в представлении бесконфликтных сцен заключен значительный психотерапевтический потенциал*. Приведу вначале два примера.

Пример (24)

Этот пример демонстрирует успокаивающее и вегетативно очень седативное действие использования воды.

50-летний врач поступил на лечение после операции на слепой кишке. Операция была для него неожиданной и оставила после себя ощущение экзистенциальной угрозы. С этим, в качестве характерного переживания, связывалось состояние сильной слабости, беспомощности. Он был беспокоен, не мог спать, и - хотя он и был прикован после операции к постели - давление у него было 170/120, в то время как обычные для него показатели составляли до операции не более 130/80. Этот человек был знаком с аутотренингом, а также имел опыт работы с КПО. Теперь, вызвав у себя при помощи аутотренинга состояние расслабления, он образно представил себе сцену, где мог пассивно предаться окружающей его природе. Он представил себя плывущим на спине по медленно текущим водам реки. Скоро он ощутил, как вода несет его, и целиком предался чувству все возрастающего слияния с омывающими его водами. Образ комплектовался в большую, широкую реку, наполненную до краев водой. Река расходилась на два рукава и была окружена зелеными лугами. Пациент старался подольше выжидаяще придаваться чувству покачивания на воде, которое оказалось очень приятным. В этот день он повторил это упражнение несколько раз. Тем самым он переживал значительное расслабление и успокоение, что также оказывало положительное влияние на расстройства сна. Измеренное на следующий день кровяное давление составило 130/80.

Комментарий. Поразителен эффект быстрого воздействия на вегетативную систему. Самостоятельные упражнения, в которых аутотренинг сочетался с характерными, удовлетворяющими архаические потребности кататимными образами, имеют большое значение для глубокого, немедикаментозного

успокоения психовегетативной системы. Его величина становится видна по снижению диастолического (нижнего) давления.

Этот пример имеет определенные параллели с *использованием воды* у описанной на с. 66 - 67 пациентки с *гиперфункцией щитовидной железы*. Три истории болезни, которые описал A.Pszywuj [58], показывают в совершенно разных случаях характерный и стойкий психотерапевтический эффект имажинируемого купания.

Пример (25)

Этот второй пример показывает установление архаического удовлетворения в индивидуальном случае и опасность, которая может быть связана с самостоятельным упражнением.

Меня позвали к пациентке, находившейся на лечении в университетской клинике. Она была замужем, и ей было около 40 лет. Она была госпитализирована из-за тяжелого, рецидивирующего *язвенного колита (Colitis ulcerosa)*. Я знал эту пациентку, так как она прежде уже проходила у меня лечение в похожем остром состоянии. Я застал ее в палате весьма возбужденной. Она торопливо звонила по телефону одной подруге за другой, у которых она разместила шесть своих детей, чтобы прямо из кровати решить связанные с ними вопросы. В ходе нашей беседы я прежде всего попросил ее рассказать об актуальных для нее проблемах. Она страдала от страха, что кто-то переманит от нее кого-то из ее детей и/или что ее тяжелое, уже много лет неотступающее заболевание станет для нее смертельным. Чрезмерно высокая активность была попыткой, защититься от этого панического страха. Она спала беспокойно и очень мало, почти ничего не могла есть и, несмотря на медикаментозное лечение, имела частый стул с кровяными выделениями. Было видно, что ей обязательно необходима кризисная

психотерапевтическая помощь. К сожалению, у меня было мало времени - через день у меня была запланирована встреча в другом городе. И я попытался наилучшим образом использовать ситуацию.

Я должен был довести до ее сознания, что в настоящий момент для нее важнее всего успокоиться, чтобы иметь возможность рассмотреть свое состояние с некоторой дистанции и более уравновешенно - и тем самым более реалистично. После того, как она смогла это принять (а моя подчеркнуто полная спокойствия манера держать себя, пожалуй, тоже соответствовала ее обусловленному переносом ожиданию), я предпринял кризисное психотерапевтическое воздействие при помощи КПО. Я спросил ее о какой-нибудь ситуации в ее жизни, связанной с природой или с общением с людьми, в которой она чувствовала себя особенно хорошо и в полной безопасности. После короткого раздумья она описала мне свой сад в летнее послеполуденное время. Она лежала в шезлонге, а солнечный свет пробивался сквозь цветущие розы.

Я попросил ее целиком вжиться в эту сцену, и стал ждать очень коротких вербальных сообщений, чтобы удостовериться, что представленный образ сохраняется. Она должна была целиком предаться царящему в образе настроению и в медитирующей манере принять в себя этот образ. Спустя примерно 15-20 минут я попросил пациентку постепенно завершить образ, но оставаться еще и дальше в настроении распространяющегося покоя и расслабления. Затем я тихо покинул палату.

На следующий день я нашел пациентку значительно спокойнее, расслабившейся, более раскованной. Она приветствовала меня приветливой улыбкой, лежа в постеле. Снялось напряжение в актуальном состоянии.

Она хорошо спала и имела аппетит. Утихло перистальтическое беспокойство в области прямой кишки. В целом я констатировал явное изменение вегетативного

состояния и психической установки тяжелобольной женщины. Во время моего второго визита я провел упражнение еще раз и попросил ее самостоятельно представить себе этот мотив в свободную минуту или вечером, так как на следующий день я прийти не мог.

Через день она по-прежнему чувствовала себя относительно хорошо. Лечащий врач-терапевт был весьма доволен. Она мне только сообщила, что во время самостоятельного упражнения случилась неприятная реакция. После представления сцены в шезлонге она начала физически сжиматься и становилась все меньше и меньше. В конце она чувствовала себя словно потерянный в шезлонге эмбрион. Это вызвало у нее беспокойство, но все же не испортило полностью настроение.

В последующие дни я продолжил упражнение в моем присутствии и провел с ней облегчающие беседы на актуальные темы. Пациентка продолжала стабилизироваться и смогла с пониманием отнестись к известию об очень плохих результатах исследования ее заболевания кишечника, которые требовали проведения операции. Она смогла принять это известие почти без всякого изначально существовавшего депрессивного настроения.

Комментарий. Здесь также КПО не выполняет никаких других функций, кроме кризисного воздействия. Отчетливо видно сильное воздействие на психовегетативную систему уже благодаря первому сеансу. С этим связано не только ободрение, поддержка пациентки, но и сильный аванс доверия для психотерапевта. Становится отчетливо виден технический путь представления индивидуальной, удовлетворяющей потребности сцены, которую в случае таких особых пациентов психотерапевт как раз и не может встретить. Здесь, как и при использовании мотива воды, в каждом отдельном случае необходимо в ходе предварительной беседы выяснять, в чем для пациента заключается

удовлетворяющая сцена нарциссического, орального или, возможно, анального удовлетворения инстинктов (или/и соответственно желаний).

Особенно поучителен у этой пациентки небольшой промежуточный случай, когда архаически удовлетворяющая (нарциссическая) сцена внезапно превращается в полную страха. Нет нужды останавливаться на содержании стремления стать меньше - тенденция к эмбриональной регрессии становится слишком явной. Никогда нельзя предсказать, когда и каким образом удовлетворяющий образ приобретет негативный акцент или даже обратится в негативный, полный страха образ. По этой причине самостоятельные упражнения у пациентов не рекомендуются. Архаически удовлетворяющие представления должны проводиться только в присутствии психотерапевта, который может направить содержание образов и психотерапевтически воздействовать на возможные отклонения. Впрочем, это “опрокидывание” довольно характерно, и при длительном представлении какого-то особенно удовлетворяющего мотива психотерапевту следует быть к этому готовым. Другие примеры и выводы см. в [45].

В обычной психотерапевтической работе описанный здесь опыт использования второй составляющей метода КПО на его *основной ступени* можно использовать двояким способом.

1. Если пациент вопреки всем ожиданиям не выявляет конфликтного материала, а наоборот, представляет в панораме в значительной мере или исключительно приятные и гармоничные образы, психотерапевт не должен пытаться заставить его от этого отказаться. Даже при некотором напоре в этом случае не удастся отыскать конфликты или спровоцировать их. Принимая во внимание этот факт, психотерапевту следует занять позицию предоставления свободы действий и дать пациенту возможность широко переживать эти преимущественно положительные

образы. Он может еще расставить акценты в том или ином месте. Психотерапевт может с уверенностью исходить из того, что и этот процесс будет иметь терапевтическое значение и что тем самым он помогает пациенту. Правда, путь помощи теперь в меньшей мере проходит в направлении внутреннего противопоставления через прорабатывание конфликта. Созревание личности происходит здесь благодаря усилению *Я*, связанному с усовершенствованием самосознания и с отношениями к людям или окружающему миру вообще (ср. [45]).

2. Если психотерапия на основной ступени КПО протекает сравнительно обычно - таким образом, как представлено в этом семинаре, с наплывом фиксированных образов и других конфликтнообусловленных элементов, - психотерапевт, на основании знания этой новой психотерапевтической составляющей, будет осознанно внимательно регистрировать *все те сцены*, которые пациент переживает в ходе обычного течения *сновидения наяву*. Далее он попытается, в соответствии с переживаниями, усилить эти пассажи у пациента (например, предложив в связи с этим *мотивы воды*, чтобы смочить ноги, руки или лицо, искупаться в воде, поплавать в ней или попить ее). Там, где всплывает приятный образ ландшафта, психотерапевт должен побуждать пациента проникнуться этим образом и в медитативной форме принять в себя его настроение - все равно, будь то *вид с вершины горы*, пейзаж луговой долины или какой-то другой образ. То же самое, естественно, относится и к сценам спонтанных встреч с добродушным, приветливым животным или приятным, желанным человеком. Далее имеет смысл завершать сеанс одной из таких сцен, после того как пациент ее испытает. Ставший теперь осознанным образ и его настроение могут продолжиться дальше. На самом деле примечательно, сколько внутреннего спокойствия и стабильности выносят пациенты из этой части психотерапии. С этим связаны феномены преобразования в КПО на последующих сеансах. Они отнюдь не сигнализируют,

что это обязательно сокрытие господствующей проблематики. Наоборот, зачастую это -знак усиления Я с открытостью ко всему новому и с усилившимся мужеством к новым решениям в *сновидении наяву*, часто даже при преодолении, победе над реальностью. Эта вторая составляющая КПО может быть отнесена к категории “анаклитической психотерапии” (по типу опоры). С точки зрения инстинктивной динамики, ее базовой основой служит первично-нарциссическая и оральная регрессия.

21 занятие

(8)Ориентация на психотерапевтически действенные факторы

Итоговый обзор должен отметить значение этих факторов. Как правило, они настолько сублимированные, утонченные, что либо принимаются психотерапевтом как само собой разумеющееся, либо он их может с легкостью не заметить.

Перечислю их кратко:

- 8.1. *Образное представление, фокусировка воображаемых сцен и их эмоционального тона*, чтобы их когнитивно-осознанно понять и сформулировать.
- 8.2. *Предметизация (наглядное представление, конкретизация) и перемещение содержания образов от полных фантазии до реально обусловленных представлений* при спонтанной самоинтерпретации символов.
- 8.3. *Освобождение чувств и аффектов, вплоть до катарсиса.*

8.4. *Эффект обратной связи превратившихся в объект конфликтов и способствование их креативному раскрытию.*

8.5. *Контроль терапевтического процесса посредством феноменов преобразования.*

8.1. *Образное представление, фокусировка воображаемых сцен и их эмоционального тона.* Здесь речь идет о следующем. Восприятие кататимных образов в ярко выраженной форме может быть почти равносильным восприятию реальных предметов. Первый акт пациента в продвинутом *сновидении наяву* относится к оптическому восприятию как таковому. Вначале остается открытым, что он потом сам будет делать с представленными предметами или сценами. Окинет ли он их лишь поверхностным взглядом, чтобы обратиться затем к следующим предметам и сценам? Оттеснит ли он их на задний план, спеша от одной сцены к другой? Но все же будет психотерапевтически гораздо эффективнее, если пациент постепенно научится *в полной мере вызывать в своем воображении* образно представляемые сцены. Этому прежде всего способствует просьба описать сцену по возможности детальнее. В этом анализе поля восприятия заключается *когнитивное проникновение*, которое может зайти очень далеко. Субтильное, утонченное образное представление, фокусировка ведут к обогащению сцены широкой окружающей обстановкой и множеством деталей, а также вновь входящими элементами. Спрашивая о подробностях, психотерапевту следует избегать слишком большого количества деталей. Особенно, однако, нужно избегать таких вопросов, которые влекут за собой только “да” или “нет”, т. е. поставлены “узко”. Лучше задавать *открытые вопросы*, как, например: “Что Вы видите еще?”; “Не могли бы Вы присмотреться еще повнимательнее?”; “Попробуйте, пожалуйста, описать мне подробности, я хочу полностью очутиться

в образе” и т. д. Тем самым пациент проходит процесс научения. Его действительно можно таким путем обучить создавать кататимные образы от сеанса к сеансу содержательно шире и постигать их когнитивно все точнее. Такое образное представление, фокусировка, в собственном смысле этого понятия, осуществляется только при условии, если пациент научится точно так же воспринимать и вербализировать *эмоциональный тон* соответствующей сцены и, например, настроение ландшафта, настроение какого-то помещения, настроения и качественные свойства, которые “излучают” гора, лесная сцена и т. п. Для этого психотерапевт может в качестве альтернативы предложить на выбор некоторые подобные качественные свойства (например, “теплый” или “холодный”, “добродушный” или “враждебный”, “мягкий” или “жесткий” и т. п.), чтобы пояснить, что он имеет в виду: относительно наивное, скорее ориентированное на детские переживания восприятие простого эмоционального впечатления.

Другой вопрос касается эмоциональной ситуации самого пациента. Она может совпадать с настроением кататимной сцены. Но (изредка) встречается и противоположная ситуация: пациент сопротивляется негативному излучению какой-то кататимной сцены. Как он к ней эмоционально относится? Переживает он ее с симпатией или без симпатии, близкой или чуждой ему и т. п.? Эти вопросы особенно полезны при работе с фиксированными образами.

8.2. Предметизация (наглядное представление, конкретизация) и перемещение содержания образов от полных фантазии до реально обусловленных представлений. Символическое представление является выражением регрессивного уровня переживаний и подчиняется закономерностям первичного процесса (З.Фрейд): посредством вербализации и анализа восприятия этот уровень должен шаг за шагом становится предметом интеллектуального постижения. Содержание *сновидений наяву* все больше приобретает характер повседневного, понятного предмета, не скрываясь только в области магически символического. Благодаря такой “демистификации” *сновидение наяву* приобретает в ходе психотерапевтического процесса все больше обусловленных реальностью категорий в смысле вторичного процесса (З.Фрейд). Примером может служить случай короткой психотерапии 16-летнего гимназиста, когда появившийся из пещеры великан был выведен в мир. Такая постановка цели означает для психотерапевтического ведения, что к материалу фантазии следует относиться скорее с конкретных, предметных позиций (но ни в коей мере не с целью коррекции) и что его точно так же, как эмоциональные реакции, следует сделать тонким предметом точного, конструктивного рассмотрения. Даже чудовищные сцены, например, жутко сопящий дракон, наблюдаются, образно представляются и описываются таким же скрупулезным образом, каким обычно исследуют какой-нибудь технический аппарат (отсрочка, смещение обусловленного желанием первичного процесса в пользу обусловленного реальностью вторичного процесса). К этому увеличивающемуся когнитивному проникновению относятся также спонтанная самоинтерпретация содержания образов и наведение пациента на внезапно приходящие в голову идеи, какими бы ограниченными они еще не были на *основной ступени* КПО.

8.3. *Освобождение чувств и аффектов вплоть до катарсиса.* Предметизация (наглядное представление, конкретизация), чувств и аффектов может их усилить. Они могут иметь негативный характер, как, например, страх, неуверенность, ужас; они могут иметь позитивный характер, такие как успокоение, радость или сильное эстетическое впечатление, если назвать только некоторые из них. Их освобождение вплоть до отреагирования в плане более легкого или более сильного катарсиса с моторными реакциями дыхания, лицевой мускулатуры и т. п., точно также как и с ярко эмоциональными вербальными формулировками имеет освобождающий характер. Психотерапевт одинаково поддерживает как печаль вследствие некоторой потери, так и внезапное появление слез из-за безвыходной ситуации. Иногда с этим бывает связано чувство стыда. Психотерапевту следует понимающе заговорить об этом с пациентом и относиться к этой реакции как к акту психотерапевтического облегчения. Результатом этого катарсиса, может быть только “микροкатарсис”, является эмоционально-аффективная нейтрализация первоначально эмоционально заполненных элементов КПО. При этом они преобразуются, и пациент приобретает большую когнитивную ясность в понимании значения содержания этих элементов и растущее знание существующих между ними взаимосвязей. До отреагирования этих аффективных заполнений это было для него еще невозможно. Освобождение аффектов не является, таким образом, самоцелью. Это средство для достижения цели, чтобы добиться более глубокой когнитивной ясности, к которой стремятся факторы 8.1 и 8.2, именно там, где фиксированные образы показывают существование мешающих факторов. Правда, очень ярко выраженные реакции катарсиса наблюдаются в *Кататимном переживании образов* редко. Они наступают разве что при переживании травматических сцен раннего детства, которые становятся

при этом как бы вновь прожитыми и выстраданными. В рамках техники *основной ступени* КПО это происходит очень редко.

8.4. *Обратное воздействие образов и их включенности как частей Я, способствование креативному раскрытию.* Предметизация и конкретизация кататимного содержания образов способствует ясности имажинация. Предстающие конфликты проецируются вовне более четко и выразительно. Кажется, что они находятся на расстоянии примерно одного метра перед закрытыми глазами. Конфликт как “осязаемый объект” тем самым отходит, следовательно, на некоторую дистанцию. Этот перенесенный вовне объект является частью собственного конфликтного Я. Его можно рассматривать и критически разбирать. Структурные элементы образа можно классифицировать и исследовать по их эмоциональному тону и т. п. Если затем зарисовать пережитое в образе (ср. рис. 1 и 2, с. 80 - 81), то идеи и переживания, возникающие при рассмотрении этого рисунка совместно с психо-терапевтом (или с группой) могут расширить понимание образа. Такое рассмотрение и фокусирование на деталях имеет в той или иной форме непосредственное обратное воздействие (обратную связь - Feedback) на Я. С одной стороны, спонтанное стремление к формированию образа (гештальт-образованию) посредством проецирования вовне собственного конфликта соответствует естественной тенденции к самоисцелению (как и в случае ночного сновидения). С другой стороны, повторное восприятие сформированного образа посредством воспринимающего и вновь подвергающегося впечатлению Я оказывает обратное воздействие и имеет тем самым важное психотерапевтическое значение. Происходит кибернетический круговой процесс. Он способствует бессознательному, предсознательному или даже когнитивно ясно осознанному внутреннему разбору, толкованию образа, которое продолжается само по себе. В зависимости от уровня разъяснения созданного образа этот процесс остается

отчасти наполовину в предсознательно, наполовину в бессознательно образном, наглядном состоянии, отчасти же становится осознанным, вплоть до приобретения когнитивного понимания. Кульминацией этого процесса является самоинтерпретация символических взаимосвязей и возникающих в связи с определенными элементами образа мыслей. Для *основной ступени* КПО, таким образом, отчасти характерно, что уже в рамках короткой психотерапии на предсознательном уровне поддерживается процесс внутреннего разбора и анализа. Тем самым этот процесс получает стимул для дальнейшего развития сцен *сновидения наяву*. Оно проявляется в уже упомянутых ранее разворачивающихся креативных трактовках и формировании образа. Изначально скучные и блеклые сцены становятся оживленнее, богаче, населенными людьми и животными. Открываются целые миры. В ходе пробных действий пациент учится разрешать казавшиеся вначале трудными и едва ли преодолимыми мотивы препятствия-недопущения. Они постепенно становятся более легкими, слабыми и менее проблематичными.

Результат предсознательного, еще длительное время являющегося следствием одного только образа эффекта обратной связи имеет определенную самостоятельную ценность. Его нельзя недооценивать. В качестве *эмоционально насыщенного разбора, анализа* он может быть эффективнее, чем преждевременное когнитивное и интеллектуальное прорабатывание психотерапевтом. М.Босс [5] показал в экзистенциально-аналитическом прорабатывании ночного сновидения значение “оставления-в-образе” (“Im-Bild-stehen-Lassen”). Оно позволяет понять воображаемый образ во всей его полноте как метафору с ее многоплановым значением, вместо того чтобы опустошать его путем расчленения и “разложения по полочкам”. Именно поэтому такое большое значение имеет описанное в разделе 8.1 образное представление воображаемых сцен. Оно еще более усиливается, если

воображаемую сцену представляют более длительное время, “оставляя ее в образе”, почти в форме медитации. Таким образом, эту сцену можно созерцать абсолютно спокойно, и она абсолютно непосредственно воздействует на пациента. При определенных обстоятельствах в этот момент уже намечаются изменения, преобразования, которые указывают на терапевтический эффект. Это касается как конфликтного, так и бесконфликтного содержания образов. Эффект обратной связи можно, как уже говорилось, усилить, если психотерапевт фокусирует образное представление на специфических отдельных элементах образа. Для этого процесса характерно своеобразное колебание между диффузным предчувствием, предположением, эмоциональным опытом, узнаванием и постижением эмоций, с одной стороны, и выразительным, точным образом как объектом этого, с другой стороны.

В другой своей работе [46] я подробно разобрал вопросы обратной связи и показал поразительную зависимость и связанность этого процесса. Эксперименты показали, что между символом и стоящим за ним бессознательным эмоциональным конфликтом существует тесная функциональная связь. Направленная на терапевтический образ интервенция (психотерапевтическое воздействие) психотерапевта сама по себе действует именно на бессознательную конфликтную динамику личности. Проецируемый вовнутрь образ является частью собственного Я. В известной степени это можно сравнить с расширением границ Я в этом образе. Нечто похожее нам знакомо по технике стрельбы из лука в дзен-буддизме и по расширению границ Я на окружающие нас тела, например, на границы кузова нашего автомобиля [46].

Этот процесс обратной связи не противоречит описанному в разделе 8.2 когнитивному разъяснительному процессу. Оба процесса действуют преимущественно параллельно: рассматриваемый здесь процесс на первой фазе,

описанный в разделе 8.2 - на одной из последующих фаз психотерапии. Оба процесса могут протекать параллельно, взаимно обогащая друг друга.

В первый момент этот подход может показаться несколько теоретическим. Однако его следует считать лишь попыткой абстракции функций символдрамы, описанных в представленных технических инструкциях и относящихся к ним примерах.

8.5. Контроль терапевтического процесса посредством феноменов преобразования. Синхронные феномены преобразования проявляются в ходе успешно развивающейся психотерапии в КПО часто посредством уже минимальных преобразований. Они появляются при разворачивании картины течения ручья, панорамы ландшафта при разглядывании с вершины горы или, более скромно, почти после каждого сеанса или других психотерапевтических воздействий (ср. с. 80 - 81). Феномены преобразования дают психотерапевту возможность контролировать эффективность его интервенций. Однако и для пациента они являются ободрением и поддержкой. Поэтому психотерапевту следует обращать на них внимание и, по возможности, вербально усиливать их, заговаривая о них в смысле некоторого “вознаграждения” (Reinforcement). Это целесообразно делать также в плане воспринимаемого самим пациентом терапевтического облегчения его симптомов. Если ожидаемые психотерапевтом феномены преобразования все же не наступают, то таким образом психотерапевт может диагностически оценить, находится ли в настоящий момент терапевтический процесс в определенном отношении в состоянии застоя или нет. Здесь налицо сопротивление и защита Я, восходящие, как правило, к проблеме переноса. Тогда становится необходимым проанализировать проблему переноса.

Чтобы исходя из этого точнее и нагляднее показать пациенту застой или продвижение терапевтического процесса, я предлагал на *основной ступени* КПО

подходящий для этого диагностический мотив. Он показывает с поразительной последовательностью простоту проективных функций. Проконтролировать с помощью этой техники прогресс процесса лечения захочет, прежде всего, неуверенный в своих действиях психотерапевт.

Технически это достигается путем представления мотива *новостройки дома*. Через определенные промежутки времени (после соответственно определенного количества сеансов или при подходящей возможности во время рассматривания кататимной панорамы) пациенту рекомендуют представить “новостройку дома”. При этом остается открытым, что в частности имеется в виду под “новостройкой дома”.

В начале психотерапии с большой регулярностью появляется выкопанный строительный котлован. Затем, в ходе дальнейшего лечения становятся отчетливыми различные этапы строительства: выкладываются стены подвала, возводятся сначала первый, а потом второй этажи, накрывается крыша. Далее следуют обычные этапы внутренней отделки дома, пока здание не будет закончено. Здесь также возникает впечатление (как и в мотиве обзора панорамы с вершины горы), что психика словно обладает внутренним масштабом для течения и завершения психотерапии, как бы управляющим бессознательной кривой развития терапии. С другой стороны, о многом могут также сказать такие выразительные сцены, в которых строительство новостройки не продвигается, например, если работники бастуют, нет строительных материалов и т. п. Особенно интересны решения задач строительства, которые представляют собой неуместные, нереалистичные или вообще иллюзорные попытки. Вместо жилого дома возникает высотный дом со сложными бетонными конструкциями, замок, дворец и пр. В этом проявляются незрелые (часто нарциссические) черты грандиозного *собственного Я* (Selbst) и отражаются иллюзорные ожидания

относительно психотерапии. Анализ и медленная коррекция подобных нарциссических неадекватных ожиданий удастся, правда, только очень опытному и глубинно-психологически грамотному психотерапевту. Тем не менее, эти сцены тоже могут иметь обратное воздействие в духе начинающегося понимания и последующей коррекции ошибочной схемы.

22 занятие

(9) Перенос и контрперенос в Кататимном переживании образов

До сих пор я описывал руководство *сновидением наяву* и интеракции психотерапевта с одной только технической стороны. Это правильно, и этого стиля ведения придерживаются в течение длительного времени в рамках короткой психотерапии продолжительностью до 30 сеансов. Мы не можем, однако, игнорировать основополагающие, разрабатываемые в течение десятилетий знания из области психоанализа об эмоциональных отношениях между пациентом и его психотерапевтом, и, таким образом, важный аспект отношений в КПО *основной ступени*. Это относится к проблеме переноса и контрпереноса чувств, а также их особой констелляции (соотношения) в КПО.

В ходе любой психотерапии пациент рано или поздно, более или менее выражено переносит свои чувства на психотерапевта. Эти чувства связаны большей частью с бессознательным возрождением отношений к важным фигурам из детства пациента. Это могут быть материнские или отцовские фигуры или какие-либо другие, игравшие важную эмоциональную роль (“объекты любви”). Эти чувства могут участвовать в процессе психотерапии в течение долгого

времени или только временами. Чувства переноса можно заметить, только если они возрастают до определенного уровня. Если они имеют позитивный характер, то, обобщая, говорят о “позитивном переносе”. Он может включать в себя большой уровень симпатии, даже настоящую влюбленность. Если мобилизуются негативные чувства, такие как неуверенность, робость, нерешительность, гнев, раздражение, досада или протест, то говорят в целом о “негативном переносе”. Спонтанно приходящие в голову в связи с господствующим чувством мысли, идеи, ассоциации показывают затем, по отношению к какой фигуре в раннем детстве существовали подобные эмоциональные отношения. Говорят, например, об “отцовском переносе”, “материнском переносе”, переносе отношения к бабушке и т. п.

Как уже говорилось, когда речь идет о короткой психотерапии продолжительностью 20-30 сеансов (как почти всегда и бывает на *основной ступени* КПО), редко требуется прорабатывать чувства переноса. Однако, если же они препятствуют психотерапии в плане “невроза переноса”, то негативный перенос может представлять значительную помеху для символдрамы, превратившись в гандикап (Handicap). Отношения между пациентом и психотерапевтом в этом случае чувствительно нарушаются и искажаются. Негативный перенос препятствует продвижению терапевтического процесса или вообще ставит его под сомнение. К примеру, у пациента может вообще быть нарушена способность представлять образы.

В связи с переносом часто находится связанный с ним контрастный эквивалент: перенос со стороны психотерапевта на пациента, “контрперенос”. Вместо того чтобы суверенно использовать свой психотерапевтический инструмент, психотерапевт реагирует на негативный перенос пациента точно также эмоционально и бессознательно проецирует на пациента собственные, еще

недостаточно проанализированные эмоциональные проблемы отношений из своего раннего детства. Например, психотерапевт может испытывать раздражение и досаду, если пациент не делает то, что он от него ожидает, или, например, если пациент может представлять образы только в незначительной мере или вообще не может. Тем самым каждый раз вновь взаимно страдает коммуникация, а психотерапия испытывает застой еще и другим образом. Когда в ходе психотерапии возникают какие-либо трудности, то причиной этого почти всегда бывает такое нарушение отношений. Так как это часто происходит бессознательно, то разбор, разъяснение встречают трудности. Только тонкий и осторожный анализ ситуации в ходе супервизии (индивидуально или в группе) может помочь затем осознать контрперенос психотерапевта и разъяснить перенос пациента. Если это удастся и психотерапевту открывается необходимое понимание, становится возможным преодолеть даже кажущуюся безнадежной задержку, застой.

В чем заключается специфическая ситуация (конstellация) переноса и контрпереноса в *Кататимном переживании образов*?

По сравнению с преимущественно вербально ориентированными формами психотерапии перенос эмоциональных отношений из раннего детства на *основной ступени* КПО в значительной мере отходит на задний план или, по меньшей мере, остается в тени в течение очень длительного времени. Поэтому его не нужно особо учитывать как помеху. Однако его нельзя и полностью исключать. В двух ситуациях он выходит на первый план.

1. Если негативный перенос чувств на психотерапевта возникает уже во время первой встречи, например, при сборе анамнеза или при первой попытке применения *Кататимного переживания образов*. Я имею в виду нерешительных пациентов, испытывающих робость или недоверие по отношению к

психотерапевту, которое не удастся преодолеть при помощи доверительной беседы.

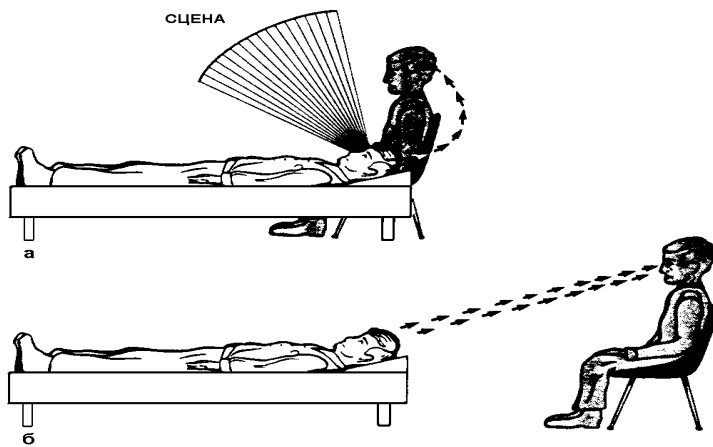

Рис. 4а и 4б

Проективные отношения переноса в *Кататимном переживании образов* (а) отличаются от проективных отношений в психоанализе (б) прежде всего тем, что в КПО проективная динамика проявляется (манифестируется) преимущественно на экране проекции *сновидения наяву*. Тем самым феноменологически она является очень точной и выразительной, апеллируя преимущественно к сознанию пациента. К психотерапевту может еще относиться лишь более слабая “побочная проекция”. В случае психоанализа (б) единственным объектом проекций переноса является присутствующий и преимущественно переживаемый в воображении пациента психотерапевт.

2. Если в ходе психотерапии по методу КПО какого-то пациента с тяжелыми нарушениями (например, с нарциссической структурой или в пограничных случаях по типу *Borderline*) возникают агрессивно окрашенные негативные элементы и нарушаются отношения между пациентом и психотерапевтом. Связанное с этим, часто замаскированное снижение эффективности лечения вызывает у молодого, часто еще путающегося психотерапевта ответный контрперенос.

В обоих случаях психотерапевт, еще не поднявшийся в своем образовании над уровнем *основной ступени* КПО, сталкивается сначала с ситуацией, находящейся на пределе его возможностей. Далее он может выбрать, направить ли пациента к более опытному психотерапевту или разобрать случай в ходе тщательной индивидуальной или групповой супервизии. Проблему переноса и контрпереноса, которая, прежде всего, касается продвинутого психотерапевта, я очень подробно и, как мне кажется, инструктивно разобрал в специальной главе моего большого учебника [45].

Я хотел бы разобрать здесь гораздо более важный для *основной ступени* КПО вызывающий недоумение факт ненаступления переноса и контрпереноса и причины этого. Таким образом я могу наглядно продемонстрировать важное и очень специфическое нарушение отношений в системе пациент/психотерапевт в психотерапии по методу КПО. Есть три причины для относительно подчиненной роли отношений переноса и контрпереноса в практике символдрамы.

- а) Психотерапия на *основной ступени* КПО ограничивается в основном короткой психотерапией.
- б) Чувства переноса пациента проецируются преимущественно на уровень *сновидения наяву*.

в) Ситуация сеанса (сеттинг) в КПО снижает опасность исключительной проекции ребенок-родители.

а) Уже в ходе психоаналитической *короткой психотерапии, состоящей из 15 - 30 сеансов*, редко возникает выраженный невроз переноса. В ней, напротив, преобладает позитивный уровень переноса [48]. Хотя в определенном отношении это частное утверждение, оно распространяется также и на все КПО.

б) Проективные силы пациента (давление проекции), при помощи которых он переносит на психотерапевта эмоциональные отношения из своего раннего детства, в значительной мере связаны в КПО с экраном проекции *сновидения наяву*. В КПО *сновидение наяву* является важнейшим, занимающим более первостепенное место в сознании пациента экраном проекции, чем сидящий рядом с ним психотерапевт. В психоанализе и других вербальных методах психотерапии психотерапевт, напротив, является единственной целью переноса проекций (рис. 4а и 4б). Внешняя констелляция (сеттинг) психоанализа (то есть расположение пациента и психотерапевта друг относительно друга и условия проведения психоаналитического сеанса), как известно, даже специально приспособлена для того, чтобы способствовать неврозу переноса.

Пример (26)

Взрослый пациент, страдающий депрессивным неврозом, переживает во время сеанса КПО возрастную регрессию. В образе ему 11 лет и его вводят в комнату, где стоит рождественская елка. Здесь находится его отец. Он в строгой, неодобрительной форме объявляет пациенту, что его любимую игрушку, о которой он мечтал, - кукольный театр - получит не он, а его брат, которого сейчас рядом

нет. Эта сцена совершенно ясно переживается в КПО как тогдашняя интеракция одиннадцатилетнего мальчика со своим отцом. Ужасная реакция мальчика в воображаемой сцене была сгущением нарушенного отношения отец-сын. Это вызванное вновь к жизни (ревитализированное) отношение было таким образом воссоздано в оригинале. В этот момент с этим связаны весь аффект и внимание пациента. На переднем плане доминирует чувство беспомощности, бессилия. Вероятнее всего, это проецируется не только в образ *сновидения наяву*, но и на сидящего рядом с ним психотерапевта в смысле отцовского переноса. В то же время, однако, он не может не понимать, что там (в *сновидении наяву*) речь идет о его отце, а здесь о его психотерапевте, который всегда готов ему помочь и понять. Это понимание оказывает корректирующее воздействие.

На переднем плане переживания находится сцена *сновидения наяву*, как бы на расстоянии около одного метра перед закрытыми глазами. Несмотря на это, часть символдраматического переживания может включать в себя также и психотерапевта (рис. 4а). В каком объеме происходит эта “побочная проекция” и в какой мере она искажает роль на самом деле всегда готового прийти на помощь психотерапевта, представляя его по аналогии с отцом недоброжелательным и враждебным, - все это должно оставаться открытым. Психотерапевт в ходе своего образования по методу КПО должен научиться видеть и прорабатывать эти переносы. “Побочный перенос”, вероятно, присутствует всегда как резонанс, и при утонченном анализе содержания *сновидений наяву* его часто можно в них найти. При этом он все же не мешает продвижению психотерапии.

с) *Сеттинг в КПО по сравнению с психоанализом.* Сеттинг психотерапии по методу КПО предлагает широкое обоснование для относительной стабильности отношений переноса. При этом я опять же исхожу из некоторых

психоаналитических представлений. В состоянии *сновидения наяву* пациент находится на регрессивном, т. е. онтогенетически очень раннем эмоциональном уровне образного, символического переживания сильнее, чем почти во всех других формах психотерапии (за исключением гипноза). Так как эта регрессия в КПО вводится терапевтически осознанно, а затем опять осознанно прекращается, и так как благодаря непрерывности *сновидения наяву* (образному сознанию) она остается относительно стабильной, мы говорим о *контролируемой регрессии*. Другими словами, *Я* пациента берет на себя в эмоциональном отношении частично роль ребенка младшего или раннего (второго и третьего года жизни) возраста. В этом плане по отношению к сидящему рядом с ним психотерапевту полностью доминирует отношение ребенок-мать. В нем заключается главная эмоциональная установка пациента так называемого анаклитического типа *готовности отдаться* (Hingabetypus) [71]. Эта *готовность отдаться* относится к психотерапевту, к *сновидению наяву* и к развивающимся в результате *сновидения наяву* чувствам.

Если рассмотреть такую *готовность отдаться* сквозь призму своеобразия включенного в КПО *анаклитического переноса*, то становится естественным, что психотерапевт интуитивно и сам по себе подробно на этом останавливается, т. е. берет на себя дополняющую, покровительствующую материнскую роль, так называемую диатрофную установку. У малоопытного, неквалифицированного психотерапевта это происходит совершенно неконтролируемо. Тем не менее, есть важная причина не оставлять неотрефлексированным явно выраженное отношение ребенок-мать. Общее отношение в целом характеризуется, как известно, своеобразной формулой “как..., так и” (“Sowohl-Als-auch”), которую нам предстоит рассматривать. Под анаклитическим покровительством, защитой психотерапевта пациент, как известно, получает задание, наблюдая, исследовать содержание *сновидения наяву*, развивать различного рода активную деятельность в *сновидении*

наяву и добиваться результатов. Тем самым он иногда также и подвергает себя тяжелым испытаниям, требующим от него проявления самостоятельности и настойчивости. Эта роль противоречит исключительно пассивной роли маленького ребенка, занимающего позицию самоотдачи. Таким образом, в *сновидении наяву Я* пациента расщеплено: с одной стороны, вызываются регрессивные черты, а с другой стороны, отчасти вызываются также и частично прогрессивные позиции. В психотерапии по методу КПО последовательно и постепенно все более обращаются к зрелым частям *Я*. Психотерапевт, в принципе к этому побуждаемый, не может и не должен занимать исключительно диатрофную позицию заботы, которая, как показывает опыт, препятствует развитию самостоятельности личности. В гораздо большей мере он должен давать больше поводов для самых разных, пусть даже небольших шагов зрелости *Я* в форме самостоятельной активности в *сновидении наяву*. В этом даже заключается одна из важнейших задач психотерапевта.

Попутно заметим, что анаклитическая защитная функция психотерапевта в свою очередь тоже является важной помощью, чтобы отказаться на время сеанса от некоторых из сформировавшихся позднее механизмов защиты, например, то интеллектуализации или рационализации. Благодаря защите психотерапевта уменьшаются также и страхи перед зарождающимися импульсами и т. п. На значение защитной функции присутствующего психотерапевта указывал еще Н.Нunberg [55]. Защитная функция психотерапевта - это одна из причин, почему самостоятельные упражнения пациента с КПО являются проблематичными и редко дают удовлетворительный результат. Психотерапевтические техники использования *сновидения наяву*, в которых пациент работает с собой самостоятельно, как, например, *высшая ступень аутогенного тренинга* и метод *активного воображения* (по К.Г.Юнгу), приводят к другим результатам, чем КПО.

Символдрама - это подчеркнуто диалогический метод при взаимодействии диады из двух человек для прорабатывания бессознательных психических конфликтов.

Чтобы наглядно продемонстрировать описанные соотношения диалогической динамики между пациентом и психотерапевтом с положениями психоаналитической теории, я выбрал в качестве модели один образ.

Эта ситуация напоминает мне *подводную экспедицию* много лет назад. Лодка отправляется, водолаз прыгает в воду. Он находится в самой тесной, витальной связи с руководителем подводной экспедиции на борту лодки. Он связан с ним тросом и шлангом, по которому водолазу поступает воздух для дыхания, а также телефонным кабелем. Руководитель экспедиции и водолаз работают над общей задачей: исследованием объектов на дне моря. Но у них совершенно разные роли. Водолаз, с одной стороны, зависит от руководителя экспедиции, но, с другой стороны, в существенной мере предоставлен сам себе. По телефону он сообщает руководителю экспедиции о том, что он видит на дне моря и какие трудности возникают у него при решении поставленных задач. В свою очередь, водолаз получает от руководителя экспедиции советы, как ему действовать дальше. Если необходимо, он получает вниз инструменты, чтобы добиться определенной цели.

Аналогия между этим образом и диалогическим отношением в КПО состоит, таким образом, в трех моментах:

- зависимость водолаза-пациента,
- независимо от этого его самостоятельная активность,
- окруженность заботой и защитой в качестве партнерского сотрудничества.

Один зависит от другого, чтобы выполнить поставленные задачи по исследованию морских глубин. Нет никаких отношений превосходства и подчинения, никаких отношений между ребенком и взрослым. Существуют только

отношения между двумя в широком смысле равноправными личностями. В психотерапии это характеризует английское понятие *Peer-Situation* (“ситуация равных”). Если соотнести это с психоаналитической терминологией, то вектор зависимости водолаза-пациента относится к сильно регрессивной части детского Я, а вектор “равноправных” отношений (*Peer-Beziehung*) к части зрелого, активно действующего Я водолаза-пациента.

Таким образом, я перехожу к практическому аспекту. На *основной ступени* КПО в очень широком диапазоне достаточно ориентироваться на описанный здесь стиль ведения. Я вижу большое преимущество КПО в том, что еще не полностью закончивший обучение психотерапевт может вначале пренебречь тяжело распознаваемым соотношением переноса-контрпереноса.

Я не хотел бы здесь останавливаться на возможностях мешающих реакций переноса пациента, так как это осталось бы на слишком теоретическом уровне. Лишь один аспект часто встречающегося в КПО переноса кажется мне заслуживающим внимания. Более молодые пациенты, для которых представление образов сначала чуждо и, быть может, даже кажется неким требованием чего-то добиться, переживают задание представить образы как ситуацию в школе. Там постоянно требуют чего-то делать. Школьная ситуация распространяется затем еще и на отношение к одному из родителей, который подчеркивает значение успеваемости в школе. Путь разрешения этой ситуации лежит в разъяснении, разборе этих отношений, т. е. в том, как пациент переживает в настоящий момент психотерапевта. Может быть, таким образом удастся узнать, кого или о чем он ему напоминает.

Наиболее часто встречающиеся чувства контрпереноса психотерапевта имеют три направления.

1. Упомянутая бессознательная эмоциональная идентификация с ролью сверхзаботливой матери или могущественного, покровительствующего, защищающего отца. И то, и другое может основываться на чувствах вины, подвергать пациента в *сновидении наяву* непредвиденным сценам или чувствам.
2. Часто начинающие психотерапевты в сценах, где пациент попадает в опасные ситуации, испытывает больший страх, чем сам пациент. Такая *позиция заботы и беспокойства* в течение длительного времени не бывает полезной. Часто она становится темой для обсуждения на супервизионном семинаре, и на нее постоянно следует обращать внимание.
3. У начинающих психотерапевтов в связи со знанием нового метода и его применением может возникнуть чувство превосходства или величия. В определенных обстоятельствах они могут чувствовать себя в роли “мага бессознательных дел”. Они могут какое-то время наслаждаться чувством своей “власти”. Но это - ловушка для процесса психотерапии. Уже одно только частое участие в супервизионных семинарах (контролирующих данный случай) позволяет открыть глаза на такую ошибочную позицию, до этого неосознаваемую психотерапевтом.

23 занятие

**Показания и противопоказания для применения
методов основной ступени КПО**

Важным вопросом является показание и противопоказание для применения психотерапевтического метода. В психотерапии он встречает сложности, связанные с предоставлением сжатых данных. При лечении невротозов недостаточно исходить только из диагноза или картины болезни. Для составления прогноза психотерапии необходимо учитывать разнообразные факторы.

Прогностические критерии основной ступени КПО

1. Характер и масштаб симптоматики не позволяет сделать достаточное прогностическое заключение.
2. Важную роль играет возраст симптомов. Если они существуют более 3 лет, прогноз осложнен. Но даже случаи с длительностью симптоматики в 5 и вплоть до 10 лет могут быть излечены при помощи методов *основной ступени* КПО.
3. Нужно, чтобы пациент испытывал определенный гнет страданий. Отсутствие гнета страданий неблагоприятно.
4. Чем дольше человек выдерживает превратности судьбы без появления симптомов, тем благоприятнее прогноз.
5. Пассивная ожидательная позиция по отношению к врачу, склонность к вялости, инертности, комфортности уже при первом обследовании или мгновенное, некритическое соглашательство (уступчивость, покорность) неблагоприятны.
6. Симптомы изнеженности и пассивной зависимости (вытекающие из истории жизни пациента), невротическая лживость и склонность к мошенничеству и авантюрам являются признаками “невротической запущенности”. То же самое относится к одержимости какой-то болезненной страстью, склонности к блефу и

мошенническим способам работы и существования. Неблагоприятны невротическое нетерпение и педантизм.

7. Напротив, благоприятно понимание и предвидение у вполне откровенных, привыкших к активной и упорной работе пациентов.
8. Непреодолимость сложных внешних социальных ситуаций и превратностей судьбы неблагоприятна для прогноза.
9. Особое положение занимают сильно финализированные неврозы (экстремальный случай - невроз пенсионеров). Очень неблагоприятен прогноз, если предполагается выполнение или уже удовлетворены претензии на возмещение. (То же самое относится к заключенным в тюрьмах или беспризорным детям.)
10. Предпосылкой для успешной психотерапии является абсолютная добровольность, при которой на пациента можно перенести часть ответственности за успех лечения.

*Плохими прогностическими признаками для основной ступени КПО и тем самым также и **противопоказанием** для *символдрамы* являются следующие клинические моменты и диагнозы:*

- 1) недостаточное интеллектуальное развитие с IQ ниже 85,
- 2) острые или хронические психозы или близкие к психозу состояния,
- 3) церебрально-органические синдромы,
- 4) тяжелые депрессивные расстройства (в том числе невротического характера),
- 5) недостаточная мотивация, даже в случае простой, глубоко не проникающей психотерапии,
- 6) явно выраженные истерические неврозы,
- 7) нарциссические синдромы и пограничные нарушения по типу *Borderline*.

Наконец, при обсуждении противопоказаний нужно еще учитывать часто забываемый фактор: уровень образования психотерапевта, его умение и опытность. В психотерапии по методу КПО психотерапевт также сильно включается во все происходящее. От его установки и искусства ведения, его клинического и собственного опыта, а также от его чувствительности и владения эмпатией зависит успех психотерапии. Проблему стиля ведения я подробно разобрал в другой работе [45] и советую начинающему психотерапевту обратиться к ней.

Показания для применения методов основной ступени КПО по нозологическим единицам

1. Так называемые нейро- и психовегетативные нарушения и психосоматические заболевания средней тяжести.
2. Деструкция функциональных или психических компонентов при внутренних или других заболеваниях.
3. Состояния страха и фобии.
4. Депрессивные неврозы.
5. Неврозы с преимущественно психической манифестацией средней тяжести за исключением неврозов навязчивых состояний.
6. Обусловленные невротическим развитием личности нарушения адаптационной способности.
7. Психоневротические нарушения и невротическое развитие личности в детском возрасте.
8. Нарушения адаптационной способности в подростковом и юношеском возрасте.

На *основной ступени* КПО нужно довольствоваться ограниченными результатами. В особенности это касается лечения нарушений поведения или невротического развития характера во второй половине жизни, т. е. примерно после 45 лет. Однако в репертуаре *основной ступени* КПО возможно даже ослабление, разрыхление панцирной оболочки характера, прежде всего, у пациентов с заторможенной навязчивой структурой характера и нарушением социальных контактов, а так же у пациентов с шизоидной структурой. Лечение тяжелых фобических расстройств имеет свои границы. Особый раздел - это все чаще наблюдаемые случаи пограничного состояния по типу *Borderline*. Их лечение при помощи метода *Кататимного переживания образов* может быть очень многообещающим. Однако эта группа пациентов относится к противопоказаниям

для психотерапевтов *основной ступени* КПО. Отчасти осложнен диагноз, так как основное нарушение может быть замаскировано.

Прогностические указания, следующие из содержания Кататимного переживания образов

Символдрама имеет определенный диагностический аспект. Ее исчерпывающее и систематическое использование может представлять интерес с научной точки зрения. Однако это противоречит необходимому для психотерапии и описанному здесь стилю ведения психотерапевта. Несмотря на это, часто уже в ходе первых четырех сеансов по своеобразию фиксированных образов и по степени их регрессивной представленности мы, даже не вставая на диагностические позиции, получаем всевозможные диагностические указания. Ряд типичных невротических и других признаков в КПО указывают на степень нарушений. Иногда это могут быть также возникающие позднее внезапные прозрения, которые благодаря своей выразительности приобретают особое значение. За долгие годы работы мы однако поняли, что, если эти патологические элементы образов появляются на первых сеансах, то нужно проверить их причину. Являются ли они выражением актуальной проблематики или некоторого кризиса? Кроме того, хотя они и могут симулировать, инсценировать тяжелые нарушения, однако они затрагивают не личность в целом, а только какую-то актуальную ситуацию, например, болезненную потерю какого-то человека. Необходимо одновременно учитывать настоящую и предшествующую историю жизни и поведение пациента, так как актуальная кризисная ситуация действительно может симулировать, инсценировать тяжелые нарушения.

С другой стороны, необходимо также учитывать величину силы *Я*, способность справляться с социальными нагрузками и симптомами. Нужно включать здоровые части *Я*. Драматические и архаические элементы в образах на первых сеансах КПО не означают таким образом обязательно плохой прогноз, но являются все же очень подозрительными.

Далее я приведу ряд типичных, экстремально выраженных образов КПО, которые можно считать неблагоприятными прогностическими признаками.

Такие экстремальные выражения встречаются, если, например, образы КПО в самых различных моментах имеют преимущественно депрессивный характер: идет дождь или появляется высохший луг, болото, концентрационный лагерь (в котором находятся обессилившие, голодные фигуры). Предпринимаемые в ходе того же самого или одного из следующих сеансов попытки отыскать позитивный мотив в какой-то, быть может, отдаленной географической точке, например, поиски пляжа на Средиземном море, не приводят ни к каким изменениям. Там тоже пасмурно, море свинцовое, пляж пустой, нигде ни одной человеческой души и т. п.

Ручей вскоре запруживается, вода грязная или непригодная для питья, из источника поступает мало воды.

В мотиве горы явно выраженные нарушения проявляются в неспособности подняться на гору, так как она крайне высокая или крутая, со всех сторон состоит из гладких скал или из неестественного материала, например, из пластмассы. Полет на гору отвергается, он не удастся, потому что на горе крайне холодно или разыгралась буря или вызываются негативные чувства. Взгляд вдаль невозможен. Если в ландшафте при рассмотрении панорамы нет ничего кроме простирающихся кругом лесов без признаков человеческих поселений, прогноз все же омрачен.

Мотив опушки леса может сигнализировать о тяжелом нарушении значительным страхом уже при приближении к лесу.

Запутанные, причудливые и фантастические образования в символдраме почти всегда говорят об актуальном тяжелом нарушении, особенно если анамнез и общее поведение указывают на нарушенную личность. Тогда лечение при помощи методов *основной ступени* КПО противопоказано.

Я слижу также за тем, нет ли в ландшафте стилистических нарушений, разрывов: часть ландшафта средневропейская, другая часть экзотическая, из других географических областей (рис. 1, с. 80). Не такое уж тяжелое нарушение, если проявляются следующие несоответствия: летняя часть находится рядом с осенней, ночное освещение сочетается с дневным.

Я ограничусь этими немногими описаниями, являющимися лишь примерами многообразия крайне выраженных нарушений формирования образов в символдраме. Если обратиться к деталям, то в крайне выраженных случаях открывается многообразие мотивов препятствия-недопущения и фиксированных образов. Вскоре они начинают следовать один за другим. По этому можно судить о степени нарушения.

Следует еще упомянуть еще один важный для психотерапии неврозов аспект. Тяжесть симптоматики, а также драматизм *сновидения наяву*, т. е. “шумная” или “буйная” симптоматика не обязательно говорят против хорошего прогноза лечения. В основном это пациенты с истерической структурой, которые при помощи гиперэкспрессивных тенденций и манеры представления выставляют себя напоказ перед самими собой и перед психотерапевтом. Из этого нельзя опять же заключить и обратное, что прогностически благоприятна сдержанная симптоматика, как, например, психогенные головные боли или личности с ожесточением характера.

Опасности Кататимного переживания образов

До тех пор, пока психотерапия по методу КПО проводится профессионально грамотным психотерапевтом в соответствии с приведенными здесь указаниями, она не представляет никаких опасностей. Но противопоказания, конечно же, нужно учитывать. По нашему опыту, трудности могут возникать лишь там, где своевременно не распознается хрупкая при ее предотвращении невротическая структура или замаскированная нарциссическая личность (или структура личности с пограничными нарушениями по типу Borderline). В результате применения КПО регрессивные или инфантильные составляющие *Я* наводняют тогда иногда *сновидение наяву* архаическим материалом. Могут быть вызваны соответствующие этому страхи и депрессивные реакции и. т. п. Проблемы возникают далее у пациентов с экстремально истерической структурой и смешанной истерически-депрессивной структурой. Это проявляется, как правило, уже в клиническом поведении, анамнезе и первых сеансах КПО. Крайне неблагоприятно невротически-депрессивные синдромы у пациентов с еще незрелым *Я*, сильно зависящих от окружающих или маскирующих свою несамостоятельность симбиотическим отношением.

Из этих обстоятельств становится ясно, что *при использовании метода Кататимного переживания образов психотерапевт должен обладать достаточным клиническим, т. е. в том числе и диагностическим опытом*. Как и повсюду в медицине, вопрос о показании лечения необходимо решать, оценивая случай в его самых разнообразных аспектах.

Если проводить прогноз осторожно, то результаты применения метода *основной ступени* КПО весьма благоприятны. Они воодушевляют психотерапевта к

дальнейшей работе по методу КПО. Ему следует однако следовать постоянно повторяемому мною совету и присоединиться к супервизионной группе. Там он может представить свой психотерапевтический случай и расширить горизонт своих представлений и опыта. Оказалось, что даже в случае сомнительного прогноза может иметь смысл *попытка лечения*, состоящая из 8 - 10 сеансов *Кататимного переживания образов*. В этом случае прогноз лечения может быть относительно быстро прояснен. Чем дольше психотерапевт систематически работает в рамках четко и правильно проводимой психотерапии по методу символдрамы, тем увереннее становится (при поддержке супервизии) его способность делать заключения о прогнозе лечения и выборе пациентов.

Наконец, следует напомнить о том, что, согласно важному правилу, психотерапевт должен ввести в отношения со своим пациентом необходимую степень эмпатического обращения. Если же, напротив, существует глубоко скрытая антипатия с негативным ответом на наивный, поставленный перед самим собой вопрос: “Нравится тебе этот человек и считаешь ли ты, что сможешь проводить с ним психотерапию?”, то этого пациента психотерапевту следует направить другому коллеге.

Приложение I

Обзор *средней* и *высшей* ступени КПО. Подробное изложение и технические указания находятся в “Учебнике по Кататимному переживанию образов” [45].

Средняя ступень

Стандартные мотивы средней ступени

6.* *Представление значимого лица.* Отца, мать, братьев и сестер, начальника, супруга и детей можно представить либо в реальном, либо в символическом облачении. Личное появление таких фигур может вызывать сопротивления, которые смягчаются символическим облачением. Местом встречи могут быть реальные места или луг. Символическое облачение может раскрываться в ландшафтных мотивах (как это часто бывает спонтанно), в мотиве горы, источника, ручья или в форме деревьев, как отдельно стоящее дерево, как два дерева или в соответствии с *тестом трех деревьев* [26]. Положение деревьев друг относительно друга точно также отражает тогда семейную динамику, как и положение в семье животного. Облачение в фигуру животного удается более или менее целенаправленно, например, в образе слона как представителя отцовского начала (отцовская репрезентация) или коровы как представителя материнского начала (материнская репрезентация). Поведение животных по отношению к пациенту при попытках приблизиться к ним, прикоснуться к ним и заговорить с ними дает содержательную информацию и позволяет понять бессознательные установки по отношению к ним.

* Нумерация по таблице 1, с. 11.

7. Мотив для исследования установки по отношению к сексуальности.

При работе с женщинами предлагается поездка на повозке, запряженной лошадьми, или на машине в следующей форме. Эта женщина идет по пустой дороге в сельской местности и устала. Появляется машина или повозка, она *сама останавливается*, и водитель или кучер предлагает подвезти пациентку. Множество различных форм защиты проявляются в искажении ситуации и отражают проблемы, возникающие между партнерами.

Для работы с пациентами-мужчинами служит символ куста розы на краю луга, следуя стихотворению И.В.Гёте “Мальчик розу увидал”*. Пациента просят после того, как он рассмотрит куст розы, сорвать одну розу. Важным является как выглядят цветы, нерешительность пациента, его страх уколаться и т. п. Этот мотив имеет центральное значение для лечения сексуальных расстройств.

И для мужчин, и для женщин подходит и имеет важное символическое значение представление дерева яблони или вишни с просьбой сорвать себе плод (мотив Эдема, райского сада). То, какой это фрукт и как ведет себя пациент, дает нам важные сведения, которые часто бывают скрыты.

8. Мотив для исследования установки по отношению к агрессивным импульсам. В качестве выражения вольности и способности к экспансивному вплоть до агрессивного поведения представляется дикая кошка (лев). Она может сидеть в

*

И.В.Гёте

ДИКАЯ РОЗА

Мальчик розу увидал,	“Роза, я сломлю тебя,	Он сорвал, забывши страх,
Розу в чистом поле,	Роза в чистом поле!”	Розу в чистом поле.
К ней он близко подбежал,	“Мальчик, уколоу тебя,	Кровь алела на шипах.
Аромат ее впивал,	Чтобы помнил ты меня!	Но она - увы и ах! -
Любовался вволю.	Не стерплю я боли”.	Не спаслась от боли.
Роза, роза, алый цвет,	Роза, роза, алый цвет,	Роза, роза, алый цвет,
Роза в чистом поле!	Роза в чистом поле!	Роза в чистом поле!

Перевод Д.Усова

клетке, выступает с трюками в цирке или свободно движется на природе. Животное может быть мягким, кротким и приветливым как плюшевый мишка, выражая явную агрессивную заторможенность. Поведение льва по отношению к противнику может демонстрировать степень агрессивной заторможенности какого-то особого человека.

9. Мотив для определения *идеала Я* как инстанции *Сверх-Я*, а также идеализации *Я* или какой-то контрастной персоны. Это попытка понять ранние идеальные образования. С этим связана проблема идентичности. Пациента просят выбрать себе какое-нибудь имя того же пола, чтобы представить себе потом такого человека.

Психотерапевтические техники средней ступени

III. Ассоциативный метод (ср. также 17 - 19 разделы этой книги)

В противоположность к относительно структурированному методу *основной ступени* КПО здесь, когда ставится задача проективного психотерапевтического подхода, кататимные образы предоставлены свободному развертыванию (“составляющая большой степени свободы”). Частично отпавляясь от какого-то стандартного мотива, частично полностью от него независимо психотерапевт предлагает в свободно ассоциативной форме развертывать, последовательно как бы нанизывая друг на друга, образно представляемые сцены. Это удастся только с пациентами с достаточной продукцией фантазии. Нередко при этом свободно ассоциированные образы сходятся (конвергируют) со сценами воспоминаний из раннего детства, имеющих *травматический характер* или восходящих ко времени до травмы в *бесконфликтный мир* эмоционально насыщенных возрастных регрессий. Ассоциативный метод распространяется также на использование вербальных ассоциаций при помощи психотерапевта, которые распространяются частично на настоящее время, частично на прошлое. При этом эмоциональный тон выполняет связующую функцию, как бы перекидывая мостик к стимулированию приходящих в голову спонтанных представлений. Под покровительством психотерапевта спонтанно переживаются и испытываются во всей полноте драматические сцены, часто с освобождением страхов и других негативных аффектов.

IV. Представление ночного сновидения

Ночное сновидение или его фрагмент используются как исходный мотив, чтобы реактивировать в КПО сцену сновидения и продолжить ее в той или иной версии, доведя, соответственно, до логического конца. Часто при этом определенную роль играет самоинтерпретация.

V. Фокусирование острых конфликтов

В начале сеанса пациента просят вербализовать насущный конфликт. При этом, как правило, высвобождаются соответствующие эмоции и аффекты. Когда тема достигает этой кульминации, предлагается по возможности подходящий мотив в КПО, чтобы представить данную насущную проблему в *сновидении наяву*. Как правило, оно проявляется тогда в образной форме очень пластично, по-новому опосредствуя проблему на воображаемом уровне, передавая ее в ясно понимаемой и тем самым содержательной манере, придавая этой проблеме совершенно новый аспект. В дополнение в ходе пробного действия может быть проиграна решение или попытка решения.

VI. Инспекция внутренних частей тела

При работе с пациентами, страдающими психовегетативными и психосоматическими расстройствами, оправдало себя образное представление больного органа или соответствующей части тела с указанием, что там должно обнаружиться какое-то изменение. В распоряжении психотерапевта есть две техники: а) индукция (внушение) рассматривать извне какой-то орган, например, внутреннюю часть черепа или другие полости тела, как если бы он был открыт и его можно было бы наблюдать сквозь стекло; б) пациент уменьшается до размеров

сказочного мальчика с пальчика и пускается через рот (или другое отверстие в теле) по естественным путям в орган, например, в желудок, кишечник, сердце, легкие и т. д. Эта техника позволяет судить об объектных отношениях, которые находят свое символическое отражение в больном органе. Специальные исследования демонстрируют как научное значение изучения психосоматических клинических картин болезни [86, 61, 62], так и его психотерапевтическое значение [11].

VII. Удовлетворение архаических потребностей (см. 20 занятие этой книги)

VIII. Прорабатывание

Для техники прорабатывания навязчивых повторений у пациентов с сильными нарушениями по типу невротического развития личности и, соответственно, везде, где необходимо проработать эти компоненты в случае психосоматических и психовегетативных заболеваний, метод *Кататимного переживания образов* располагает последовательным набором имажинативных стратегий: разъяснение, сопоставление (конфронтация), ассоциирование, переживание во всей полноте, помощь психотерапевта в толковании образа. Техника прорабатывания на расширенной *средней ступени* КПО подробно описана в большом учебнике по методу КПО [45].

IX. Анализ переноса

В противоположность технике *основной ступени* КПО, на которой поведение психотерапевта определяется преимущественно с точки зрения базисного поведения, на уровне *средней ступени* психотерапевт должен быть в состоянии регулярно учитывать отношения переноса пациента в КПО, обращаться к ним и анализировать их. Соответственно, он должен точно так же воспринимать контрперенос, рефлексировать его и работать над ним. Таким образом, мешающие отношения переноса и контрпереноса должны своевременно распознаваться и распутываться. Это в особенности касается более длительных периодов психотерапии с прорабатыванием невротических нарушений по типу невротического развития личности (см. также [45]).

Режиссерские принципы средней ступени (операции с символами)

в) Внутренний проводник и советчик (лидер, зачинатель)

Спонтанно появляющиеся в кататимной панораме или выбираемые в некоторых случаях самим пациентом положительные символические фигуры используются, чтобы перенять ведение по панораме. Как правило, эти положительные символические фигуры ведут пациента к фиксированным образам и индуцируют творческие (креативные) попытки решения на символическом уровне. Фигура ведущего нередко символически связана с образом (имаго) психотерапевта, ставшего интроектом. Она может также взять на себя функцию советчика [45, с. 197].

г) Конфронтация символов

В рамках режиссируемой модели символдрамы данная техника является одной из самых первостепенных и эффективных при прорабатывании инфантильных объектных отношений. Конфронтация осуществляется, как правило, с враждебными, недоброжелательными символическими фигурами, которые появляются либо спонтанно, или вызываются подходящими стандартными мотивами. При помощи тонкого оптического анализа, а также описания деталей и сопровождающего эмоционального тона под покровительством психотерапевта при определенных условиях освобождаются сильные аффекты, которые переживаются и испытываются во всей полноте. Их нейтрализация предстает в преобразовании символической фигуры от примитивной к высшей структуре. Как правило, сюда включается принцип примирения и нежного объятия (см. с. 99), чтобы добиться интеграции негативно заполненных интроектов.

Высшая ступень

Стандартные мотивы высшей ступени

10. *Пещера* (а); *окно на болоте** (б). Оба мотива характеризуются тем, что они связаны с подземным миром, с земными недрами. Исходя из их символического значения как отверстия к глубинным слоям бессознательного, из них часто спонтанно выходят символические фигуры, существа. Они имеют преимущественно архаический характер. В то время как мотив пещеры воплощает женский генитальный аспект в смысле маточного зева, а сама пещера символизирует матку, окно на болоте близко по символическому значению теме

* отверстие, незарастающая часть на поверхности болота (Прим. перев.)

незрелой, и соответственно, в значительной мере инфантильной сексуальности в анальногенетическом смысле. При этом символические фигуры и существа, которые выходят из отверстия на болоте, относятся преимущественно к эдипальной проблематике. У пациенток-женщин они связаны с отцовским, сексуальным миром, у пациентов-мужчин с материнским миром. Но необходимо также учитывать анальную тему в плане нечистот, кала и грязи в их высокоамбивалентном значении. С одной стороны, они вызывают защитную реакцию (отвращение), с другой стороны, они воспринимаются как плодородный ил и целебная грязь. Мотив окна на болоте, так же как и мотив вулкана, имеет для обычной повседневной психотерапии лишь весьма ограниченное значение.

11. *Вулкан*. Представление “извергающей огонь горы” имеет смысл только в тех случаях, когда пациент находится под сильным агрессивным гнетом побуждений (импульсов) какой-то актуальной ситуации, как правило, после какой-то тяжелой обиды. Поскольку в образном представлении вулкан является действующим, относительно быстро удастся освободиться от связанного часто с некоторой регрессией *Я* импульсивного гнета. Лишь только после этого ситуацию можно прорабатывать на более зрелом уровне. Мотив не исключает некоторых моментов аутоагрессии, например, если массы лавы разрушают близлежащие постройки.

12. *Фолиант*. Этот мотив имеет, как правило, меньшее архаическое заполнение. Однако и здесь путем отыскания старой иллюстрированной книги (например, библии) из глубины тоже извлекается некоторый материал, в котором часто бывает зашифровано большое символическое значение. Мотивы вулкана и фолианта - это дополнительные мотивы, которые редко используются для обычной повседневной психотерапии. Полезное и содержательное применение они могут найти лишь в совершенно особых ситуациях.

Психотерапевтические техники

Х. Комбинация с традиционным психоанализом

Пациент развивает, опираясь на представление образов, свободные ассоциации, т. е. содержание образов КПО используется так же, как сновидения в классическом психоанализе. Символически предстающий при этом фокус конфликта подхватывается и разбирается при помощи спонтанно приходящих пациенту идей. Это имеет особое значение при прорабатывании навязчивых повторений, поскольку при этом образно предстают невротические неправильные установки. Это самая частая форма расширения КПО в направлении вербализирующей психоаналитической техники.

КПО охотно используется в рамках традиционного психоанализа, если пациент не видит сны или если появляются другие формы тяжело анализируемых сопротивлений. В таких случаях образ КПО может, например, внезапно открыть какое-то неясное сопротивление переноса [45, с.332].

Режиссерские принципы высшей ступени

д) Измотать и доконать

Эта техника требует огромного опыта от психотерапевта. Он подхватывает актуализированные импульсы ненависти и агрессивные побуждения пациента и дает им развиваться в имажинативных пробных действиях. В основном они имеют анально-садистический характер, реже также и орально-садистический характер. Так как высвобождение агрессивных импульсов легко вызывает чувства вины, то предпочтение отдается сдерживающему принципу “изматывания” символических

фигур. Символические существа доводятся пациентом при помощи психотерапевта путем непрерывных моторных действий до изнеможения, изматывания сил, что отражается в феноменах преобразования. Они свидетельствуют об энергетической нейтрализации. Аналогично конфронтации символов здесь также можно добиться быстрой модификации поведения. Предпосылкой является хорошее эмпатическое обращение психотерапевта. Так как данный акт может быть неправильно понят как аутоагрессия, он не должен использоваться против важных объектных репрезентаций (таких значимых фигур, как родители и т. п.).

е) Магические жидкости

На примере воды в имагинациях становится ясным, что ее использование в образах имеет рационально необъяснимое воздействие на психовегетативные нарушения. Эксперименты с жидкостями тела, как, например, слюной, материнским молоком, мочой и т. п., показали, что соответственно представляемые сцены могут оказывать чрезвычайно актуальное (бризантное) воздействие, например, на враждебные символические фигуры. Явно прослеживается параллель с натуропатией и магической медициной. Систематическое использование для обычной повседневной психотерапии по методу КПО не опробовано. Из-за присущего этой технике иррационального содержания ее тяжело определять и дозировать на регрессивном уровне.

Высшая ступень не входит в план обучения психотерапии по методу КПО. В практической психотерапии ей также можно в значительной мере пренебречь. Только очень опытный, хорошо владеющий практикой использования психотерапевтических техник *средней ступени* КПО психотерапевт сможет на базе знания литературы успешно работать в системе *высшей ступени* КПО.

Предпосылкой для этого однако является полное психоаналитическое образование и многолетний психотерапевтический опыт работы по методу *Кататимного переживания образов*.

Приложение II

Список учреждений, осуществляющих обучение в системе повышения квалификации для получения звания психотерапевта по методу *Кататимного переживания образов* или организующих участие в учебных мероприятиях:

1. Arbeitsgemeinschaft für Katathymes Bilderleben und imaginative Verfahren in der Psychotherapie (AGKB) e. V., Institut.

Arbeitsgemeinschaft für Katathymes
Bilderleben und imaginative Verfahren in
der Psychotherapie (AGKB) e. V.,
Institut.

Friedländer Weg 30
D-37085 Göttingen
Telefon 0551/46754

Telefon 01/8770461

3. Schweizer Arbeitsgemeinschaft für Katathymes Bilderleben (SAGKB)

Schweizer Arbeitsgemeinschaft für
Katathymes Bilderleben (SAGKB)

Muristr. 38
CH-3006 Bern
Telefon 031/3524722

2. Österreichische Arbeitsgemeinschaft für Katathymes Bilderleben (ÖAGKB) in der Österreichischen Gesellschaft für Autogenes Training und allgemeine Psychotherapie

Österreichische Arbeitsgemeinschaft für
Katathymes Bilderleben (ÖAGKB) in der
Österreichischen Gesellschaft für
Autogenes Training und allgemeine
Psychotherapie

Testarellogasse 31/13
A-1130 Wien

4. Stichting ter bevordering van Symbooldrama Nederland

Stichting ter bevordering van
Symbooldrama Nederland

Wilhelminastraat 67
NL-2411 CX Bodegraven
Telefon 01726/14028

5. Øääöëÿ

Svenska föreningen för Symboldrama
(SES)

Korngatan 3
S-76100 Norrtälje

Возглавляющая организация:

**Международное общество Кататимного переживания образов и
Имагинативных методов в психотерапии и психологии (МОКПО)
Internationale Gesellschaft für Katathymes Bilderleben und Imaginative Verfahren
in der Psychotherapie und Psychologie
(IGKB)
International Society for Guided Affective Imagery and Mental Imagery
Techniques in Psychotherapy and Psychology
(ISGAI)**

Friedländer Weg 30
D-37085 Göttingen
Telefon 0551/46754

Повышение квалификации для психотерапевтов:

- семинары по контролю случаев
- специальные семинары

**Список трудов автора по теме
Кататимного переживания образов
в хронологическом порядке**

- Leuner, H.: Kontrolle der Symbolinterpretation im experimentellen Verfahren. Z. Psychother. med. Psychol. 4 (1954) 201
- Leuner, H.: Experimentelles Katathymes Bilderleben als ein klinisches Verfahren der Psychotherapie: Grundlegungen und Methode. Z. Psychother. med. Psychol. 5 (1955) 185
- Leuner, H.: Experimentelles Katathymes Bilderleben als ein klinisches Verfahren der Psychotherapie; Ergebnisse. Z. Psychother. med. Psychol. 5 (1955) 233
- Leuner, H.: Symbolkonfrontation, ein nichtinterpretierendes Vorgehen in der Psychotherapie. Schweiz. Arch. Neurol. Psychiat. 76 (1955) 23
- Leuner, H.: Symboldrama, ein aktives nichtanalysierendes Vorgehen in der Psychotherapie. Z. Psychother. med. Psychol. 6 (1957) 221
- Leuner, H.; Das Landschaftsbild als Metapher dynamischer Strukturen. In: Festschrift zum 70. Geburtstag von E. Speer, hrsg. von H. Stolze. Lehmann, München 1959
- Leuner, H.: Die Verifizierung der existentiellen Bedeutung des Symbols durch Symbolprovokation. In: Aktuelle Fragen der Psychotherapie, Bd. 3. Karger, Basel 1960 (S. 45)
- Leuner, H.: Leistungen, Indikationen und Grenzen des Symboldramas. Z. Psychother. med. Psychol. 10 (1960) 45
- Leuner, H.: Das assoziative Vorgehen im Symboldrama. Z. Psychother. med. Psychol. 14 (1964) 196

- Leuner, H., K. Nerenz: Das musikalische Symbol drama und seine psychotherapeutische Wirkung. Heilkunst 77 (1964) 330
- Leuner, H.: Guided Affective Imagery (GAI): A Method of Intensive Psychotherapy. Amer. J. Psychother. 23 (1969) 4
- Leuner, H.: Das Katathyme Bilderleben in der Psychotherapie von Kindern und Jugendlichen. In: Handbuch der Kinderpsychotherapie, hrsg. von G. Biermann. Reinhardt, München 1969
- Leuner, H.: Über den Stand der Entwicklung des Katathymen Bilderlebens. Z. Psychother. med. Psychol. 19 (1969) 177
- Leuner, H.: Katathymes Bilderleben – Unterstufe – ein Seminarkurs. Thieme, Stuttgart 1970
- Leuner, H.: Indikationen zur Psychotherapie. Ringelheimer Biologische Umschau, H. 5 (1970) (unveröff.)
- Leuner, H.: Das Katathyme Bilderleben in der Psychotherapie von Kindern und Jugendlichen. Prax. Kinderpsychol. 19 (1970) 21g
- Leuner, H.: Therapeutische Möglichkeiten mit dem Katathymen Bilderleben (Tagtraumtechnik) bei RM-Konsumenten. Ref. Fortbildungsveranst. Nervenlinik Tübingen 1971 (unveröff.)
- Leuner, H.: Grundzüge der tiefenpsychologischen Symbolik (unter Berücksichtigung des Symbolismus im Katathymen Bilderleben). In: Ausgewählte Vorträge der Zentralen Weiterbildungsseminare der AGKB, (Selbstverlag) Göttingen 1974
- Leuner, H.: Die Bedeutung der Musik in imaginativen Techniken der Psychotherapie. Vortrag gehalten auf dem Ostersymposium der Herbert von Karajan-Stiftung, Salzburg 1972. In: Neue Wege der Musiktherapie, hrsg. von W.3. Revers, G. Harrer, W.C.H. Simon. Econ, Düsseldorf 1974

- Leuner, H.: Imagination als Spiegel unbewußten Seelenlebens. Angelsachsen-Verlag, Bremen 1974
- Leuner, H.: The Role of Imagery in Psychotherapy, In: New Dimensions in Psychiatry: A World View, hrsg. von S. Arieti, G. Chrzanowski. John Wiley & Sons, New York 1975
- Leuner, H.: Stellung des Katathymen Bilderlebens (KB) im Rahmen der aktiv-klinischen Verfahren der Psychotherapie. Referat gehalten auf dem 1. Internationalen Kongreß f. Aktiv-klinische Psychotherapie, Innsbruck 1975 (unveröff.)
- Leuner, H.: Guided Affective Imagery: An Account of its Development. J. Mental Imagery (USA) 1 (1977) 73
- Leuner, H.: Basic Principles and Therapeutic Efficacy of Guided Affective Imagery. In: The Power of Human Imagination, hrsg. von J.W. Singer, K.S. Pope. Plenum Press, New York 1978
- Leuner, H. (Hrsg.): Katathymes Bilderleben – Ergebnisse in Theorie und Praxis. Huber, Bern, 2. Aufl., 1983
- Leuner, H.: Lehrbuch des Katathymen Bilderlebens. Huber, Bern 2. Aufl. 1987
- Leuner, H., G. Horn, E. Klessmann: Katathymes Bilderleben mit Kindern und Jugendlichen, 3. Aufl. Reinhardt, München 1988
- Leuner, H., O. Lang.: Psychotherapie mit dem Tagtraum, Katathymes Bilderleben, Ergebnisse II, Fallanalysen, Theorie. Huber, Bern 1982

Литература о методе КПО Х.Лёйнера:

1. Bastine, R. (Hrsg.): Grundbegriffe der Psychotherapie. Edit. Psychologie, Verl. Chemie, Weinheim 1982.
2. Corsini, R.J. (Hrsg.): Handbuch der Psychotherapie. Beltz, Weinheim/Basel 1983.
3. Battegay, R. (Hrsg.): Handwörterbuch der Psychiatrie. Enke, Stuttgart 1984.

4. Toman, W.; Egg, R. (Hrsg.): Handbuch der Psychotherapie. Kohlhammer, Stuttgart 1985.

Список казуистических примеров в тексте

Нумерация, указание страницы, диагноз; назначение примера

№ 1, с. 16, автослесарь, 35 лет, невроз сердца; результат лечения

№ 2, с. 16-17, дом. хозяйка, 52 года, невротич. депресс.; результат лечения

№ 3, с. 18, работающая женщина, 38 лет, агорафобия; результат лечения

№ 4, с. 18-19, кондитер, 19 лет, невроз навяз. сост.; результат лечения

№ 5, с. 66, девочка, 8 лет, бородавка; результат лечения

№ 6, с. 66-67, пациентка, 30 лет, гиперфункция щитовидной железы; использование воды

№ 7, с. 67, пациентка, 70 лет, повышенное потоотделение (Hyperhidrosis universalis); мотив ручья

№ 8, с. 67-68, студентка, 23 года, нарк. зависимость, наруш. трудоспособности, депрессия; мотив купания

№ 9, с. 68, девочка, 9 лет, рецидив. крапивница; мотив купания

№ 10, с. 74-75, юноша-подросток, 18 лет, невроз заикания; мотив горы

№ 11, с. 89, юноша-подросток, 19 л., наруш. соц. контактов; мотив дома

№ 12, с. 89-90, девушка-подросток, 19 лет, невротич. развитие личности; креативная разработка мотива дома

№ 13, с. 93, испытуемая, вхождение в лес; опасный мотив дома

№ 14, с. 100-101, студент-химик, экзаменационный ступор; режиссерские принципы *основной ступени* КПО

№ 15, с. 139, студент, 24 года, невроз навяз. состояний; мотив ручья, экстр. мотив препятствия-недопущения

№ 16, с. 140-141, мотив туннеля, ручей; уяснение деталей, прорабатывание мотива препятствия-недопущения

№ 17, с. 143-144, пациент, 23 года, навязчиво-невротическая структура

личности; реакция сопротивления, неправильное прорабатывание

№ 18, с. 151-152, гимназист, 17 лет, подозр. на гебефр. шизофр.; согласованность между изменением поведения в *сновидении наяву* и в реальности

№ 19, с. 155-156, женщина с высш. образов., 32 года, острая проблема самоутверждения и продвижения на работе; ролевая игра в КПО

№ 20, с. 156-157, врач, 31 год, работа над реальн. ситуациями; обращение к прошлому, возрастная регрессия

№ 21, с. 164-172, пациентка, 22 года, невроз навязчивых состояний; магнитофонная запись некоторых ассоциативных пассажей

№ 22, с. 179-180, пациент, 19 лет, невротическое развитие личности; возрастная регрессия, травмирующая сцена из детства

№ 23, с. 186-187, пациентка, 39 лет, уртикарные угри, невротическая депрессия; тема: бесконфликтное содержание образов

№ 24, с. 188-189, врач, 50 лет, острый послеоперационный стресс; успокаивающее воздействие при помощи бесконфликтных сцен, использование воды

№ 25, с. 189, пациентка, 40 л., язв. колит; кризисн. воздействие при помощи удовлетв.архаич. потребностей

№ 26, с. 204, пациент, депр. невроз; возрастн.регрессия (11 лет); основная проекция травмирующего отца, не в образе, не в переносе

Список литературы

1. Alexander, F.: Zwei Formen der Regression und ihre Bedeutung in der Therapie. *Psyche* 9 (1955/1956), 668
2. Amann, A.N.: *Aktive Imagination*, 2. Aufl. Walter, Freiburg 1979
3. Barolin, G.: Spontane Altersregression im Symboldrama und ihre klinische Bedeutung. *Z. Psychoth. med. Psychol.* 11 (1961) 77
4. Beck, M.: Rehabilitation eines Trinkers mit der Methode des Katathymen Bilderlebens. *Prax. Psychoth.* 1 (1968) 18
5. Boss, M.: *Der Traum und seine Auslegung*. Huber, Bern 1953
6. Brengelmann, J.C., L. Brengelmann: Deutsche Validierung von Fragebogen der Extraversion, neurotischer Tendenz und Rigidität. *Z. exp. angew. Psychol.* 7 (1960) 291
7. Breuer, J., S. Freud: *Studien über Hysterie*. Wien 1895; Fischer Taschenbuch 6001, Frankfurt/M. 1981
8. Desoille, R.: *Introduction a une psychotherapie rationelle*. P.U.F., Paris 1945
9. Dührssen, A.: *Analytische Psychotherapie in Theorie, Praxis und Ergebnissen*. Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen 1972
10. Ehebold, U.: Stellungnahme bei der Diskussion des Plenums der 8. Norddeutschen Psychotherapietage. Lübeck 13. – 19. 10. 1979
11. Eibach, H.: Ein Fall von Herzneurose (zugleich ein Beitrag zur Frage der endlichen Analyse). In Leuner, H.; O. Lang: *Psychotherapie mit dem Tagtraum, Katathymes Bilderleben – Ergebnisse II, Fallanalysen, Theorie*. Huber, Bern 1982
12. Frank, L.: *Über Affektstörungen*. Berlin 1913
13. Freud, S. (1895): *Studien über Hysterie*. GW I, Imago London 1942

14. Freud, S. (1900): Die Traumdeutung. GW II/ III, Imago, London 1952
15. Freud, S. (1912): Ratschläge für den Arzt bei der psychoanalytischen Behandlung. GW VIII (1909 – 1913), Imago, London 1952
16. Freud, S. (1913): Bemerkungen über die Übertragungsliebe. GW X (1913 – 1917) Imago, London 1952 (S. 313)
17. Greenson, R.R.: Technik und Praxis der Psychoanalyse 2. Aufl., Klett, Stuttgart 1975
18. Happich, C.: Das Bildbewußtsein als Ansatzstelle psychischer Behandlung. Zbl. Psychother. 5 (1962) 633
19. Haronian, F.: The ethical relevance of a psychotherapeutical technique. J. Relig. Health 6 (1967) 148
20. Heigl, F.: Indikation und Prognose in der Psychoanalyse und Psychotherapie, 2. Aufl. Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen 1974
21. Heiss, R.: Allgemeine Tiefenpsychologie. Huber, Bern 1956
22. Holfeld, H., H. Leuner: Die Behandlung einer chronisch rezidivierenden psychogenen Psychose. In Leuner, H., O. Lang: Psychotherapie mit dem Tagtraum, Katathymes Bilderleben, Ergebnisse II, Fallanalysen, Theorie. Huber, Bern 1982
23. Josuttis, M.; Leuner, H.: Religion und die Droge. Kohlhammer, Stuttgart 1972
24. Jung, C.G.: Über psychische Energetik und das Wesen der Träume. Rascher, Zürich 1948
25. Jung, F.M.; Ch. Kulesa: Katamnestische Untersuchungen einer 20-Stunden-Therapie mit dem Katathymen Bilderleben – Eine testpsychologische Studie. In Leuner, H.: Katathymes Bilderleben – Ergebnisse in Theorie und Praxis, 2. Aufl. Huber, Bern 1983
26. Klessmann, E., H.A. Klessmann: Ambulante Psychotherapie der Anorexia nervosa unter Anwendung des Katathymen Bilderlebens. In Leuner, H., G. Horn, E.

- Klessmann: Katathymes Bilderleben mit Kindern und Jugendlichen. Reinhardt, München 1978
27. Klinger, E.: Katathymes Bilderleben und die neuere Vorstellungsforschung. Vortrag Akad. Feier 65. Geburtstag H. Leuner, Göttingen 28. 1. 1984 (unveröff.)
 28. Koch, W.: Kurztherapie einer zwangsstrukturierten Neurose mit dem Katathymen Bilderleben. Z. Psychoth. med. Psychol. 19 (1969) 187
 29. Kohut, H.: Narzißmus. Eine Theorie der psychoanalytischen Behandlung narzißtischer Persönlichkeitsstörungen, 2. Aufl. Suhrkamp, Frankfurt/M. 1976
 30. Kornadt, H.J.: Experimentally excited images as function of dynamic systems. Proceedings of the XIIth Congress Ing. Ass. Applied Psychol. Rome 1958
 31. Kornadt, H.-J.: Der Zusammenhang zwischen allgemeinem Anspruchsniveau und bestimmten Merkmalen bildhafter Vorstellungen. Ref. Int. Kongr. Psychol., Bonn 1960, Kongreßberichte
 32. Kosbab, P.: Symbolismus, Selbsterfahrung und die didaktische Anwendung des Katathymen Bilderlebens in der psychiatrischen Ausbildung. Z. Psychother. med. Psychol. 22 (1972) 210
 33. Kretschmer, E.: Medizinische Psychologie. 14. Aufl., hrsg. von W. Kretschmer. Thieme, Stuttgart 1975
 34. Kulessa, Chr., F. Jung: Effizienz einer 10stündigen Kurzpsychotherapie mit dem Katathymen Bilderleben im testpsychologischen prae/post-Vergleich. In Leuner, H.: Katathymes Bilderleben – Ergebnisse in Theorie und Praxis, 2. Aufl. Huber, Bern 1983
 35. Landau, E.: Psychologie der Kreativität. Reinhardt, München 1971
 36. Landau, E., H. Leuner: Seminare über Katathymes Bilderleben und Kreativität. Göttingen 1976 (unveröff.)

37. Leuner, H.: Kontrolle der Symbolinterpretation im experimentellen Verfahren. Z. Psychother. med. Psychol. 4 (1954) 201
38. Leuner, H.: Experimentelles Katathymes Bilderleben als ein klinisches Verfahren der Psychotherapie. Z. Psychother. med. Psychol. 5 (1955) 185 u. 233
39. Leuner, H.: Symboldrama, ein aktives nichtanalysierendes Vorgehen in der Psychotherapie. Z. Psychother. med. Psychol. 7 (1957) 221
40. Leuner, H.: Das Landschaftsbild als Metapher dynamischer Strukturen. In Stolze, H.: Festschrift E. Speer. Lehmann, München 1959
41. Leuner, H.: Guided affective imagery: An account of its developmental history. J ment. Imagery (USA) 1 (1977) 73
42. Leuner, H.: Grundzüge der tiefenpsychologischen Symbolik I. Mater. Psychoanal. anal. Psychother. 5 (1978) 166
43. Leuner, H. (Hrsg.): Katathymes Bilderleben - Ergebnisse in Theorie und Praxis, 2. Aufl. Huber, Bern 1983
44. Leuner, H.: Der Tagtraum des Katathymen Bilderlebens als Form der Sterbehilfe. In Spiegel-Rösing, I., H. Petzold: Die Begleitung Sterbender. Jungfermann, Paderborn 1984
45. Leuner, H.: Lehrbuch des Katathymen Bilderlebens, 2. Aufl. Huber, Bern 1987
46. Leuner, H., O. Lang: Psychotherapie mit dem Tagtraum. Katathymes Bilderleben, Ergebnisse II, Fallanalysen, Theorie. Huber, Bern 1982
47. Lienhard, P.: Hypnotisch vermittelte Gefühle und ihre Auswirkungen auf die Imaginationen des Katathymen Bilderlebens. Arbeit Liz. philos. Fak. Univ. Freiburg/Schweiz 1983
48. Loch, W.: Die theoretischen Voraussetzungen einer psychoanalytischen Kurztherapie. In Jahrb. Psychoanal. 4. Huber, Bern 1967

49. Maier, H.W.: Über katathyme Wahnbildung mit Paranoia. Z. Ges. Neurol. Psychiatr. 1912
50. Malan, H.D.: Psychoanalytische Kurzpsychotherapie. Huber, Bern/Klett, Stuttgart 1965
51. Moreneo, J.L., G.A. Leutz: Psychodrama. Theorie und Praxis. Springer, Berlin 1974
52. Murray, H.A.: Explorations in Personality. Oxford Univ. Press, New York 1938.
Dtsch. in Revers, W.J., K. Taeuber: Der thematische Apperzeptionstest (TAT), 2. Aufl. Huber, Bern 1968
53. Nerenz, K.: Das musikalische Symboldrama als Hilfsmethode in der Psychotherapie. Z. Psychother. med. Psychol. 19 (1969) 28
54. Nederland, H.; River symbolism. Psychoanalyt. Quart. 15 (1956) 469
55. Nunberg, H.: Allgemeine Neurosenlehre auf psychoanalytischer Grundlage. Huber, Bern 1932, 4. Aufl. 1975
56. Pahl, J.: Über narzißtische Entwicklungslinien während des Katathymen Bilderlebens. In Leuner, H.: Katathymes Bilderleben – Ergebnisse in Theorie und Praxis, 2. Aufl. Huber, Bern 1983 (S. 481)
57. Prindull, E.: Die Manifestationen der depressiven Verstimmung im Katathymen Bilderleben. Med. Diss., Göttingen 1964
58. Pszywyj, A.: Die imaginative Anwendung des Wassers im Katathymen Bilderleben. In Leuner, H.; Katathymes Bilderleben – Ergebnisse in Theorie und Praxis, 2. Aufl. Huber, Bern 1983
59. Riedel, I.: Der Tagtraum in der schönen Literatur. In: Ausgewählte Vorträge der Zentralen Weiterbildungsseminare der AGKB, Göttingen 1974
60. Rogers, C.R.: Therapeut und Klient, Grundlagen der Gesprächstherapie. Kinder, München 1977

61. Roth, J.W.: Das Katathyme Bilderleben bei psychosomatischen Frauenkrankheiten und bei Sexualstörungen beiderlei Geschlechts. In Leuner, H.: Katathymes Bilderleben – Ergebnisse in Theorie und Praxis, 2. Aufl. Huber, Bern 1983
62. Roth, J.W.: Über die Bedeutung der introspektiven Imagination des Katathymen Bilderlebens, dargestellt am Beispiel des Spannungskopfschmerzes. In Leuner, H.: Katathymes Bilderleben – Ergebnisse in Theorie und Praxis, 2. Aufl. Huber, Bern 1983
63. Roth, J.W.: Körpersensationen während des Katathymen Bilderlebens – ihr Einsatz als therapeutische Technik. In Roth, J.W.: Konkrete Phantasie, neue Erfahrungen mit dem Katathymen Bilderleben. Huber, Bern 1984
64. Roth, J.W.: Konkrete Phantasie, neue Erfahrungen mit dem Katathymen Bilderleben. Huber, Bern 1984
65. Schultz, J.H.: Das autogene Training, 16. Aufl. Thieme, Stuttgart 1979, 18. Aufl. 1987
66. Schultz-Hencke, H.: Lehrbuch der analytischen Psychotherapie. Thieme, Stuttgart 1951, 4. Aufl. 1985
67. Silberer, H.: Bericht über die Methode, gewisse symbolische Halluzinationserscheinungen hervorzurufen und zu beobachten. Jb. psychoanalyt. psychopathol. Forsch. 1 (1909) 302
68. Silberer, H.: Symbolik des Erwachens und Schwellensymbolik überhaupt. Jb. psychoanal. psychopatholog. Forsch. 3, (1912) 621
69. Singer, J.L., K.S. Pope: The Power of Human Imagination. Plenum Press, New York 1978
70. Spiegel-Rösing, I., H. Petzold: Die Begleitung Sterbender. Jungfermann, Paderborn 1984
71. Spitz, R.: Übertragung und Gegenübertragung. Psyche 10 (1956/1957) 63

72. Stamm, S.: Die psychodynamische Wirkung der Hypnose im Spiegel des Katathymen Bilderlebens. In Leuner, H.: Katathymes Bilderleben – Ergebnisse in Theorie und Praxis, 2. Aufl. Huber, Bern 1983
73. Sterba, R.E.: The fate of the ego in analytic therapy. Int. J. Psychoanal. 15 (1934) 117
74. Stierlin, H.: Conflict and Reconciliation. Doubleday-Anchor, New York 1969
75. Stolze, H.: Das obere Kreuz. Lehmann, München 1953
76. Sturm, M.: Über die Kasuistik der psychotherapeutischen Behandlung mit dem Katathymen Bilderleben und ihre Auswertung. Med. Diss. Göttingen 1984
77. Taylor, J.: A personality scale of manifest anxiety. J. abnorm. soc. Psychol. 48 (1953) 285
78. Thomas, K.: Praxis der Selbsthypnose und des autogenen Trainings. Thieme, Stuttgart 1967; 6. Aufl. 1983
79. Vogt, O. (1896): Zit. n. H.J. Schultz: Die seelische Krankenbehandlung. Fischer, Stuttgart 1958 (S. 168).
80. Vogt, O.: Die direkte psychologische Experimentalmethode in hypnotischen Bewußtseinszuständen. Leipzig 1897
81. Wächter, H.-M.: Möglichkeiten des Katathymen Bilderlebens in der Behandlung psychosomatischer Krankheiten. In Roth, J.W.: Konkrete Phantasie, neue Erfahrungen mit dem Katathymen Bilderleben. Huber, Bern 1984
82. Wächter, H.-M., V. Pudiel: Kurzpsychotherapie von 15 Sitzungen mit dem Katathymen Bilderleben (eine kontrollierte Studie). In Leuner, H.: Katathymes Bilderleben – Ergebnisse in Theorie und Praxis, 2. Aufl. Huber, Bern 1983
83. Wilke, E.: Katathymes Bilderleben (KB) in der Behandlung von Colitis ulcerosa. Schriftenreihe der AGKB, Bd. 2. Eigenverlag AGKB, Göttingen 1979

84. Wolpe, J.: Psychotherapy by reciprocal inhibition. Stanford University Press, Stanford (Cal.) 1958
85. Zaro, J.S., R. Barach, D.F. Nedelmann, J.S. Dreiblatt: Einführung für angehende Psychotherapeuten. Enke, Stuttgart 1980
86. Zepf, S.: Das Katathyme Bilderleben in der Erforschung der Psychodynamik des Asthma bronchiale. In Leuner, H.: Katathymes Bilderleben – Ergebnisse in Theorie und Praxis, 2. Aufl. Huber, Bern 1983

Предметный указатель

А

Агорафобия
(*Platzangst / agoraphobia*)

Алекситимия (*Alexithymie*)

Анамнез, глубинно-психологический
(*Anamnese, tiefenpsychologische / history, depth psychological*)

Архаические животные, такие, как
ящеры, драконы и пр.
(*Archaische Tiere wie Saurier, Drachen etc. / huge reptiles, dragons*)

Ассоциативный метод
(*Assoziatives Vorgehen*)

- - и возрастная регрессия
(*und Altersregression*)

- - основополагающая идея
(*Grundidee*)

- - плодотворный (*fruchtbares*)

Ассоциации, свободные

(*Assoziationen, freie*)

- мысленные (*gedankliche*)

- спонтанные (*spontane*)

Аутосимволизм

(*Autosymbolismus / autosymbolism*)

Аутотренинг

(*Autogenes Training / autogenes training*)

- высшая ступень

(*Oberstufe / advanced level*)

Б

Базовые знания

(*Grundlagenkenntnisse*)

Бесконфликтные мотивы

(*konfliktfreie Motive / conflict-free motifs*)

- - спонтанное появление
(*spontanes Auftreten*)
- - теоретические аспекты
(*theoretische Aspekte / theoretical viewpoint*)
- - усиление
(*Verstärkung / reinforcement*)
- сцены (*Szenen / scenes*)

Бессознательное
(*Unbewußtes / unconscious*)
- символ (*Symbol / symbol*)

Болезненная страсть к умыванию
(см. также *Навязчивое мытье*)
(*Waschzwang*)

Бородавка (*Warze / wart*)

Бытовые сцены (*Alltagsszenen*)
- - банальные (*banale*)

В

Ведение сновидения наяву

(*Leitung des Tagtraumes / guidance of the mental imagery*)

Ведение, протекционное, ослабление
(*Führung, protektive, Lockerung*)

Вербализация эмоционального
содержания образов
(*Verbalisierung emotionaler Inhalte / verbalization of emotional contents*)

Вид, открывающийся с вершины горы
(*Rundblick vom Berg / panorama*)

- - - - картографические схемы
(*kartographische Erfassung / cartographic sketches*)

- - - - кататимная панорама
(*katathymes Panorama / catathymic panorama*)

- - - - признаки нарушения
(*Störungszeichen / signs of disorder*)

- - - - символика (*Symbolik*)

“Видеть” - “представлять”
(*“Sehen” - “Vorstellen” / “see” - “imagine”*)

Внутреннее восприятие (<i>Innenwahrnehmung / inner perception</i>)	- - границы (<i>Grenzen</i>) - - опасность (<i>Gefahr</i>) - - понятие (<i>Begriff</i>) - - целенаправленная установка (<i>gezielte Einstellung</i>)
Внутренний проводник (<i>Innerer Führer / inner guide</i>)	Вопросы для прояснения, проясняющие вопросы (<i>Fragen zur Klärung, klärende Fragen</i>)
Возбуждение, аффективное (<i>Erregung, affektive</i>)	Восприятие, исчерпать мотив (<i>Wahrnehmungen, Ausschöpfen / perception, exhaust</i>) - работа с деталями (<i>Detailarbeit / working with details</i>) - точность (<i>Prägnanz</i>) - установки (<i>Wahrnehmungseinstellung / attitude toward perception</i>)
Возвращение на уровень образов (<i>Rückkehr auf die Bildebene</i>) - к реальности (<i>zur Realität / return to reality</i>) - в реальную ситуацию (<i>in die Realsituation</i>) - из состояния релаксации (<i>Rücknahme der Entspannung / withdrawing the relaxation</i>)	Вторая составляющая КПО (<i>Zweite Dimension des KB / second dimension of GAI</i>)
Воздействие, протекционное (<i>Einflußnahme, protektive</i>)	Высотный дом (<i>Hochhaus / multistory building</i>)
Возрастная регрессия (<i>Altersregression</i>)	

Высшая ступень КПО (<i>Oberstufe / advanced level</i>)	Гипноз (<i>Hypnose</i>)
Выход из КПО (<i>Zurücknehmen des KB / retraction</i>)	Глубинная психология, базовые знания (<i>Tiefenpsychologische Schulung / methodology of depth psychology, fundamental content</i>)
Г	Гнет страданий (<i>Leidensdruck / psychic pain</i>)
Гебефренная картина (<i>Hebephrenes Bild /hebephrenic clinical picture</i>)	- пациента (<i>des Patienten / patient's</i>)
Генетические составляющие (<i>Genetische Anteile</i>)	Голос и интонации (<i>Gesprächsführung</i>)
Гидротерапия (<i>Hydrotherapie / hydrotherapy</i>)	- переход к Кататимному переживанию образов (<i>Brücke zum Katathymen Bilderleben</i>)
Гипертиреоз (<i>Hyperthyreose / hyperthyroidism</i>)	Грани ландшафта (<i>Facetten einer Landschaft</i>)
Гипнагогические видения (<i>hypnagoge Visionen / hypnagogic visions</i>)	Д
	Давление проекции (<i>Projektionsdruck</i>)

Депрессивная беспомощность и
одиночество
(*Depressive Verlassenheit*)

Зависимость, симбиотическая
(*Abhängigkeit, symbiotische*)

Депрессия (*Depression*)

Запускающая ситуация
(*Auslösende Situation / triggering situation*)

Диалогическая динамика
(*Dialogische Dynamik*)
Диалогический процесс
(*Dialogischer Prozeß*)

Застой аффектов (*Affektstauung*)

Динамическое насыщение
(*Dynamische Sättigung*)

Защита от конфликтов - удовлетворение
(*Konfliktabwehr - Befriedigung / defense against conflicts - gratification*)

“Дремотные видения”
(*Schlumberbildchen*)

Защитная функция леса
(*Schutzfunktion des Waldes*)
- - психотерапевта
(*des Therapeuten / protection of the therapist*)

Ж

Желания всеисилия и всемогущества
(*Omnipotenzwünsche*)

Защитные импульсы
(*Abwehrimpulse*)

Жилая комната (гостинная)
(*Wohnzimmer*)

Защитные механизмы /
(*Adwehrmechanismen / defence mechanisms*)

З

- интеллектуализация
(*Intellektualisierung*)
- опасность усиления
(*Gefahr der Stärkung / danger of activating*)
- и удовлетворение
(*und Befriedigung*)
- усиление (*Verstärkung*)
- Я (*des Ichs / ego defenses*)

И

- Идентификация
(*Identifikation / identification*)
- Изменение реального поведения
(*Wandel des Realverhaltens*)
- Измененное состояние сознания
(*Veränderter Bewußtseinszustand*)
- Изменяющее характер воздействие
(*Charakterwandelnde Wirkung*)
- Измотать и доконать

(*Erschöpfen und Umbringen / exhausting and killing*)

Иллюзорные ожидания
(*Illusionäre Erwartungen*)

Имагинативный уровень действий
(*Imaginative Handlungsebene*)

Имагинация (*Imagination*)

- автономия (*Autonomie*)
- активная (*aktive*)
- беллетристика (*Belletristik*)
- исследование
(*Imaginationsforschung*)
- конфликтных моментов
(*von Konfliktpunkten*)
- корреляция с расслаблением
(*Korrelation mit Entspannung*)
- побуждение к (*Aufforderung*)
- поэтические свидетельства
(*dichterische Zeugnisse*)
- самораскрытие психики
(*Selbstdarstellung der Psyche*)
- спонтанное проявление

(*spontane Manifestation*)
- способность к
(*Imaginationsfähigkeit*)

Импотенция (*Impotenz*)

Импульсы и защита
(*Impulse und Abwehr*)
- агрессивные импульсы
(*aggressive*)
- аутоагрессивные
(*autoaggressive Impulse*)
- - отколовшиеся(*abgespaltene*)
- у пациента подавлять
(*des Patienten unterdrücken*)
- творческие (*schöpferische*)

Индивидуальный стиль в Кататимном
переживании образов
(*Individueller Stil im Katathymen
Bilderleben*)

Индукция кататимного образа
(*Induktion des Katathymen Bildes*)

Инспекция внутренних частей тела

(*Inspektion des Körperinneren / inspection
of the bodily organs*)

Интеллектуализация
(*Intellektualisierung / intellectualization*)

Интерпретация содержания сцен КПО
(*Interpretation der KB-Inhalte /
interpretation of the contents of mental
imagery*)

Информированность пациента
(*Information des Patienten / informing the
patient*)

Истерическая структура
(*Hysterische Struktur / hysterical
structure*)

Исторические эксперименты
(*Historische Vorversuche*)

К

Катарсис (*Katharsis / catharsis*)

Катартический метод (<i>Kathartische Methode / catartic method</i>)	(<i>Hilfsmittel</i>) - - - - дозирование (<i>Dosierung</i>)
Кататимная панорама (<i>Katathyme Panorama</i>)	- - - - информированность пациента (<i>Information des Patienten</i>)
- - количественный учет (<i>quantitative Erfassung</i>)	- - - - преодоление трудностей (<i>Behebung von Schwierigkeiten</i>)
- - креативное расширение (<i>kreative Ausweitung</i>)	- - - - при помощи теста “цветок” (<i>mit Blumentest</i>)
- - признаки нарушения (<i>Störungszeichen</i>)	- - - - формы нарушений (<i>Störungsformen</i>)
- - символика (<i>Symbolik</i>)	- - - вербализация (<i>Verbalisation</i>)
- - синхронное преобразование (<i>synchrone Wandlung</i>)	- - - вскрывание конфликтов (<i>Konfliktaufdecken</i>)
- - схематичная фиксация (<i>skizzenhafte Fixierung</i>)	- - - вторая составляющая (<i>zweite Dimension / second dimension of GAI</i>)
Кататимное переживание образов (КПО) (<i>Katathymes Bilderleben / Guided Affective Imagery</i>)	- - - выход (<i>Rücknahme</i>)
- - - автономия (<i>Autonomie</i>)	- - - депрессивные содержания (<i>depressive Inhalte</i>)
- - - академические принципы ведения (<i>schulgerechte Führung</i>)	- - - и диагностика (<i>und Diagnostik</i>)
- - - введение (<i>Einleitung</i>)	- - - как диалогический метод (<i>als dialogische Methode</i>)
- - - - вспомогательные средства	- - - индивидуальный стиль (<i>individueller Stil</i>)

- - - контроль эффективности
(*Effizienzkontrollen*)
- - - конфликтные моменты
(*Konfliktpunkte*)
- - - короткая психотерапия
(*Kurztherapie*)
- - - нарушения (*Störungen*)
- - - непредвиденное развитие
(*unvorhergesehene Entwicklung*)
- - - основная техника
(*basale Technik*)
- - - основной принцип
(*Grundprinzip*)
- - - опасности (*Gefahren*)
- - - перенос и контрперенос
(*Übertragung und Gegenübertragung /
transference and countertransference*)
- - - показания для применения
(*Indikationen*)
- - - положение среди
психотерапевтических методов
(*Stellung unter
Psychotherapieverfahren /*
- position within the range of
Psychotherapeutic approaches*)
- - - практическое использование
(*praktische Handhabung*)
- - - примеры отдельных случаев
психотерапии
(*Einzelfallbeispiele*)
- - - и прогностика (*und Prognostik*)
- - - протекание и эмоциональное
участие
(*Ablauf und emotionale Beteiligung*)
- - - и психосоматическая картина
болезни
(*und psychosomatische Bilder*)
- - - семинары (*Seminare*)
- - - система изучения
(*Lehrbarkeit*) / (*teachability*)
- - - системный характер
(*Systemcharakter / as a system*)
- Кататимные образы
(*Katathyme Bilder*)
- Когнитивное осмысление
(*Kognitive Besinnung*)
- проникновение

(Durchdringung / cognitive penetration)	(des therapeutischen Prozesses / therapeutic process)
- разъяснение (Klärung)	
- ясность (Klarheit / cognitive clarity)	
Колит, язвенный (Colitis ulcerosa)	Контрперенос (Gegenübertragung / countertransference)
Комбинация с психоанализом (Kombination mit Psychoanalyse / combination with psychoanalysis)	- ограничения в КПО (Begrenzung im KB)
Компромиссное образование (Kompromißbildung)	- отношение перенос-контрперенос (Gegenübertragung-Übertragung-Relation)
Конкретные сцены (Konkrete Szenen)	- частые формы в КПО (häufige Formen im KB)
Контроль (Kontrolle / Control)	- чувства (Gegenübertragungsgefühle / countertransference feelings)
- посредством мотива новостройки дома (durch Motiv des Neubaus / by "new building")	Конфликт (Konflikt / conflict)
- посредством феноменов преобразования (durch Wandlungsphänomene / through phenomena of change)	- объектный характер (Objektcharakter / object character)
- терапевтического процесса	- связь с символом (Einheit mit Symbol)
	- ядро конфликта (Kern des Konfliktes)
	Конфликтная картина

(Konfliktbild)

Конфликтные моменты
(Konfliktpunkte / points of conflict)

- - центральные (zentrale)

Конфронтация с повседневными
сценами
(Konfrontation mit Alltagsszenen /
confrontation with everyday scenes)

Конфронтация символов
(Symbolkonfrontation / confrontation with
the symbols)

Короткая психотерапия
(Kurztherapie / short-term therapy)
- - пример (Beispiel)
- - экстремальная (extreme)

Коррекция ранних объектных
отношений
(Korrektur früher Objektbeziehungen)

Крапивница (Urtikaria)

Креативное раскрытие
(Kreative Entfaltung / creative
development)

- - разрешение мотивов препятствия-
недопущения (Lösung von
Verhinderungsmotiven)

- - расширение панорамы
(Ausweitung des Panorames /
expansion of the panorama)

- - решение проблемы
(Problemlösung)

Креативное расширение, спонтанное
(Kreative Ausweitung, spontane / creative
expansion, spontaneous)

Креативный потенциал
(Kreatives Potential / creative power)

Крепость (Festung / fortress)

Кризисное психотерапевтическое
воздействие
(Krisenintervention / crisis intervention)

Кухня (*Küche / kitchen*)

М

Л

Лечение близких

(*Behandlung Angehöriger / treatment of relatives*)

- пациентов (*der Patienten*)

- - внешние условия
(*äußere Bedingungen / external conditions*)

- - длительность (*Dauer*)

- - прогноз (*Prognose*)

- - рабочий альянс
(*Arbeitsbündnis*)

- - установление срока окончания
(*Terminierung*)

- - цель (*Ziel / goal of treatment*)

- - частота сеансов
(*Frequenz der Sitzungen / frequency of treatments*)

Люди с чрезвычайно сильными нарушениями

(*Extrem stark gestörte Menschen*)

Магические жидкости

(*Magische Flüssigkeiten / magical fluids*)

Магнитофонная запись

(*Tonbandaufnahme / tape recording*)

Международное общество Кататимного переживания образов

(*Internationale Gesellschaft für KB*)

Ментальное научение

(*Mentales Lernen*)

“Микроскоп души”, “микроскоп психики”

(*“Mikroskop der Seele”, “Mikroskop der Psyche” / “Microscope of the soul”*)

Множественная детерминация

(*Mehrfache Determination*)

Мобильная проекция
(*Mobile Projektion / mobile projection*)

Мотив воды
(*Motiv des Wassers / water motif*)

- - предложение (*Angebot*)
- водопада
(*des Wasserfalles / waterfall*)
- вулкана (*des Vulkans / volcano*)
- горы (*des Berges / mountain*)
- - выполнение задачи
(*als Bewältigung einer Aufgabe / mastery of a task*)
- - значение
(*Bedeutungsgehalt / meaning*)
- - идеал Я (*Ich-Ideal / Ego-ideal*)
- - качественные свойства гештальта горы (*Gestaltungsqualitäten / gestalt qualities of the mountain*)
- - как объектная репрезентация
(*als Objektrepräsentanz / as objekt representation*)
- - материнская репрезентация
(*mütterliche Repräsentanz / maternal representation*)
- - мотивы препятствия-недопущения

(*Verhinderungsmotive / obstructive motifs*)

- - описание
(*Beschreibung / description*)
- - панорама
(*Rundblick / panorama*)
- - подъем (*Aufstieg / climbing*)
- - подъем на гору как идентификация
(*Besteigung als Identifikation / climbing = identification*)
- - символическая репрезентация
(*symbolische Repräsentanz / symbolic representation*)
- - спуск (*Abstieg / descent*)
- - терапевтическое значение
(*therapeutische Bedeutung / therapeutic meaning*)
- - уровень притязаний
(*Anspruchsniveau / level of aspiration*)
- - усиление Я
(*Ich-Stärkung / strengthening of the ego*)
- - установка (*Einstellung / focusing*)
- дома (*des Hauses / house*)
- - вход (*Eintritt / entry*)

- - интроекты
(*Introjekte / introjects*)
- - конфронтация
(*Konfrontation / confrontation*)
- - метафоричность
(*Metaphorik / metaphors*)
- - преобразование
(*Wandlung / change*)
- - признаки нарушения
(*Störungszeichen*)
- - помещения (*Räume*)
- - символика (*Symbolik*)
- - сменяющийся
(*wechselndes / changing*)
- - техника представления
(*Technik der Einstellung / technique of focusing on the motif*)
- значимых лиц
(*der Beziehungspersonen / referential figures*)
- идеала Я
(*des Ich-Ideals / Ego ideal*)
- источника
(*der Quelle / of the source*)
- - символика (*Symbolik*)
- - терапевтическое значение
(*therapeutische Bedeutung*)
- купания (*des Bades*)
- ландшафта (*Landschaftsmotiv*)
- луга (*der Wiese / meadow*)
- - признаки нарушения
(*Störungszeichen / signs of disorder*)
- - разрешительная позиция
(*gewährende Haltung / giving attitude*)
- - свобода движения
(*Bewegungsfreiheit / freedom of movement*)
- льва (*der Löwen / lion*)
- моря (*des Meeres / of the sea*)
- окна (отверстия) на болоте
(*des Sumpfloches / swamp*)
- опушки леса
(*des Waldrandes / edge of woods*)
- - - вхождение в лес (*Betreten des Waldes / entering the woods*)
- - - функции защиты
(*Schutzfunktionen / protection*)
- - - опасности (*Gefahren / dangers*)
- - - символика (*Symbolik*)
- - - символические образы

- (*Symbolgestalten / symbolic figures*)
- - - - объектный уровень
(*Objektstufe / object level*)
 - - - - субъектный уровень
(*Subjektstufe / subject level*)
 - - - техника введения мотива
(*Technik der Einstellung*)
 - - - и цель терапии
(*und therapeutisches Ziel*)
 - пещеры
(*der Höhle / cave*)
 - на поверхности земли
(*auf der Erdoberfläche*)
 - представления
(*Vorstellungsmotiv / imaginal*)
 - реки (*des Flusses*)
 - - большой реки
(*des Stromes*)
 - ручья (*des Baches / brook*)
 - - мотивы препятствия-недопущения
(*Verhinderungsmotive / obstructive motifs*)
 - - отвлекающий маневр
(*Täuschungsmanöver / deceptive maneuvers*)

- - прослеживание течения ручья
(*Verfolgung / course of the brook*)
- - как путеводная нить
(*als Leitlinie / guideline*)
- - символическое значение
(*symbolische Bedeutung / symbolic meaning*)
- сексуальности
(*der Sexualität / sexuality*)
- туннеля (*des Tunnels*)
- фолианта
(*des Folianten / folio*)
- цветка (*der Blume*)

Мотивация пациента
(*Motivation des Patienten / the patient's motivation*)

- Мотивы препятствия-недопущения (см. также *Фиксированный образ*)
(*Verhinderungsmotive / obstructive motifs*)
- - в мотиве ручья
(*am Bach / at the brook*)
 - - признак механизмов защиты
(*Zeichen von Abwehrmechanismen*)
 - - прорабатывание (*Bearbeitung*)

Мышление кинокадрами
(*Bildstreifendenken* / “filmstrip thinking”)

Н

Навязчиво-невротическая структура личности
(*Zwangsstruktur* / *obsessive-compulsive structure*)

Навязчивое мытье (см. также
Болезненная страсть к умыванию)
(*Waschzwang*)
- повторение
(*Wiederholungszwang*)

Наркотическая зависимость
(*Rauschmittel-Abhängigkeit* / *drug abuse*)

Нарушение социальных контактов
(*Kontaktstörung* / *difficulty making social contacts*)
- трудоспособности
(*Arbeitsstörung*)

Настроение, мотива
(*Gestimmtheit, des Motives*)
- актуальное (*aktuelle Stimmung*)
- дать затихнуть после КПО
(*Stimmung, Abklingen nach dem KB*)
- собственное (*eigene*)

Невроз заикания
(*Stotterneurose* / *stutter neurosis*)
- навязчивых состояний
(*Zwangsneurose* / *obsessive-compulsive*)
- - - пациенты с неврозом навязчивых состояний
(*Zwangskranke*)
- переноса
(*Übertragungsneurose* / *transference*)
- сердца (*Herzneurose* / *cardiac*)

Невротическое развитие личности
(*Charakterneurose* / *character neurosis*)

Неподвижные образы
(*Feststehende Bilder*)

О

Образ матери (<i>Mütterliche Imago / maternal image</i>)	Объединение Кататимного переживания образов в Германии (<i>AGKB / Association for Guided Affective Imagery</i>) - Австрийское (<i>Österreichische</i>) - Нидерландов (<i>Nederland</i>) - Шведское (<i>Svenska</i>) - Швейцарское (<i>Schweizer</i>)
Образное представление, фокусировка (<i>Vergegenwärtigung / focussed exploration of the imagined scenes</i>) - - - и когнитивное проникновение (<i>und kognitive Durchdringung / cognitive penetration</i>) - - - эмоционального тона сцены (<i>von Gefühlston der Szene / emotional tone</i>)	Объектные отношения, коррекция инфантильных (<i>Objektbeziehungen, Korrektur an infantilen</i>)
Образное сознание (<i>Bildbewußtsein / imaginal consciousness</i>)	Опасности Кататимного переживания образов (<i>Gefahren des Katathymen Bilderlebens / risks of Guided Affective Imagery</i>)
Образные ассоциации, свободные (<i>Bildassoziationen, freie</i>)	Оральный дефицит (<i>Orales Defizit</i>)
Обучающий процесс (<i>Übendes Vorgehen / training procedure</i>)	Отклонения течения психотерапии (<i>Abschweifender Verlauf</i>)
	Отреагирование

(*Abreaktion / abreaction*)

- в фантазии

(*Agieren in der Phantasie*)

Отрицание реальности

(*Verleugnung der Realität*)

П

Парадоксальность

(*Paradoxien*)

Паралич руки, психогенный

(*Armlähmung, psychogene*)

Пациенты, активно имажинирующие

(*Patienten, aktiv imaginierende*)

- одаренные фантазией

(*phantasiebegabte*)

- способные к ассоциациям

(*assoziationsfähige*)

Первая беседа

(*Erstgespräch / initial contact*)

Пережить и выстрадать

(*Durchleben und Durchleiden*)

Перенос

(*Übertragung / transference*)

- анаклитический

(*anaklitische / anaclitic*)

- анализ переноса

(*Übertragungsanalyse / analysis of transference*)

- модель водолаза

(*Modell des Tauchers / model of the diver*)

- и нарушение КПО

(*und Störung des KB / interference in GAI*)

- “негативный”

(*“negative” / “negative”*)

- “позитивный”

(*“positive” / “positive”*)

- сопротивления (*Widerstände*)

- специфическая ситуация в КПО
(*spezielle Situation im KB / special situation in GAI*)

- частые формы в КПО

(*häufige Formen im KB*)

- чувств

(*von Gefühlen / of feelings*)

“Побочный перенос”
(*“Nebenübertragung”*)

Поведение, невротическое
(*Verhalten, neurotisches*)
- повседневное (*Alltagsverhalten*)
- психотерапевта
(*Therapeutenverhalten / therapist's behavior*)
- - академическое (*schulgerechtes*)
- - благожелательная позиция
(*wohlwollende Haltung*)
- - ведение через панораму
(*Führung durch das Panorama*)
- - директивные действия
(*direktive Maßnahmen*)
- - на основной ступени
(*auf der Grundstufe*)
- - формулировки
(*Formulierungen*)

Поведенческая психотерапия
(*Verhaltenstherapie*)
- - замаскированная (*verdeckte*)

Повседневные ситуации, банальные
(*Alltagssituationen, banale*)

Подвал (*Keller / cellar*)

Подъем в гору
(*Aufstieg auf den Berg*)

Позиция заботы и беспокойства
(*Sorgehaltung*)

Показания для применения
(*Indikationen / indications*)
- - и длительность симптома
(*und Symptombdauer / duration of the symptom*)
- - методов основной ступени
(*der Grundstufe / methods of the basic level*)
- - и нозологический подход
(*und nosologische Gesichtspunkte / nosological viewpoints*)
- - применительно к содержанию
образов КПО
(*gemessen an KB-Inhalten / criteria according to the contents of GAI*)

- - и социальная ситуация (<i>und soziale Situation</i>)	Предоставление, свободы (<i>Gewähren von Freiheit</i>)
- - и цель лечения (<i>und Behandlungsziel / treatment goal</i>)	- свободы действий (<i>Gewährenlassen</i>)
Порог перехода ко сну (<i>Schwelle zum Schlaf / threshold of sleep</i>)	Предохранительная функция механизмов защиты (<i>Schutzfunktion der Abwehrmechanismen / protective function of the defense mechanisms</i>)
Последующее обсуждение (<i>Nachbesprechung</i>)	Предсознательный разбор (<i>Vorbewußte Auseinandersetzung / preconscious confrontation</i>)
Потоотделение, повышенное (<i>Hyperhydrosis</i>)	Представления о плодородии (<i>Fruchtbarkeitsvorstellungen</i>)
Правило абстиненции (<i>Abstinenzregel / rule of abstinence</i>)	Признаки нарушения (<i>Störungszeichen / signs of disorder</i>)
Предложение пройти психотерапию (<i>Therapieangebot / offer of therapy</i>)	Проблема ведения в экстремальных случаях (<i>Führungsproblem in extremen Fällen</i>)
Предметизация (наглядное представление, конкретизация) (<i>Vergegenständlichung / objectification</i>)	Пробное лечение

(*Probebehandeln / trial run*)

Пробные действия
(*Probehandeln / trial behavior*)

Прогноз лечения
(*Prognose der Behandlung*)

- - и гнет страданий
(*und Leidensdruck*)

- - и мотивация
(*und Motivation*)

- - и пробное лечение
(*und Probebehandlung*)

- - и решение пациента
(*und Entscheidung des Patienten*)

Прогностические критерии (см. также
Показания и Противопоказания)
(*Prognosekennzeichen / criteria for prognosis*)

Продолжение образов, сценическое
(*Bildabfolge, szenische*)

Проективные методы тестирования
(*Projektive Testmethoden*)

Проективный метод
(*Projektives Verfahren*)

Проективный механизм
(*Projektiver Mechanismus / projective mechanism*)

Проекция собственных конфликтов
(*Projektion eigener Konflikte*)

Прорабатывание
(*Durcharbeiten und Bearbeiten*)

Противопоказания для применения
методов основной ступени КПО (см.
также *Показания*)
(*Kontraindikationen der Grundstufe*)

Противоречия в образе
(*Widersprüche im Bild*)

Протокол психотерапевта

(Protokol des Therapeuten / therapist's protocol)

Процесс, вторичный
(Sekundärprozeß / secondary process)

- первичный
(Primärvorgang(-Prozeß) / primary process)

Процесс обучения в КПО
(Lernprozeß im KB)

- - креативный
(kreativer)

Процессы психического отображения
(Seelische Abbildungsvorgänge)

Психоанализ *(Psychoanalyse)*

Психодинамика
(Psychodynamik / psychodynamic)

- концепции
(Konzepte / concept)

Психологический темп в КПО

(Psychisches Tempo im KB)

Психосоматические случаи
(Psychosomatische Fälle)

Психосоматический синдром
(Psychosomatisches Syndrom)

Психотерапевт по методу КПО
(KB-Therapeut)

- необходимость самопознания на собственном опыте

(Notwendigkeit der Selbsterfahrung)

- подготовка специалистов в системе повышения квалификации

(Weiterbildung)

- требования *(Anforderungen)*

Психотерапевт-преподаватель
(Lehrtherapeut)

Психотерапевтически действенные факторы

(Therapeutisch wirksame Faktoren / therapeutically effective factors)

Психотерапия, введение
(*Psychotherapie, Einleitung /*
psychotherapy, introduction of)

- внешние условия
(*äußere Bedingungen / external*
conditions)
- заключение о прогнозе
(*Prognoseurteil / judgment of the*
prognosis)
- ожидания пациента
(*Erwartungen des Patienten / patient's*
expectations)
- сбор данных (*Datensammlung*)
- тяготы пациента
(*Belastung des Patienten*)
- цель лечения
(*Behandlungsziel / goal of treatment*)

Путь собственных открытий
(*Entdeckungsreise*)

Р

Рабочий альянс

(*Arbeitsbündnis / working alliance*)

Равномерно распространяющееся
внимание
(*Gleichschwebende Aufmerksamkeit / free-*
floating attention)

Разбор, внутренний
(*Auseinandersetzung, innere*)
- превербальный
(*präverbale / preverbal confrontation*)

Разговорная психотерапия
(*Gesprächstherapie*)

Разъяснение
(*Klärung / clarification*)
- вербальное (*verbale*)
- когнитивное (*kognitive*)
- превербальное (*präverbale*)

Ракета (*Rakete*)

Ранняя детская психическая травма
(*Frühkindliche psychische Traumata*)

Раскрытие, ассоциативное
(*Entfaltung, assoziative*)

- креативное
(*kreative /developing creative imaginings*)
- личности
(*der Persönlichkeit*)
- спонтанное ассоциативное
(*spontane assoziative*)

Расслабление, инструкция
(*Entspannung, Anregung / encouragement to relax*)

- углубленное (*vertiefte*)
- при помощи воды
(*durch Wasser / through water*)
- возвращение из состояния релаксации (*Rücknahme*)
- корреляция с имажинацией
(*Korrelation mit Imagination / correlation: relaxation and imagination*)
- модельная демонстрация
(*modellhafte Demonstration*)
- углубленное переживание

(*vertieftes Erleben*)

Рассматривание деталей
(*Betrachtung von Details*)

Расширение образа, ассоциативное
(*Assoziative Ausweitung des Bildes*)

Рациональное толкование образов
(*Rationale Klärung der Inhalte*)

Реакция паники (*Panikreaktion*)

Реальные ситуации и значимые лица
(*Realsituationen und Beziehungspersonen / real scenes and referential person*)

- переход от реальной ситуации
(*Überleitung von der Realsituation*)
- и поведенческая психотерапия
(*und Verhaltenstherapie*)
- представление (*Einstellung*)
- разрешение (*Lösung*)
- и символизм (*und Symbolismus*)
- и смена ролей (*und Rollentausch*)

Реальные сцены

(*Realszene / real scenes*)

- представление (*Einstellung*)

- - в форме таблицы

(*tabellarischer Überblick / overview*)

- - формы для основной ступени

(*Formen der Grundstufe / basic level*)

Регрессивные тенденции

(*Regressive Tendenzen*)

Решение проблемы

(*Problemlösung / problem solving*)

Режиссерские указания

(*Regieanweisung*)

- - быстрое (*schnelle*)

- - иллюзорное (*illusionäre*)

Режиссерские принципы

(*Regieprinzipien / management models*)

- - и враждебные символические
образы

(*und feindselige Symbolgestalten*)

- - кормления

(*des Nährens / nourishing*)

- - - техника (*Technik*)

- - как кризисное

психотерапевтическое воздействие

(*als Krisenintervention*)

- - особенность (*Eigenart*)

- - и отщепленные интроекты

(*und abgespaltene Introjekte*)

- - примирения

(*vom Versöhnen / reconciliation*)

- - инструментальное

(*instrumentaler Art / instrumental*)

- - на материале фиксированных
образов (*an fixierten Bildern*)

- - попытки (*Versuche*)

- - реалистичное (*realistische*)

Рисование сцен КПО

(*Malen von KB-Szenen / painting the GAI
scenes*)

Ролевая игра (*Rollenspiel*)

- - воображаемая (*imaginiertes*)

С

Самоинтерпретация (<i>Selbstinterpretation / personal interpretation</i>)	(<i>Familiendynamik</i>)
Самоответственность (<i>Eigenverantwortlichkeit</i>)	Семейная психотерапия, ретроспективная (<i>Familientherapie, retrospektive</i>)
Самопознание на собственном опыте (<i>Selbsterfarung / self-awareness</i>)	Семинары (<i>Seminare</i>)
Самопредставление, нарциссическое (<i>Selbstdarstellung, narzißtische</i>)	Сеттинг в КПО (<i>Setting im KB / setting in GAI</i>)
Самораскрытие (<i>Selbstentfaltung</i>)	Сигнализировать о своем присутствии (<i>Dabeisein signalisieren</i>)
Саморегулирующийся процесс (<i>Selbststeuernder Prozeß</i>)	Символдрама (<i>Symbol drama</i>)
Сверхидентификация (<i>Überidentifikation / over-identification</i>)	Символика (см. также <i>Стандартные мотивы</i>) (<i>Symbolik / symbolism</i>) - самоинтерпретация (<i>Selbstinterpretation</i>)
Сексуальные нарушения (<i>Sexualstörungen</i>)	Символическая валентность (<i>Valenz</i>)
Семейная динамика	Символические существа (<i>Symbolgestalten / symbolic figures</i>)

- враждебные
(*feindselige / hostile*)

Символическое облачение
(*Symbolische Einkleidung*)

Симптоматика (*Symptomatik*)

Система получения образования для
приобретения квалификации
“психотерапевта по методу КПО”
(*Weiterbildungskatalog zum KB-
Therapeuten*)

Ситуация, актуальная
(*Aktuelle Situation*)

- конкуренции
(*Konkurrenzsituation*)
- “ситуация равных”
(*Peer-Situation / peer-situation*)

Смысловое содержание
(*Bedeutungsgehalte*)

Сновидение наяву (см. также КПО)
(*Tagtraum / mental imagery*)

- - вхождение (*Einstieg*)
- - тема (*Thema*)
- - представление
(*Einstellung / reinstatement*)
- ночное
(*Nachttraum / night dream*)

“Собственный театр”
(*“Privattheater” / “private theater”*)

Содержание (элементы) Кататимного
переживания образов
(*Inhalte des Katathymen Bilderlebens*)

- - - - замаскированное
 противопоказание
 (*maskierte Kontraindikation*)
- - - - как показания для применения
 (*zur Indikation*)
- - - - как прогностического подхода
 (*als Prognosegesichtspunkte*)
- - - - опасность изолированного
 рассмотрения
 (*Gefahr isolierter Betrachtung*)
- - - - экстремальное выражение
 (*Extremausprägung*)

Сообщение пациента (<i>Bericht des Patienten / the patient's report</i>)	(<i>Spontane Einsichten</i>) - сценическое развитие (<i>szenische Entwicklung</i>)
Сопровождение пациента (<i>Begleitung des Patienten / accompaniment of the patient</i>)	Спуск с горы (<i>Absteig vom Berg</i>) - - признаки нарушения (<i>Störungszeichen</i>) - - синхронное преобразование (<i>synchrone Wandlung</i>)
Сопротивление (<i>Widerstand / resistance</i>) - и дискуссия (<i>und Diskussion</i>) - и интеллектуализация (<i>und Intellektualisierung</i>) - отклонения от основной темы (<i>Abschweifen vom Grundthema</i>)	Средняя ступень (<i>Mittelstufe</i>)
Спальня (<i>Schlafzimmer / bedroom</i>)	Стандартные мотивы (<i>Standartmotive / standart motifs</i>) - - выбор (<i>Auswahl / selection</i>) - - значение (<i>Bedeutung</i>) - - основной ступени (<i>der Grundstufe / of the basic level</i>) - - последовательность (<i>Reihenfolge</i>) - - символическое значение (<i>Symbolwert / symbolic value</i>) - - установка (<i>Einstellung</i>) - - как ядро кристаллизации (<i>als Kristallisationspunkt</i>)
Спонтанно приходящие в голову идеи (<i>Einfälle</i>) - - - - побуждать (<i>anregen / stimulate ideas</i>) - - - - эмоциональная связь (<i>emotionale Brücke</i>)	
Спонтанное понимание	

Степень свободы, больш́ая
(*Freiheitsgrade, größere*)
- новая (*neue*)

Стиль ведения
(*Führungsstil / style of guidance*)
- - ангажирующее внутреннее
соучастие (*engagiert mitgehen*)
- - общий (*allgemeiner / general*)
- - покровительствующий
(*schützensder*)
- - правильный (регулярный)
(*regulärer*)

Страх, страхи
(*Angst, Ängste, besetzte Inhalte*)
- образно представляемые
(*imaginäre*)
- дозирование страха
(*Angst dosierung / dosage of anxiety*)

Структурное предложение
(*Strukturangebot*)

Сумеречное состояние, гипноидное
(*Dämmerzustand, hypnoider*)

Супервизионная группа
(*Supervisionsgruppe / supervision group*)

Суперновая звезда (*Supernova*)

Сценическая последовательность
(*Szenische Abfolge*)

Сценические переживания, отрывочные
(*Szenisches Erleben, bruchstückhaftes*)

Сцены, архаические
(*Szenen, archaische*)
- из детства (*aus der Kindheit*)

Сюрреалистические образы
(*Surrealistische Inhalte*)

Т

Тематизация поля переживания

(*Thematisierung des Erlebnisfeldes / thematic focus of the experiential field*)

Тенденции осуществления желаний
(*Wunscherfüllungstendenzen / wish-fulfilling tendency*)

- поведения, спонтанные
(*Verhaltenstendenzen, spontane*)

Тенденция к наказанию

(*Bestrafungstendenz*)

- к самоисцелению
(*Selbstheilungstendenz / self-healing tendency*)

Теория научения

(*Lerntheorie / learning theory*)

Терапевтический сеанс

(*Therapeutische Sitzung*)

- - возвращение из состояния
релаксации

(*Rücknahme der Relaxation*)

- - длительность фазы сновидения наяву
(*Dauer der Tagtraumphase*)

- - завершение, заключительная фаза

(*Abschluß*)

- - и открытые проблемы
(*und offene Probleme*)

- - преимущество актуальных
конфликтов

(*Vorrang aktueller Konflikte*)

- - прорабатывание решений
(*Bearbeitung von Entscheidungen*)

- - спонтанно приходящие в голову
мысли (*Einfälle*)

- - структура (*Struktur*)

- - усиление защиты Я
(*Stärkung der Ich-Abwehren*)

Техника основной ступени

(*Grundstufentechnik*)

- средней ступени

(*Mittelstufentechnik*)

Трансфер пробных действий

(*Transfer von Probehandeln*)

- - - изменения поведения

(*der Verhaltensänderung*)

- - - на реальное поведение
(*auf Realverhalten*)

У

Угри, уртикарные
(*Acné excoriée / excoriated acne*)

Удовлетворение архаических
потребностей
(*Befriedigung archaischer Bedürfnisse / gratification of archaic needs*)
(см. также сцены, бесконфликтные)
- при помощи нарциссических,
оральных и пр. представлений
(*durch narzißtische, orale u. a. Einstellungen*)

Ундуляция между близостью и
рефлексией
(*Bewegungen zwischen Nähe und Reflexion / undulation movement between closeness and reflection*)

Уровень образного сознания
(*Ebene des Bildbewußtsein*)
- мысленных ассоциаций
(*gedanklicher Einfälle*)

- вербально-мысленный
(*verbal-gedanklich*)

Учебная психотерапия
(*Lehrtherapie / training therapy*)

Учебный анализ
(*Lehranalyse / training analysis*)

Ф

Фантазии, наплыв
(*andrängende Phantasien*)
- многоречивые
(*weitschweifende*)
- побуждать (*Anregen*)
- раскрытие
(*Entfaltung / development of fantasy*)
- и реальность (*und die Realität*)

Феномен преобразования
(*Wandlungsphänomen / phenomenon of change*)
- - контроль (*Kontrolle / control*)
- - синхронный (*synchrones*)

Феноменологический подход

(*Phänomenologischer Ansatz /
phenomenological approach*)

- на решениях проблемы
(*auf Problemlösungen*)

Фиксированный образ (см. также
Мотивы препятствия-недопущения)
(*Fixiertes Bild / fixed images*)

Формирование гипотез
(*Hypothesenbildung*)

- - плодотворность
(*Fruchtbarkeit / productiveness*)

Фрагментирование содержания образов
(*Fragmentierung der Inhalte*)

Фобия (*Phobie / Phobia*)

Фрагментированная ассоциативная
форма

Фобические ситуации
(*Phobische Situationen*)

(*Fragmentierte assoziative Form*)

- форма протекания психотерапии
(*Verlaufsform*)

Фокус конфликта
(*Konfliktfokus*)

Фрагментированное протекание,
причины

Фокусирование на остро
проявляющихся телесных ощущениях
(*Fokussierung auf akute Körpersensation*)

(*Fragmentierter Ablauf, Ursachen*)

- конфликтных структур
(*Konfliktstrukturen-Fokussieren*)

Ц

- острых конфликтов
(*akuter Konflikte / focusing on acute
conflicts*)

“Цветок”, тест

(*Blumentest / flower test*)

- - для вступления в психотерапию
(*zur Therapieeinleitung / begining of
the first GAI session*)

- - завершение
(*Beendigung / end of the test*)
- - переход к сновидению наяву
(*Übergang zum Tagtraum / transition to mental imagery*)
- - примеры (*Beispiele / examples*)
- - и реакция пациента
(*und Reaktion des Patienten*)
- - техника (*Technik*)
- - формы нарушения
(*Störungsformen / types of disorder*)

Цель терапии
(*Therapeutische Zielsetzung*)

Цепочки ассоциаций
(*Assoziationsketten*)

Ч

Чердак (*Dachboden / attic*)

Четкость выражения вербальных
формулировок
(*Prägnanz der verbalen Formulierung*)

Чувства и аффекты, сопутствующие
(*Gefühle und Affekte, begleitende / feelings and affects, accompanying emotions*)

- освобождение
(*freisetzen / liberation*)

Э

Экзаменационный ступор
(*Examensstupor / test stupor*)

Экран проекции
(*Projektionsschirm / projection screen*)

Экспансивная активность
(*Expansive Aktivität*)

Экспансивная составляющая
(*Dimension, expansive*)

Элементы настроения
(*Stimmungselemente*)

Элементы образов удерживать
(*Inhalte festhalten*)

Эмоциональная выразительность
(*Emotionale Prägnanz*)

Эмоциональный тон
(*Gefühlston / emotional tone*)

Эмпатия (*Empathie / empathy*)

Эффект обратной связи
(*Feedbackwirkung / feedback effect*)

- - - зависимость и связанность
(*Verbindlichkeit / binding character*)

- - - усиление
(*Verstärkung / intensification*)

Я

Я, близость
(*Ich, Nähe / Ego proximity*)

- отдаленность
(*Ferne / Ego distance*)

- поддержка (*stützend*)
- расщепление
(*Spaltung / Ego-splitting*)

- структурный дефицит
(*strukturelles Defizit*)
- усиление
(*Stärkung / strengthening*)

Язык образов
(*Sprache der Bilder / "language of the images"*)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию.....	7
Предисловие к четвертому изданию	9
Из предисловия ко второму изданию	11
1 занятие. Введение в Кататимное переживание образов и предпосылки для его применения. 13	
2 занятие. Основной принцип	37
3 занятие. Техника I - методические шаги	47
4 занятие. Техника II - демонстрация КПО на примере испытуемого	58
5 занятие. Техника III - демонстрация Кататимного переживания образов пациента	67
6 занятие. Стандартные мотивы <i>основной ступени</i> КПО	76
Первый стандартный мотив: <i>луг</i>	80
7 занятие. ... Второй стандартный мотив: <i>ручей</i>	89
<i>Море</i>	95
<i>Использование воды</i>	98
8 занятие. Третий стандартный мотив: <i>гора</i>	102
<i>Подъем в гору</i>	106
9 занятие. Продолжение третьего стандартного мотива: <i>гора, панорама, ее трансформация</i>	114
<i>Спуск</i>	121
10 занятие. Два последних стандартных мотива: <i>дом</i>	

<i>опушка леса с символическими образами</i>	123
Пятый стандартный мотив: <i>заглянуть во мрак леса</i>	134
<i>11 занятие.</i> Режиссерские принципы основной ступени	141
Первый сеанс	147
Введение в психотерапию по методу КПО	150
<i>12 занятие.</i> Начало лечения - технические вопросы	158
<i>13 занятие.</i> ..Вступление, временная структура и протекание терапевтического сеанса	171
<i>14 занятие.</i> ..Ведение и определение структуры сновидения наяву I.....	183
<i>15 занятие.</i> ..Ведение и определение структуры сновидения наяву II	198
<i>16 занятие.</i> (5) КПО помогает решению повседневных проблем	216
<i>17 занятие.</i> (6) Креативное раскрытие и ассоциативный метод	227
<i>18 занятие.</i> Ассоциативный пассаж и фрагментированная форма	235
<i>19 занятие.</i> Ассоциативный метод и возрастная регрессия	253
<i>20 занятие.</i> (7) Бесконфликтные сцены и удовлетворение архаических потребностей	264
<i>21 занятие.</i> (8) Ориентация на психотерапевтически действенные факторы	276
<i>22 занятие.</i> (9) Перенос и контрперенос в Кататимном переживании образов	286

23 занятие. Показания и противопоказания для применения методов основной ступени КПО.....	297
Опасности Кататимного переживания образов	305
Приложение I..... Средняя ступень	307
Стандартные мотивы средней ступени	307
Психотерапевтические техники средней ступени	310
Режиссерские принципы средней ступени (операции с символами)	313
Высшая ступень	314
Стандартные мотивы высшей ступени	314
Психотерапевтические техники.	316
Режиссерские принципы высшей ступени	316
Приложение IIСписок учреждений, осуществляющих обучение методу <i>Кататимного переживания образов</i>	223
Приложение IIIСписок трудов автора по теме Кататимного переживания образов в хронологическом порядке	323
Приложение IVСписок казуистических примеров в тексте	327
Список литературы	329
Предметный указатель.....	337